

Russian Studies in Culture and Society

ISSN 2576-9782

Volume 7, Number 2
2023

ISSN 2576-9782

Russian Studies in Culture and Society

Volume 7, Number 2
2023

Научно-инновационный центр
Красноярск, 2023

12+

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-71857 от 08.12.2017 г.) и Международным центром ISSN (ISSN 2576-9782).

Журнал выходит четыре раза в год. Основан в 2017 г.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

Russian Studies in Culture and Society, Volume 7, Number 2, 2023

Главный редактор:

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Члены редакционной коллегии:

Г.Д. Гриценко, д-р филос. наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация), **Е.М. Кирюхина**, д-р культурологии (Нижний Новгород, Российская Федерация), **В.Б. Малышев**, д-р филос. наук (Самара, Российская Федерация), **Т.П. Минченко**, д-р филос. наук (Томск, Российская Федерация), **Р.Б. Салморбекова**, д-р соц. наук (Бишкек, Кыргызстан), **Н.В. Серов**, д-р культурологии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), **Е.В. Хлыщева**, д-р филос. наук (Астрахань, Российская Федерация), **А.Р. Ахметова**, канд. ист. наук (Казань, Российская Федерация), **М.Х. Ахметова**, канд. соц. наук (Набережные Челны, Российская Федерация), **В.М. Большакова**, канд. юр. наук (Нижний Новгород, Российская Федерация), **Т.А. Магсумов**, канд. ист. наук (Набережные Челны, Российская Федерация), **Г.В. Малашин**, руководитель отдела по взаимодействию Церкви с обществом и СМИ Красноярской епархии РПЦ (Красноярск, Российская Федерация)

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, Красноярский край, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: editor@csjournal.ru

www.csjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Подписано в печать 30.06.2023. Дата выхода в свет 30.06.2023. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 12,82. Тираж 1000 экз. Свободная цена. Заказ RSCS72/2023. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-71857, 08.12.2017) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2576-9782).

The journal is published 4 times per year. Founded in 2017.

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

Russian Studies in Culture and Society, Volume 7, Number 2, 2023

Editor-in-Chief:

Galina S. Shirokalova, Doctor of Sociology, Ph.D., Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Editorial Board Members:

Galina D. Gritsenko, Doctor of Philosophy (Rostov-on-Don, Russian Federation), **Elena M. Kiryukhina**, Doctor of Culturology (Nizhny Novgorod, Russian Federation), **Vladislav B. Malyshev**, Doctor of Philosophy (Samara, Russian Federation), **Tatyana P. Minchenko**, Doctor of Philosophy (Tomsk, Russian Federation), **Rita B. Salmorbekova**, Doctor of Sociology (Bishkek, Kyrgyzstan), **Nikolay V. Serov**, Doctor of Culturology (St. Petersburg, Russian Federation), **Elena V. Khlyshcheva**, Doctor of Philosophy (Astrakhan, Russian Federation), **Albina R. Akhmetova**, Ph.D. in History (Kazan, Russian Federation), **Milausha Kh. Akhmetova**, Ph.D. in Sociology (Naberezhnye Chelny, Russian Federation), **Valentina M. Bolshakova**, Ph.D. in Law (Nizhny Novgorod, Russian Federation), **Timur A. Magsumov**, Ph.D. in History (Naberezhnye Chelny, Russian Federation), **Gennady V. Malashin**, Head of the Department for Interaction of the Church with the Society and Mass Media of the Krasnoyarsk Diocese of the Russian Orthodox Church (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Based on the conclusion of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, the journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: editor@csjournal.ru

www.csjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Published by

Science and Innovation Center Publishing House

Approved for printing 30.06.2023. Format 60x84/16. Order RSCS72/2023. The Printing House. 27/24, Presnensky Val Str., Moscow, 123557 Russia

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-4-26

УДК 248

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

ПОДВИЖНИЧЕСТВО КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ

И.В. Макаров, В.В. Пасечник

В данной статье проанализирован опыт православного подвижничества и его практическое выражение как реализация смысла бытия человека. На Руси к подвижникам веры и духа всегда было особое внимание общества, к ним обращались за советом, вокруг них возникали монашеские общины, формировалась особая культурная традиция.

Авторы попытались дать ответ на вопрос о том, сохранилась ли подвижническая традиция в современной России. Нами выдвинуты предположения о том, по какому вектору может происходить ее дальнейшее развитие. В качестве примера проявления интенций православного подвижничества в современной жизни приведена деятельность общественных православных волонтерских и молодежных организаций.

Ключевые слова: православная культура; агиология; агиография; подвижничество; смысл жизни; русское православие; волонтерство; православные молодежные организации

Для цитирования. Макаров И.В., Пасечник В.В. Подвижничество как практическое выражение традиционных ценностей в русской православной культуре // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 2. С. 4-26. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-4-26

Original article | Theory and History of Culture and Art

ASCETICISM AS A PRACTICAL EXPRESSION OF TRADITIONAL VALUES IN RUSSIAN ORTHODOX CULTURE

I.V. Makarov, V.V. Pasechnik

This article analyzes the experience of Orthodox asceticism and its practical expression as the realization of the meaning of human existence. In Russia, the ascetics of faith and spirit have always received special attention from society, they were asked for advice, monastic communities arose around them, a special cultural tradition was formed. The authors tried to answer the question of whether the ascetic tradition has been preserved in modern Russia. We have made assumptions on which vector its further development can take place. As an example of the manifestation of the intentions of Orthodox asceticism in modern life, the activities of public Orthodox volunteer and youth organizations are given.

Keywords: *Orthodox culture; hagiology; hagiography; asceticism; meaning of life; Russian Orthodoxy; volunteering; Orthodox youth organizations*

For citation. *Makarov I.V., Pasechnik V.V. Asceticism as a Practical Expression of Traditional Values in Russian Orthodox Culture. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 4-26. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-4-26*

Введение

Тема подвижничества, как части русской культуры, в современной историко-философской литературе освещена недостаточно. Это обстоятельство служит одним из подтверждений актуальности данной темы. По информации отдела по канонизации Русской Православной Церкви на юбилейном соборе 2000 г. было прославлено 9 подвижников веры, в основном живших в XX в., что свидетельствует в пользу

того, что эта духовная традиция не прервалась даже в тяжелый для религиозной жизни советский период [20].

Нам представляется важным определение подвижничества как характерного для русской православной религиозной культуры явления, что, в свою очередь, позволит дать более точное определение православной духовности в целом. Важность такого определения подтверждается общественным запросом на поиск новых национальных ориентиров. Так, 9 ноября 2022 был утвержден документ стратегического планирования: «указ президента российской федерации об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [19]. Нравственные ориентиры, заявленные в документе, не могут транслироваться сами по себе, должны существовать общественные институты, имеющие авторитет для граждан, находиться личности, которые будут воплощать эти идеалы на практике. В настоящее время действует ряд общественных организаций, вдохновленных примерами духовного подвижничества и общественного служения из истории православной духовной культуры. Таким образом, на сегодняшний день очевидна потребность в определении духовно-нравственных ориентиров, актуальных для нового поколения. Работа, по выявлению и трансляции такого рода ценностей ведется, в частности, в рамках воспитания молодежи. В связи с этим представляется необходимым установить общие черты православного подвижничества и современного общественного служения.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили различные агиографические памятники, относящиеся к православной подвижнической традиции, при изучении вопроса о современном подвижничестве мы обратились к автобиографическому материалу и воспоминаниям современников. Методологией исследования выступают культур-философский и аксиологический подходы, ключевой метод - фило-софско-религиоведческий анализ.

Результаты исследования

Современный исследователь Л.Л. Махно дает такое определение подвижничеству: «Духовное подвижничество – это путь христианского совершенствования, духовного возрастания человека с помощью Божией. Это путь ко Христу, строгое и взыскательное отношение к себе как к христианину» [15]. Жизнеописание подвижников, нередко, вызывало противоречивые чувства как у современников, так и авторов последующих эпох. Архимандрит Софроний (Сахаров), автор книги о подвижнике, старце Силуане Афонском, пишет: «... Подвижничество, аскетизм, как труд духовный, неотъемлемо не только от всех известных истории великих и невеликих религий, но и вообще от всякой человеческой культуры, даже и безрелигиозной. Все религии: язычество, буддизм, иудейство, магометанство, все современные нам формы пантеизма, теософии, эзотеризма, антропософии и подобных им мистических течений, и наконец – наше христианство, имеют свою аскетическую культуру, отличную в той или иной мере от других, в силу различия догматического сознания, лежащего в основе всякой религии вообще и аскетики в частности. ...мы и определяем как смысл и цель православного подвижничества – хранение заповедей Христа, стремление к тому, чтобы заповеди эти стали единственным вечным законом всего нашего бытия» [32].

Корни православного подвижничества усматриваются как в Священном Писании, так и в Священном предании: пример пророков, царей, апостолов, благочестивых патриархов и центральной личности писаний – Христа легли в основу концепции подвижничества. Последователи Христа совершали подвиг не ради подвига, а ради любви к ближнему и любви к Богу. Современники подвижников благочестия видели, что такие люди и есть «свет миру», ими восхищались, их пример подлинно христианской жизни вдохновлял на подвиг ближних. Православная агиология и агиография изобилуют примерами духовного усердия, их мотивы отражаются в изобразительном искусстве – иконописи и храмовой монументальной живописи.

Христианское подвижничество, выступает как средство реализации подлинной свободы и смысла жизни человека. Результаты

аскетического опыта вливаются в христианскую культуру, науку и искусство. Целью христианского подвижничества выступает достижение соработничества человеческой и божественной воли, стремление к теозису (обожению) всего человеческого естества. По мнению архим. Сафрония подобное состояние недостижимо только одной лишь аскезой, важной составляющей является и молитвенное делание: «В молитве культура православного аскетизма достигает своего наивысшего проявления и совершенства. Через истинную молитву совершается наше вхождение в Божественное Бытие силою Духа Святого. Вот почему преимущественное внимание и главная сила подвижника отдаются именно деланию молитвы. Молитва может быть бесконечно разнообразною и по формам, и по своему достоинству. Наиболее совершенной является так называемая чистая молитва. Ради достижения этой чистой молитвы, христиан-подвижник оставляет все прочее как бы позади себя. И в этом оставлении заключена сущность того, что всем вам известно как монашеское отречение от мира» [32].

Практическая реализация высоких идеалов христианского подвижничества широко описана в агиографической литературе. Древнейшим русским житием, по мнению исследователей [6], по-видимому, было «Житие Антония Печерского», к сожалению, в первоначальном варианте оно не сохранилось. Во второй половине XI в. появляются жития Бориса и Глеба, и Феодосия Печерского. Если первые выступают как православные герои, миротворцы, страстотерпцы, то Феодосий – это эталонный образ подвижника.

Феодосий убегает от гиперопеки матери, находит малоизвестную общину монахов и предается различным аскетическим подвигам и молитве. Он быстро возрастает от простого инока до игумена обители, но, достигнув высокого положения, не меняет образа жизни, разделяет тяжелый труд с простыми монахами и носит ветхую одежду. При нем же обитель становится эталонным монастырём Киевской Руси, за советом к преподобному идут не только простые люди, но и князя. Предвидя свою кончину, он дает завещание князю и братии, а его мощи остаются нетленными. Естественно, на составление

жития Феодосия повлияла Византийская традиция, но можно найти и некоторые отличия, так если в византийской традиции подвижник разрывает все родственные связи [7, с. 130], то Феодосий не разрывает общение со своей весьма властной матерью, наоборот, в ходе долгого общения уговаривает ее принять постриг в близлежащем женском монастыре. Второй интересный момент – это отсутствие упоминания митрополита Киевского в житии преподобного, удивительно, что тот ни разу не поучаствовал в жизни самого известного монастыря на Руси. Этому факту есть одно объяснение, киевский первоиерарх по происхождению был греком, и в сказании о русском подвижнике летописец Нестор не оставил ему места. Подобный подход летописца указывает на стремление к самостоятельности для русской духовной традиции.

Ценным источником по истории древнерусского подвижничества является «Киевский пятерик» (XI–XIV в.), повествующий о духовных последователях Антония и Феодосия Печерских. Здесь мы находим яркие образы подвижников: Никола Святоша – первый князь-инок на Руси, хотя и до него князья принимали монашество, но обычно это происходило в конце жизненного пути и проживали лица знатного рода в особых условиях, Никола же разделял труды вместе с простыми монахами, а свои богатства употребил на благотворительность и храмоздательство.

Интересен подвиг Прохора Лебедника, он был очень аскетичен в еде и не употреблял ржаного хлеба, выпекая себе хлеб из лебеды. Когда случился голодный год, Прохор кормит своим хлебом всех нуждающихся, и его хлеб чудесно становится сладким. Когда наступает оскудение соли – базового продукта той эпохи, по молитве святого пепел превращается в соль, которой он делился с нуждающимися, чем вызывал негодование купцов. Безмездный врач Агапит из числа братии монастыря исцеляет всех нуждающихся молитвой, а своего оппонента, некоего врача армянина приводит к постригу. Здесь мы видим общественное служение подвижников, но есть и другая сторона подвижничества – это затворничество.

Замечательным примером здесь является житие Исаакия затворника, который, согласно патерику, является учеником самого Антония. Святой Исаакий уходит в затвор в маленькой пещере, но не выдерживает искушений от злых духов и почти погибает. Получается затворничество намного сложнее и опаснее в плане духовном, чем общественное служение. После неудачного опыта отшельнической жизни, Исаакий берет на себя – первым на Руси – подвиг юродства.

Чин юродивых на Руси, это тема отдельного рода исследований, наблюдается большой интерес к этому виду подвижничества со стороны таких наук как психология, социология, имеджиология. После падения Исаакия, почти на столетие Печерские иноки не практикуют затворничество, но уже в XIII в. несколько монахов из числа братии выбирают затвор, самый знаменитый из них – Иоанн Многострадальный. Тридцать лет этот святой провел в пещере, нося на теле тяжелые вериги и претерпевая как физические неудобства, так и искушения от бесов. Не все подвижники, выбравшие затвор смогли достигнуть святости, некоторые проиграли в схватке с искушениями: вообще тема демонологии в пятерике раскрывается довольно подробно, подобно египетским патерикам IV- IV вв.

Нами рассмотрен феномен подвижничества в самом начале становления русского государства. Итак, русское подвижничество имело два образа служения – затвор и общежительное монашество, проявлением которого стало социальное, учительное, миссионерское служение. Особняком тут стоит подвиг юродства, ведь далеко не все юродивые на Руси давали монашеские обеты. В своем историческом развитии христианское подвижничество принимало различные формы. Рассмотрим наиболее известные из них.

Юродство – форма аскетической практики, подразумевающая отрицание общеустоявшихся норм поведения, особый образ жизни, напоминающий зачастую состояние психического помешательства, отказ от разума, материальных благ, и социальных ролей. Иеромонах Алексей Кузнецов в своем труде «Юродство и Столпничество», так характеризует юродство: «наружное сознательное отречение от пользования разумом, составляющим высшее отличие и преимущество

человека, видимо неблагопристойное отречение от всех внешних правил и законов гражданского общежития, полное презрение к принятым в свете приличиям, лишение себя всяких дозволенных благ и невинных радостей» [9]. Часто юродство понимается в широком смысле, и пересекается с другими формами аскезы – затворничество, столпничество, бессребреничество.

Затворничество – форма отшельничества монашеская практика, подразумевающая уединение в затворе. Является разновидностью сотериологической аскезы и характеризуется тем, что подвижник уединяется не в пустынной, безлюдной местности, но в среде монастыря, скита, города, и т. д. Агиологические свидетельства XI–XV веков приводят множество примеров такого подвига: прп. Антоний, прп. Исаакий, прп. Афанасий Затворник Иоанн Многострадальный, Авраамий Затворник, Иеремия Прозорливый, прп. Лаврентий Затворник, прп. Павел Обнорский, прп. Кирилл Белозерский, и многие другие. В позднейший период (XVI – XVII вв.) приводятся примеры Корнилия Комельского, Александра Свирского, прпмч. Галактиона Вологодского, Прп. Иринарх, прп. Вассиан Тиксненский. Зачастую, затворники покидали место своего добровольного заточения, для участия в богослужениях, но были примеры, при которых подвижник не покидал пределов своей обители ни при каких обстоятельствах [24].

Бессребреничество – форма подвижничества, при которой человек, добровольно отказывается от имущества и безвозмездно помогает немущим и обездоленным. Примером такого рода подвижничества в новозаветной традиции является Иисус Христос. Бессребреничество стремится к разрыву с материальными благами и корыстностью. Особенность такого рода аскезы заключается в том, что святоотеческое учение призывает не отказываться от сребролюбивых дел вовсе, а бороться с душевными пристрастиями к стяжательству и потаканию низменных страстей. Среди бессребренников на Руси чтятся святые Косма и Дамиан, Кир и Иоанн, Пантелеимон и Ермолай.

Столпничество – достаточно редкий вид подвига, при котором преподобный творит непрерывную молитву находясь на «столпе», то есть открытой искусственной возвышенности, столбе, площадке

либо башне. К древнейшим «столпникам» относятся: Св. Симеон, сирийский пустынный, Св. Даниил, Св. Иоанн и Св. Симеон Дивногорец, Антоний – столпник Марткопский, Св. Алипий, Св. Феодосий Эдесский. К продолжателям этой традиции на Руси относятся: Св. Никита, Св. Кирилл Туровский, Св. Савва Вишерский, Св. Симеон. Как отмечает, иеромонах Алексей (Кузнецов), на Западе, сколько известно, «столпничество» не привилось. Григорий Турский в своей истории франков повествует: когда один отшельник, вероятно, Вульфляйх, по примеру восточных столпников, устроил себе столп близ Трира, в Арденских горах, то Галльские епископы взглянули на это не благосклонно и приказали столп разрушить [24]. Таким образом, столпничество можно отнести к практикам, получившим наибольшее развитие именно в православной религиозной традиции.

Старчество – форма подвижничества, получившая распространение в начале XIX века. Старчество подразумевает духовное наставление и окормление паствы. С.С. Хоружий дает такое определение старчества: «Это служение есть «духовное водительство», которое предполагает известную прозорливость, а также и способность своего рода расширения личности: старцу надлежит прозревать внутренние движения послушника и воздействовать на них, управлять ими, тем самым как бы сделав внутренний мир послушника частью своего собственного. И опыт аскезы показывал, что жизнь в подвиге действительно создает и развивает у человека эти духовные способности. Духовная практика – «практика себя», практика точно выверенной аутотрансформации, которая предполагает зоркое самонаблюдение и глубокое видение себя, самопознание» [40]. Современные исследователи характеризуют старчество именно как феномен религиозной жизни, наиболее характерный для православия, зародившийся на Афоне, и получивший наибольшее распространение именно в Восточнославянском мире. Тем не менее, старчество оказалось в центре внимания на рубеже XVIII-XIX веков. К древнейшим подвижникам, практиковавшим старчество можно отнести Сергия Радонежского, Стефана Пермского и Нила

Сорского, их продолжателями в эпоху Нового времени стали Серафим Саровский, Амвросий и Макарий Оптинские [15].

Тайное монашество – уникальный феномен, имевший место только в Русском Православии XX века. Такая монашеская практика возникла в результате планомерной борьбы советской власти с церковным влиянием, итогом которой стало практически полное прекращение деятельности монашеских общин. Многие монастыри были закрыты уже в 20-30 е гг. XX в. «В первые годы советской власти верующим удавалось зарегистрировать монастырские храмы как приходские. Это позволило продлить фактическое существование ряда обителей» [11], но экспроприация земель и зданий монастырей окончательно подорвала экономическую базу монашеских общин. На всей территории СССР к 1941 г. не осталось официально действующих монашеских общин. В результате сформировалось два основных подхода к сохранению монашества: т.н. «конформисты» – считали, что, несмотря на гонения, монашество – как аскетическая традиция – не должно угаснуть. Они реализовали концепцию существования монахов «в миру», не носящих внешних атрибутов монашества, но в тайне сохраняя верность монашеским уставам. Они могли трудиться на светской работе, главное, чтобы она не вредила душе, а дома осталось время для исполнения монашеского правила. Такие монахи окормлялись духовниками, которые помогали поддерживать связь с церковной традицией. Такой подход получил название «монашество без стен и одежды» [2], другую же группу можно назвать неконформистской или «изоляционистской», ее представители не только находились в жесткой оппозиции к советской власти, но и не признавали официальную церковную иерархию. Представители второй группы считали советскую власть антихристианской. В их среде преобладали эсхатологические настроения, их поведение не отличалось скрытностью, поэтому они стали наиболее уязвимы для карательных органов.

Возможно, одним из ярчайших представителей тайного монашества, «монашества без стен и одежды», является выдающийся советский мыслитель, филолог, профессор Алексей Феодорович

Лосев – в монашестве Андроник. Его жизненный пример является наглядным воплощением подвижничества в эпоху гонений на верующих в СССР. 3 июня 1929 года вместе с женой Валентиной они приняли тайный постриг с именами Андроник и Афанасия. В 1930 г. он был арестован, осужден по делу так называемой контрреволюционной организации «Истинно-православная церковь», в 1933 г. досрочно освобожден из Свирлага по инвалидности, почти утратив зрение. После 1953 г. ему вновь разрешили публиковаться, вплоть до своей кончины 1988 г. он подарил науке множество публикаций, но есть у него и чисто богословские тексты, например в «Очерках античного символизма и мифологии». А.Ф. Лосев не мыслил себя без храмового богослужения. В Страстную и Светлую седмицу он посещал монастырские службы, в Москве посещал храм, где пели соловецкие монахи, не прекращал общения с духовником. Церковные службы он знал наизусть, последние годы жизни причащался на дому, тайно, не смотря на возраст строго держал пост. Алексей Феодорович имел реальный подвижнический опыт вполне сопоставимый по глубине с самыми высокими образцами аскетической литературы: «Человек, живущий в миру, настолько обрастает материей и овеществляется, настолько прилепляется плоти, что ему непонятны самые первые и самые первые правила аскетической жизни. Как трудно новонаначальному простоять хотя бы полчаса на молитве! А между тем стояние на молитве должно быть долгим, очень долгим, и надо приучить себя просто не замечать многочасовых молитвенных стояний и бдений. Необходимо добиться первого сдвига при помощи простейших средств, памятуя о том, что Господь, рано ли, поздно ли, откроет истину, и ты поймешь свой мрак и свое неведение, в которых находился в миру до молитвы» [14]. А.Ф. Лосев, являясь автором 800 произведений, имея множество почетных званий, утверждал, что прожил свою жизнь неудачно, полноценно не реализовал себя в духовной сфере: «С чем предстану перед Богом?», такой вопрос в духе древних подвижников задавал он себе на склоне лет.

Кроме тайного монашества, в период гонений на веру, мы встречаем еще один пример подвижничества священнослужителей в

миру, при котором практика православного духовного делания как белого, так и черного клира, не подразумевала отказ от светской, общественной деятельности. Здесь стоит обратиться к образу жизни Луки (Войно-Ясенецкого), практикующего хирурга, ученого и епископа РПЦ. Он внес существенный вклад в анестезиологию, гнойную хирургию и бактериологию. В воспоминаниях о святителе, его цитатах, прямо говорится о давлении на него и его окружение со стороны властей: «Мне-то ничего не сделают, даже не скажут, если я и постою у престола или служить вздумая, <...> А вот настоятелю, церковному совету достанется: расправятся, чтобы другим неповадно было. Меня терпят, но смотрят зорко – не возьмет ли кто с меня пример? И горе обличенному!» [3]. Кроме научных трудов по медицине, свт. Лука оставил и сочинения духовного характера, которые говорят о его подвижническом опыте. Особенно интересны его мысли о сердце, как о месте сосредоточения духовной жизни человека: «Об ощущении Бога или, вернее, благодатных воздействий Духа Божия на сердце говорят многие подвижники благочестия, многие преподобные. Все они более или менее ярко ощущали то же, что и св. пророк Иеремия: «было в сердце моем, как бы горящий огонь» [30]. Работа Войно-Ясенецкого «Дух, душа и тело» является достойным продолжением традиции отечественной кардиогности.

На примере такого рода подвижничества, можно утверждать, что несмотря на антицерковную риторику в СССР, тайные монахи могли все же развивать свою деятельность, пусть и в неблагоприятных условиях. Принцип соборности, помощи ближним, в известной степени коррелировал с социалистической парадигмой мышления того времени. Вклад тайных подвижников в общественную и научную жизнь советской России был по достоинству оценен. Так, упомянутый нами, А. Ф. Лосев имел степень доктора филологических наук, звание профессора, награжден орденом Трудового Красного Знамени (1983 г.) и Государственной премией СССР (1986 г.). Лука Войно-Ясенецкий удостоился Сталинской премии первой степени (1946 г.), за участие в Великой Отечественной войне был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Тайное монашество было хоть и вынужденным, но действенным инструментом деятельности религиозных подвижников советской эпохи. Такие известные советские ученые, как Игорь Шафаревич, Борис Раушенбах, Дмитрий Лихачев, Сергей Аверинцев, Глеб Каледа [27] хотя и не были тайными монахами, но в личных беседах и даже публичных вступлениях говорили о Боге, защищали вклад русского православия в культуру и историю страны, и их вклад в науку также был признан советским государством [42]. Очевидно, что подвижники советского периода внесли весомый вклад как в духовную культуру православия, так и в научное развитие советского общества, что подтверждается высокими государственными наградами и званиями.

Помимо перечисленных, зачастую, к духовным практикам подвижников относятся строгий пост, исихазм, ношение вериг и т. п. Таким образом, можно утверждать, что аскетический путь подразумевает поведение, отличное от общепринятых норм, принятие особой социальной роли, строгое следование религиозным доктринам, почерпнутым из наследия святоотеческого опыта. При этом не следует отождествлять понятия «подвижник» и «аскет»: подвижничество не всегда подразумевает аскезу, и наоборот. Сотериология подвижничества подразумевает путь к соборному спасению, служение ближнему и создание примера для верующих.

Мы можем наблюдать, что в XX в. православное подвижничество сохранило свою энергию и получило развитие в тайном монашестве и открытом исповедничестве православного образа жизни и мысли. Примерами такого рода духовного труда являются преподобный Амфилохий Почаевский, святители Иоанн Шанхайский и Лука Войно-Ясенецкий, преподобный Лаврентий Черниговский, тайный монах Андроник (Лосев).

Интенции подвижничества сохраняются и в современной православной культуре, в то время как интерес к аскетизму на западе неуклонно падает. Причина тому — различное понимание характера христианской сотериологии. Для русского православия спасение имеет соборный характер, противоположный индивидуализму ла-

тинской церкви. Для католика духовный труд – дело более личное, отчужденное от общественной жизни.

Ярким примером трансляции культурного наследия подвижничества в наше время является деятельность православных молодежных организаций (ПМО), действующих на базе культурно-просветительских центров и воскресных школ. Работа на этом уровне возглавляется и контролируется Синодальным отделом по делам молодежи Московского Патриархата. Данный отдел координирует деятельность подобных учреждений в Самоуправляемых Церквах, Экзархатах, Митрополичьих округах и епархиях. Согласно уставу Русской Православной Церкви (глава VI, п. 9) основными задачами работы с молодежью являются теологическое и нравственное воспитание, основанное на изучении Закона Божия, Священного Писания и Священного Предания, святоотеческого наследия Русской Православной Церкви, основ литургического, сравнительного, догматического и нравственного богословия. В зависимости от профиля МПО, участники этих организаций занимаются следующими видами деятельности: семейное и патриотическое воспитание, создание военно-исторических клубов, трудовые послушания, связанные с облагораживанием приходских территорий и городской среды, волонтерская работа с учащимися школ, общественной деятельности: посещение детских домов, больниц, домов ветеранов.

Традиции православного бессребреничества продолжает и волонтерское движение, так Москве в православной службе добровольцев «Милосердие» задействовано свыше 1500 человек, среди них менеджеры, инженеры, врачи, бизнесмены, студенты [35, с. 212]. В Русской православной церкви работу подобных организаций координирует Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению. Существуют добровольческие движения – «Даниловцы», «Православные добровольцы» и другие, которые оказывают помощь ветеранам, инвалидам, бездомным, многодетным, детским домам и домам престарелых. Представители движений помогали людям, находившимся на самоизоляции в период пандемии коронавируса [38, с.149].

Таким образом, можно утверждать, что идеалы православного подвижничества были перенесены в сферу воспитания и общественной деятельности. Подобные интенции, как нам представляется, должны со временем, только усиливаться, получать дальнейшее развитие и отклик у активной части российского общества и молодежи, в частности. Опыт православных подвижников может сформировать новую парадигму сознания у подрастающих поколений, укрепить их духовно-нравственный облик, противопоставив такие качества как эмпатия и альтруизм, индивидуалистскому, эгоистическому мировоззрению, присущему западным культурным ценностям.

Заключение

Цель православного подвижника, смысл его жизни состоит в том, чтобы не только и не столько стать примером силы вероисповедания, но и оказать прямую помощь, поддержку ближним своим. Именно благодаря принципу соборности, феномен подвижничества приобрел наибольшее распространение в русском православном мире. Подвижничество было спутником русской культуры на всем пути ее развития, даже в советский период православные подвижники внесли свой вклад в развитие как церкви, так и общества, и этот вклад получил положительную оценку со стороны государства.

Наследие подвижников обнаруживает себя и в современной отечественной духовной культуре. В настоящее время действуют многочисленные общественные православные организации — ПМО (православные молодежные организации), волонтерское движение, различного рода братства, сестричества, которые, имея в качестве аксиологических ориентиров наследие подвижников прошлого, реализуют их интенции и убеждения в ежедневном служении ближнему и социальных проектах. Ключевой чертой, обнаруживающей связь деятельности ПМО и волонтерского движения с культурным наследием православного подвижничества, является альтруизм, и стремление помочь ближним. Можно утверждать, что подвижничество практически отражает менталитет и культурную кодификацию русского православия, являясь характеризующим его феноменом.

Список литературы

1. Агеева А.В. Возникновение и становление воскресных школ как инновационной формы образовательных учреждений в России : дисс. канд. наук. Москва, 2015. 250 с.
2. Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР / Алексей Беглов; [Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека и др.]. Москва: РОССПЭН, 2018. 350 с.
3. Волков О.В. Воспоминания о свт. Луке (Войно-Ясенецком). https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/vospominanija-o-svt-luke-vojno-jasenetskom/
4. Горлова Н.И. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М.: Институт наследия, 2019. 290 с.
5. Давыдов Алексей Юрьевич Аскетические воззрения Василия Великого и их роль в формировании и развитии религиозного сознания и общественной мысли Руси второй половины XIV - начала XV вв // ИСОМ. 2015. №5-1.
6. Древнерусская литература. Под редакцией Д. С. Лихачева. <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/lihachev-drevnerusskaya-literatura/agiografiya-1.htm> (дата обращения: 05.07.2022).
7. Зайцев А.Н. История Церкви. М.: Никая, 2016. 272 с.
8. Игнатий (Брянчанинов), свт. Приношение современному монашеству. М., 2003.
9. Иеромонах Алексей (Кузнецов) Юродство и столпничество. https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/yurodstvo-i-stolpnichestvo/2_1
10. Ильина А. Ю. Феномен странничества в отечественной православной культуре // ИСОМ. 2014. №1.
11. Каулен М.Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001. 163с.
12. Короплясова Е.В. Православное молодежное движение в России: исторические предпосылки и современные особенности развития // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. №1. С.98-106.

13. Кучмаева И.К. Служение ради жизни на земле - исток творчества, путь подвижничества // Культурное наследие России. 2013. №1.
14. Лосев А.Ф. «Мне было 19 лет...»: дневники. Письма. Проза / А. Ф. Лосев; сост., предисл., коммент. А. А. Тахо-Годи. Москва: Русские словари, 1997. 340 с.
15. Махно Л.Л. Тема духовного подвижничества в трудах отечественных историков на рубеже XIX-XX вв // Общество: философия, история, культура. 2020. №2 (70).
16. Мельситов В.В., Сергиенко Н.Л., Чернышёва С.А. Феномен и понятие духовности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. №4 (229).
17. Неронова М. Ю. Православное аскетическое подвижничество как реализация теологически осмысленной «Духовной технологии» // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. №4.
18. Неронова М. Ю. Место аскетического подвига в культуре современной России // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. №3. С. 224-225.
19. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>
20. Обзор деятельности Синодальной комиссии по канонизации святых с момента ее учреждения. https://comcan.ru/o-komissii/29.12.18_obzor_deyat.pdf
21. Исаев А.А. Роль православия в духовно-нравственном воспитании молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №4-1.
22. Плахотская Е.В. Старчество в истории русского православия // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2010. № 3(24). С. 269-280.
23. Пинюгина Е.В. Русская православная церковь и осмысление российской истории XX века. Часть 1 // Символическая политика. 2015. №3. С. 236-254.
24. Пономарев П. Догматические основы христианского аскетизма: По творениям вост. писателей-аскетов IV в. Каз., 1899; Петр (Ека-

- териновский), еп. О монашестве. Серг. П., 1904; Ковалевский И., прот. Чрезвычайные виды монашеских подвигов. М., 1905; Reclus // DSAMDH. 1988. Т. 13. Col. 217-228.
25. Попова О. В. Взаимоотношения церкви и государства в СССР: традиции и опыт // *Метаморфозы истории*. 2002. №2. С. 219-245.
26. Прот. Цыпин В. Взаимоотношения церкви и государства в России. Исторический очерк. <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/4220>.
27. Пять столпов науки, которые помогли Церкви выжить в СССР. Журнал «Фома». 2018. № 4. Апрель (180). <https://foma.ru/5-stolpov-nauki-kotoryie-pomogli-tserkvi-vyizhit-v-sssr.html>
28. Рахова Е.Э. Пример духовно-нравственной жизни русских подвижников XX века // *Инновационная наука*. 2015. №8-2.
29. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // *Социс*. 1998. №5. С. 90-104.
30. Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий): Дух, душа и тело. Избранные поучения. Дарь, 2021. 320 с.
31. Сергеева А. Н. Религиозность приватная vs религиозность публичная: эволюция религиозности в СССР/России // *Социально-политические науки*. 2016. №3. С. 7 -13.
32. Софроний (Сахаров), архим. Старец Силуан Афонский. Православие и современность. М.: 1996. 178 с. http://lib.eparhiasaratov.ru/books/17s/sofronii_saharov/Siluan_Afonskiy1/contents.html
33. Старостенков Н.В. Проблемы деятельности гражданского общества, РПЦ и молодежных православных организаций по формированию системы традиционных ценностей у Российской студенческой молодежи // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2015. №3-1.
34. Тетерина Евгения Александровна Юродство как феномен русской духовной культуры // *Наука. Общество. Государство*. 2014. №3.
35. Туфанов А. О., Вишняков М. А. Волонтерское движение как показатель общественной самоорганизации: философские и социально-этические аспекты // *Философия науки: история и современность: монография / под ред. И. Д. Осипова, С. Н. Погодина*. СПб.: ПОЛИТЕХПРЕСС, 2020. С. 208–219.

36. Устав Русской Православной Церкви. <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/>
37. Феодор (Поздеевский), архиеп. Смысл христианского подвига. Серг. П., 1995Р; Смолич. История РЦ. 1997.
38. Федорова М.Н. Волонтерство как нерыночная форма развития человеческого потенциала // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. №3. С. 146-157.
39. Филиндаш Л. В. Святость, софийность, духовность как основы русской ментальности // МНИЖ. 2013. №12-2 (19).
40. Хоружий С. С. Феномен русского старчества: Примеры из духовной практики старцев. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. 272 с.
41. Шафажинская Н. Е. Христианская миссия в духовно-нравственном поиске личности и совершенствовании общества (на примере православного монашества) // Прикладная юридическая психология. 2012. №3. С. 161 - 170.
42. Шаляева Ю. В. Диалог между православной церковью и советской властью по вопросам новой социально-правовой доктрины в после-революционный период // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2017. №22. С. 103-106.

References

1. Ageeva A.V. Vozniknovenie i stanovlenie voskresnykh shkol kak innovatsionnoy formy obrazovatel'nykh uchrezhdeniy v Rossii : diss. kand. nauk. Moskva, 2015. 250 p.
2. Beglov A.L. V poiskakh «bezgreshnykh katakomb»: tserkovnoe podpol'e v SSSR / Aleksey Beglov; [Sovet pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka i dr.]. Moskva: ROSSPEN, 2018. 350 p.
3. Volkov O.V. Vospominaniya o svt. Luke (Voyno-Yasenetskom). https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/vospominaniya-o-svt-luke-vojno-jasenetskom/
4. Gorlova N.I. Stanovlenie i razvitie instituta volonterstva v Rossii: istoriya i sovremennost'. M.: Institut naslediya, 2019. 290 p.

5. Davydov Aleksey Yur'evich Asketicheskie vozzreniya Vasiliya Velikogo i ikh rol' v formirovanii i razvitii religioznogo soznaniya i obshchestvennoy mysli Rusi vtoroy poloviny XIV - nachala XV vv // ISOM. 2015. №5-1.
6. Drevnerusskaya literatura. Pod redaktsiey D. S. Likhacheva. <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/lihachev-drevnerusskaya-literatura/agiografiya-1.htm>
7. Zaytsev A.N. Istoriya Tserkvi. M.: Nikeya, 2016. 272 p.
8. Ignaty (Bryanchaninov), svt. Prinoshenie sovremennomu monashestvu. M., 2003.
9. Ieromonakh Aleksey (Kuznetsov) Yurodstvo i stolpnichestvo. https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/yurodstvo-i-stolpnichestvo/2_1
10. Il'ina A. Yu. Fenomen strannichestva v otechestvennoy pravoslavnoy kul'ture // ISOM. 2014. №1.
11. Kaulen M.E. Muzei-khramy i muzei-monastyri v pervoe desyatiletie Sovetskoy vlasti. M., 2001. 163p.
12. Koroplyasova E.V. Pravoslavnoe molodezhnoe dvizhenie v Rossii: istoricheskie predposylki i sovremennyye osobennosti razvitiya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2019. №1. P.98-106.
13. Kuchmaeva I.K. Sluzhenie radi zhizni na zemle - istok tvorchestva, put' podvizhnichestva // Kul'turnoe nasledie Rossii. 2013. №1.
14. Losev A.F. "Mne bylo 19 let...": dnevniki. Pis'ma. Proza / A. F. Losev; sost., predisl., komment. A. A. Takho-Godi. Moskva: Russkie slovari, 1997. 340 p.
15. Makhno L.L. Tema dukhovnogo podvizhnichestva v trudakh otechestvennykh istorikov na rubezhe XIX-KhKh vv // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2020. №2 (70).
16. Mel'sitov V.V., Sergienko N.L., Chernysheva S.A. Fenomen i ponyatie dukhovnosti // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2018. №4 (229).
17. Neronova M. Yu. Pravoslavnoe asketicheskoe podvizhnichestvo kak realizatsiya teologicheskoi osmyslennoy «Dukhovnoy tekhnologii» // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2010. №4.

18. Neronova M. Yu. Mesto asketicheskogo podviga v kul'ture sovremennoy Rossii // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2013. №3. P. 224-225.
19. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.11.2022 № 809. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>
20. Obzor deyatel'nosti Sinodal'noy komissii po kanonizatsii svyatykh s momenta ee uchrezhdeniya. https://comcan.ru/o-komissii/29.12.18_obzor_deyat.pdf
21. Isaev A.A. Rol' pravoslaviya v dukhovno-nravstvennom vospitanii molodezhi // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2014. №4-1.
22. Plakhotskaya E.V. Starchestvo v istorii russkogo pravoslaviya // Izvestiya Peterburgskogo universiteta putey soobshcheniya. 2010. № 3(24). P. 269-280.
23. Pinyugina E.V. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i osmyslenie rossiyskoy istorii XX veka. Chast' 1 // Simvolicheskaya politika. 2015. №3. P. 236-254.
24. Ponomarev P. Dogmaticheskie osnovy khristianskogo asketizma: Po tvoreniam vost. pisateley-asketov IV v. Kaz., 1899; Petr (Ekaterinovskiy), ep. O monashestve. Serg. P., 1904; Kovalevskiy I., prot. Chrezvychnaynye vidy monasheskikh podvigov. M., 1905; Reclus // DSAMDH. 1988. T. 13. P. 217-228.
25. Popova O. V. Vzaimootnosheniya tserkvi i gosudarstva v SSSR: traditsii i opyt // Metamorfozy istorii. 2002. №2. P. 219-245.
26. Prot. Tsypin V. Vzaimootnosheniya tserkvi i gosudarstva v Rossii. Istoricheskiy ocherk. <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/4220>.
27. Pyat' stolpov nauki, kotorye pomogli Tserkvi vyzhit' v SSSR. Zhurnal «Foma». 2018. № 4. April' (180). <https://foma.ru/5-stolpov-nauki-kotoryie-pomogli-tserkvi-vyizhit-v-sssr.html>
28. Rakhova E.E. Primer dukhovno-nravstvennoy zhizni russkikh podvizhnikov XX veka // Innovatsionnaya nauka. 2015. №8-2.
29. Ruchkin B.A. Molodezh' i stanovlenie novoy Rossii // Sotsis. 1998. №5. P. 90-104.

30. Svyatitel' Luka Krymskiy (Voyno-Yasenetskiy): Dukh, dusha i telo. Izbrannye poucheniya. Dar", 2021. 320 p.
31. Sergeeva A. N. Religioznost' privatnaya vs religioznost' publichnaya: evolyutsiya religioznosti v SSSR/Rossii // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2016. №3. P. 7 -13.
32. Sofroniy (Sakharov), arkhim. Starets Siluan Afonskiy. Pravoslavie i sovremennost'. M.: 1996. 178 p. http://lib.eparhiasaratov.ru/books/17s/sofroniy_saharov/Siluan_Afonskiy1/contents.html
33. Starostenkov N.V. Problemy deyatel'nosti grazhdanskogo obshchestva, RPTs i molodezhnykh pravoslavnykh organizatsiy po formirovaniyu sistemy traditsionnykh tsennostey u Rossiyskoy studencheskoy molodezhi // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2015. №3-1.
34. Teterina Evgeniya Aleksandrovna Yurodstvo kak fenomen russkoy dukhovnoy kul'tury // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2014. №3.
35. Tufanov A. O., Vishnyakov M. A. Volonterskoe dvizhenie kak pokazatel' obshchestvennoy samoorganizatsii: filosofskie i sotsial'no-eticheskie aspekty // Filosofiya nauki: istoriya i sovremennost': monografiya / pod red. I. D. Osipova, S. N. Pogodina. SPb.: POLITEKHPRESS, 2020. P. 208–219.
36. Ustav Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/>
37. Feodor (Pozdeevskiy), arkhiep. Smysl khristianskogo podviga. Serg. P., 1995R; Smolich. Istoriya RTs. 1997.
38. Fedorova M.N. Volonterstvo kak nerynochnaya forma razvitiya chelovecheskogo potentsiala // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 2021. №3. P. 146-157.
39. Filindash L. V. Svyatost', sofynost', dukhovnost' kak osnovy russkoy mental'nosti // MNIZh. 2013. №12-2 (19).
40. Khoruzhiy S. S. Fenomen russkogo starchestva: Primery iz dukhovnoy praktiki startsev. M.: Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, 2006. 272 p.
41. Shafazhinskaya N. E. Khristianskaya missiya v dukhovno-nravstvennom poiske lichnosti i sovershenstvovanii obshchestva (na primere pravoslav-

- nogo monashestva) // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. 2012. №3. P. 161 - 170.
42. Shalyaeva Yu. V. Dialog mezhdru pravoslavnoy tserkov'yu i sovetskoj vlast'yu po voprosam novoy sotsial'no-pravovoy doktriny v poslerevolyutsionnyy period // Vestnik KhGU im. N. F. Katanova. 2017. №22. P. 103-106.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Макаров Иван Викторович, старший преподаватель

*Барнаульская духовная семинария
пер. Ядринцева, 66, г. Барнаул, Алтайский край, 656008, Рос-
сийская Федерация
tanges@mail.ru*

Пасечник Владислав Витальевич, преподаватель

*Барнаульская духовная семинария
пер. Ядринцева, 66, г. Барнаул, Алтайский край, 656008, Рос-
сийская Федерация
skiper31@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ivan V. Makarov, Senior Lecture

*Barnaul Orthodox Theological Seminary
66, per. Yadrinceva, Barnaul, 656008, Russian Federation
tanges@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3418-080X>*

Vladislav V. Pasechnik, Lecture

*Barnaul Orthodox Theological Seminary
66, per. Yadrinceva, Barnaul, 656008, Russian Federation
skiper31@yandex.ru*

Поступила 09.03.2023

После рецензирования 29.03.2023, 19.04.2023

Принята 01.05.2023

Received 09.03.2023

Revised 29.03.2023, 19.04.2023

Accepted 01.05.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-27-51
УДК 276 + 130.2

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

ТЕМА СЕРДЦА В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ, РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

И.В. Макаров

Статья посвящена проблеме кардиогносии как ведущей для русской богословско-философской и светской религиозной мысли. Особое место в отечественной (особенно в религиозной) философии занимает тема любви и сердца. Основной вопрос, который мы ставим в данной статье: осталась ли отечественная кардиогносия в русле чисто византийской религиозной философии или же наша традиция нашла самобытный подход к изучению сердца. Эта проблема достаточно актуальна в силу того, что современную Россию часто стали сравнивать с Византийской империей, подобная компаративистика вот уже третий десяток лет встречается в различных исторических, культурных и философских исследованиях. Исследование темы сердца также ложится в копилку духовно-нравственных ценностей, к сохранению которых обращены стратегические интересы современного российского общества.

Автор приходит к выводу, что в русской православной культуре тема сердца раскрывается в аскетической традиции подвижничества, а русская религиозная философия называет сердце ключом к пониманию ментальности русского человека. Современные исследователи делают акцент на интегративной функции сердца. Русская православная культура выступает мостом между византийской традицией и русской философией, а современная отечественная философия полагает сердце местом синтеза науки, культуры искусства.

Результаты статьи могут быть применены в рамках создания концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России.

Ключевые слова: *Византия; русская философия; кардиогнозия; сердце; русская культура; исихазм; подвижничество; нравственность; православие; духовно-нравственные ценности*

Для цитирования. *Макаров И.В. Тема сердца в византийской традиции, русской православной культуре и отечественной философии // Russian Studies in Culture and Society. 2023. Т. 7, № 2. С. 27-51. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-27-51*

Original article | Theory and History of Culture and Art

THE THEME OF THE HEART IN THE BYZANTINE TRADITION, RUSSIAN ORTHODOX CULTURE AND RUSSIAN PHILOSOPHY

I.V. Makarov

The article is devoted to the problem of cardiognosia as the leading one for Russian theological-philosophical and secular religious thought. A special place in Russian (especially in religious) philosophy is occupied by the theme of love and the heart. The main question that we pose in this article is whether the domestic cardiognosy has remained in line with purely Byzantine religious philosophy, or whether our tradition has found an original approach to the study of the heart. This problem is quite relevant due to the fact that modern Russia has often been compared with the Byzantine Empire, such comparative studies have been found for the third decade in various historical, cultural and philosophical studies. The study of the topic of the heart also falls into the piggy bank of spiritual and moral values, to the preservation of which the strategic interests of modern Russian society are addressed.

Russian Orthodox culture reveals the theme of the heart in the ascetic tradition of asceticism, and Russian religious philosophy calls the heart

the key to understanding the mentality of the Russian person. Modern researchers focus on the integrative function of the heart. Russian Orthodox culture acts as a bridge between Byzantine traditions and Russian philosophy, and modern Russian philosophy considers the heart to be a place of synthesis of science and art culture.

The results of the article can be applied in the framework of the creation of the concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia.

Keywords: *Russian philosophy; Byzantium; cardiognosia; heart; Russian culture; hesychasm; asceticism; morality; Orthodoxy*

For citation. *Makarov I.V. The Theme of the Heart in the Byzantine Tradition, Russian Orthodox Culture and Russian Philosophy. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 27-51. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-27-51*

Введение

В настоящее время в культурном и цивилизационном пространстве ощущается потребность в духовно-нравственной оценке человека и общества. Отношения в нравственной сфере жизни общества требуют определения общечеловеческого ценностного фундамента, мы наблюдаем постулирование различных ценностных систем: государственных, расовых, субкультурных, различных социальных слоев – все они имеют разные, а, зачастую диаметрально противоположные морально-нравственные установки. Российское общество находится в поиске фундирующего элемента человеческих отношений, поэтому обращение к традиционным духовно-нравственным ценностям выступает актуальной задачей современности. Отношение к сердцу, как к сосредоточению духовно-нравственных сил прослеживается в русской православной культуре и отечественной философии. Автор уверен, что любящее сердце способно стать ориентиром, онтологическим центром для нашего деидеологизированного общества, духовным поводом человека.

Тема сердца выступает одной из центральных во многих культурах и религиозных традициях. Восточная мудрость часто называет сердце сосредоточением духа. В западной традиции проблему серд-

ца начал разрабатывать еще Платон. Нельзя сказать, что тема философии сердца обделена вниманием отечественных исследователей, имеется достаточное количество научных работ, раскрывших тему сердца в отечественной философии [2, 9, 12, 13, 14, 38, 39]. Отметим, что большинство авторов признает «Византийский след» в области отечественной кардиогности. Мы видим, что феномен сердца в русской культуре и философии зафиксирован исследователями на самой заре русской цивилизации. Закономерно предположить, что в русской традиции проблема сердца возникает под влиянием двух традиций пришедших на Русь с Византии: с одной стороны, это переводная книжность, а с другой – живая монашеская традиция исихазма.

Безусловно, и русская, и византийская цивилизации имеют христианскую основу своей культуры, а Русь в свою очередь имеет определённую преемственность от Византии, поэтому для нас характерны общие культур-философские темы. Тема сердца возникает уже на страницах Евангелия: сердце называется органом боговедения (Мф. 5:8), сердце – это поле борьбы добра и зла (Мф. 13:19), в заповеди о любви обязательно говорится о сердце (Мр.12:33), апостолы в своих посланиях также апеллируют к сердцу как к органу познания (Рим.10:8-10, 1Иоан.3:21, Иак.3:14). Подробно место сердца в Священном Писании анализировал в середине XIX в. проф. Киевской духовной академии П. Д. Юркевич: «во всех священных книгах и у всех богодухновенных писателей сердце человеческое рассматривается как средоточие всей телесной и духовной жизни человека, как существеннейший орган и ближайшее седалище всех сил, отправлений, движений, желаний, чувствований и мыслей человека со всеми их направлениями и оттенками» [40, с. 64]. Нам будет интересно проследить генетическую связь между отечественной философской традицией и традицией восточного православия, посмотреть современную интерпретацию проблемы сердца.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили различные агиографические памятники, относящиеся к православной подвижнической традиции, при рассмотрении темы сердца мы опирались на

византийскую и русскую книжность, нашли развитие этой темы и в отечественных философских системах. Методологией исследования выступают культурфилософский и аксиологический подходы, ключевой метод – философско-религиоведческий анализ.

Результаты исследования

Византийская традиция кардиогносии (IV-XIV вв.)

Византийская традиция подходила к проблеме сердца с разных позиций. Как известно, долгое время на христианском Востоке «соперничали» две богословских школы: Александрийская и Антиохийская. Один из основателей Александрийской богословской школы – Ориген (ок. 185 — ок. 254) в своем фундаментальном труде «О началах» называет сердце органом богопознания: «Вообще, во всех Писаниях Ветхого и Нового завета ты найдешь много мест, в которых сердце упоминается вместо ума, т. е. вместо познавательной силы» [19]. В этом же труде Ориген обстоятельно доказывает идею того, что сердце человека – это место противоборства дьявола и Бога: «Мы находим, что помыслы, исходящие из нашего сердца, или воспоминание о каких-нибудь событиях, или представление о каких-либо вещах и делах иногда происходят от нас самих, иногда возбуждаются противными силами, иногда же внушаются Богом или святыми ангелами» [19]. Другой известный представитель Александрийской богословской школы - свяtitель Кирилл Александрийский, автор обширного корпуса текстов, в своем знаменитейшем сочинении «О поклонении и служении в Духе и истине», рассуждая о справедливости и божественном правосудии, отмечает: «потому что сердце и утроба служат как бы жилищем нашей разумной способности, а в разумной способности нашей как бы утвержен и естественно водружен правый о каждом из действий и безукоризненный суд, то есть правосудие и то, что каждому приличествует» [36, с.495], т.е., согласно мысли Кирилла, сердце содержит в себе разумную способность различения добра и зла.

Антиохия на заре христианства также была одним из центров древнего мира, где пересекались различные культуры и верования.

Философской основой Антиохийской школы была реалистическая система Аристотеля, в то время как александрийцы разрабатывали синтез христианства с учением Платона. Среди известных представителей школы тему сердца наиболее ярко затрагивал Иоанн Златоуст. Великий проповедник особенно много говорил о покаянии (μετάνοια), изменении ума. Следуя Аристотелю, святитель считает местопребыванием воли – сердце человека. По мнению Златоуста нравственное преображение души зарождается в сердце: «Нам надлежало бы не только убедиться, что у нас множество грехов, но и все грехи свои, малые и великие, начертать на сердце, как в книге, и оплакивать, как недавно совершенные» [33]. Там же, в сочинении «О сокрушении», святитель говорит о том, что на пути к нравственному совершенству воспитание и слабость тела не являются существенными препятствиями: «Так, скажи мне, какая нужда в силе телесной, когда надобно сокрушить сердце, помолиться трезвенно и бодро, подумать о грехах, низложить гордость и надменность, смирить ум?» [33]. В своем пространном «Слове о покаянии» Златоуст, отвечая на главный вопрос христианства – «как спастись?», дает следующий ответ: «будем всегда носить в сердце молитву и плоды ее, то есть, смиренномудрие и кротость» [34]. Там же святитель говорит о том, что для общения с Богом достаточно сердечной молитвы, движение уст не обязательно. Согласно Златоусту, нравственное преображения человека начинается в сердце, к тому же он называет сердце органом богообщения.

Итак, у раннехристианских авторов мы не находим развёрнутого учения о сердце, его значение упоминается эпизодически в свете христианской антропологии и в контексте нравственных поучений. Конечно, тема сердца не выступает ключевой и для богословских школ в целом: для александрийской школы она является частью интеллектуальной жизни человека, представители антиохийской школы говорят о сердце как о средоточии нравственной жизни. Представители обоих направлений признавали сердце органом мистического богопознания. Получившая свое развитие в IV в. монашеская традиция проявляет куда больший интерес к проблеме сердца. В

аскетической литературе делается акцент на внутренний мир человека, центром которого выступает сердце устремленное к Богу.

Великие каппадокийцы в IV веке, используя наработки раннехристианских богословских школ, создают систему христианского вероучения. Проблема сердца также кажется им важной. Первый из триады каппадокийцев – Василий Великий полагает, что «в испытании сердце и утроб Бог показывает Свое правосудие», отмечает, что в Писании «слово «сердце» употребляет в значении владычественного в душе, а слово «утроба» в значении вожделевательной ее силы» [4, с.17]. Григорий Богослов в слове «На святое Крещение», рассуждая об устройстве человека, приписывает сердцу мыслительную функцию: «Нахожу, что даже сердце и внутренности удостоены чести. В сем убеждает меня Давид, который просит, да созиждется в нем сердце чисто, и дух прав обновится во утробе (Пс. 50:12), разумея под сим, как думаю, силу мыслительную, ее движения или помыслы» [31].

Григорий Нисский в своём сочинении «Об устройении человека», разбирая известные ему теории о месте пребывания ума, приходит к выводу, что нельзя определить его нахождение в сердце, да и вообще в любом другом органе: «следует при этом полагать, что ум по необъяснимому закону срастворения без предпочтительности соприкасается с каждым членом» [40]. Ум, согласно Григорию Нисскому, направлен ко благу и управляется Богом, а умом управляется вещественная жизнь. В антропологии Григория сердце занимает главное место, но его функция – это поддержание физического существования тела, его жизненной силы. Каппадокийцы часто обращаются к образу сердца в экзегетических трудах: Василий Великий и Григорий Нисский в толкованиях на Шестоднев и псалмы, Григорий Богослов в своих многочисленных «Словах» также вспоминает о сердце в контексте псалмов и пророческих книг. Можно сделать вывод, что тема сердца у каппадокийцев прорабатывается в контексте христианской антропологии, выступая частью психической жизни человека. Василий Великий в своих аскетических правилах советуют вставшим на путь монашеский блюсти свое сердце и сохранять памятование о Боге, тем самым предвосхищая исихастскую традицию.

Сердце как орган познания рассматривается и в аскетической практике христианского Востока. Согласно «Лестнице» преподобного Иоанна (579-649). Ссердце — это то место, из которого может исходить как порок, так и добродетель: «В сердцах гордых рождаются хульные слова, а в душах смиренных - небесные видения» [16, с.265]. Но, добрые и худые помыслы зарождаются там не сами по себе. Первые происходят от Бога, вторые - от дьявола. Иоанн Лествичник предлагает хорошо проработанное, наполненное глубоким психологизмом, руководство по борьбе со страстями. Он предлагает следующую схему развития духовной болезни: сначала помыслом повреждается ум, затем он поселяется в сердце, и на последнем этапе формируется страсть, поражающая и тело.

Наиболее полное раскрытие тема сердца получает в монашеской практике исихазма. Исихазм – это занятие духовно-практическое, предполагает несколько ступеней духовного возрастания: очищение сердца, как центра сосредоточения духовных сил человека; погружение ума в сердце; непрестанное молитвенное делание; безмолвие; призывание имени Божия; зрение Фаворского света и Боговедение. Исихаст переводится с греческого как молчальник, об этом виде аскезы еще в VI в. подробно писал упомянутый нами выше Иоанн Лествичник. Обосновал с богословской и философской точки зрения это учение св. Григорий Палама. В сочинении о «Священно-безмолствующих» Григорий пишет: «...разумная сила наша в сердце не как в сосуде каком заключена, как не телесная, и не вне его есть, как соединенная с ним, но есть в сердце, как в органе своем, как мы наверное это знаем, не от людей сему научены быв, но от самого Создателя человека... Итак, сердце есть сокровенная хранилища ума и первый плотский орган мысленной силы» [18, с.283].

Еще один крупный апологет данной традиции – Симеон Новый Богослов, рассуждая о главной цели исихастских практик – боговидении, ясно дает понять, что эта цель не достижима без очищения сердца и отречения от собственной воли, поврежденной страстями: «Старающийся умертвить свою волю должен творить волю Божию, – вместо своей воли вводить в себя волю Божию, насаждать

и внедрять ее в сердце свое» [27, с.261]. Преподобный Григорий Синаит говорит о двух способах единения с Богом, двух входах умной молитвы – в сердце единение совершается через непрерывную молитву, «но иногда Дух влечет к Себе ум, водружая его в глубине сердца и освобождая от привычки к круговращению» [30]. Итак, ум и сердце два центра молитвы, «истинное начало молитвы есть сердечная теплота» [30], но Григорий Синаит далее пишет о том, что можно заключать ум в сердце, для борьбы с духовными помыслами. Вообще, прп. Григорий Синаит говорит, что исихастские практики применимы не только для монашествующих, ими в теории могут воспользоваться все верующие: «Будем заботиться только об одном, чтобы иметь совершающимся в сердце действие молитвы, согревающее и радующее ум и воспламеняющее душу к невыразимой любви Бога и людей» [30]. Итак, созерцательное направление достигло наибольшего развития трудах Макария Египетского (ум. в 390 г.), Марка Подвижника (половина V в.), Дорофея (ум. в 620 г.), Филофея Синаита (XI в.), Никиты Стифата (XI в.), Петра Дамаскина (XII в.), Григория Паламы (XIV в.), — в особенности же Исаака Сирина (VII в.), Симеона Нового Богослова (XI в.) и Григория Синаита (XIV в.).

Таким образом, в византийской богословской традиции, мы находим два основных подхода к проблеме сердца: одна часть авторов считает центром умной деятельности человека сердце, другая говорит о разделении таковой между умом и сердцем. Тем не менее, византийские авторы почти единодушно называют сердце органом созерцания Бога и местом битвы со страстями. Получается, в восточной патристике сердце часто рассматривается в контексте христианской антропологии. Мы видим, что философии сердца, как отдельного учения в византийской литературной и богословской традиции не существовало, хотя эта тема в Исихазме является одной из центральных.

Тема сердца в русской православной культуре

На Руси проблема сердца начинает разрабатываться после знакомства с византийской традицией исихазма при митрополите из греков

Феогносте в середине XIV в.¹ К его времени относят «Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о Рае»² (1347 г.), которое является первой русской редакцией нового веяния – мистического богопознания. Изучение житийной литературы позволяет говорить о том, что умная молитва была известна русскому монашеству и ранее: Киево-Печерский патерик повествует, что Антоний и Феодосий Печерские (XI в.) удаляются в пещеру для молитвы, такой практики придерживались и другие монахи обители. Творит тайную молитву и Владимир Мономах, об этом свидетельствует его «Поучение». На этом же основании, исследователь Г.П. Федотов [37, с.119] говорит о безусловной принадлежности прп. Сергия Радонежского к исихастской традиции. В древнерусской литературе тема сердца находится долгое время на периферии и поднимает ее в XV в. хотя и отечественный автор, но все же наследник византийской культуры преподобный Максим Грек (Тривóлис). Максим Грек считает сердце «разумной и словесной частью души»[23], вместилищем благодати Святого Духа, местом борьбы со страстями, он явно знаком и с исихастскими практиками, говоря о священном безмолвии сердца. Влиянию исихазма на антропологические и гносеологические воззрения преподобного посвящена монография современного исследователя К.В. Коновалова³, который приходит к выводу о том, что специфика философско-религиозного наследия Максима Грека обусловлена генетической связью последнего с афонской школой исихазма.

Отечественные исследователи (Г.П. Федотов, Л.А. Успенский, Д.В. Павлов, Г.М. Прохоров) ведут начало именно русской кардиогности с преподобного Нила Сорского (XV в.). В своем «Уставе» преподобный описывает восточную монашескую традицию и исихастские практики, обильно цитирует византийских авторов, в

¹ Подробнее см. Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV веке ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 86–108.

² Подробнее см. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д.С. Лихачева и др. - Санкт-Петербург : Наука, 1997- / Т. 6: XIV- середина XV века. С.44.

³ Подробнее см. Влияние исихазма на антропологические и гносеологические воззрения Максима Грека (Михаила Триволиса) [Текст] : монография / К.В. Коновалов. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014 — 163 с.

целом не привнося ничего нового в сложившуюся традицию: «Мы же, познав всё это из Святых Писаний, если хотим к делу Божиему истинное прилежание иметь, да удаляемся прежде, сколь возможно, от суеты этого мира и постараемся страсти умять, то есть сердце блюсти от лукавых помыслов, тем самым исполняя заповеди; и с хранением сердца да имеем всегда молитву» [35, с.23].

Тем не менее, отечественный философ Г.П. Федотов, отмечает, что Нил Сорский первым на Руси описал теорию умного делания [37, с. 61]. Прп. Иосиф Волоцкий свидетельствует, что с традицией исихазма также был знаком прп. Андрей Рублев и его ученики, а написанные ими образы позволяют восходить к первообразу и помогают в умном делании [36, с.298], а Епифаний Премудрый говорит о приверженности исихастской традиции другого известного иконописца – Феофана Грека: «в работе умом постигал далекое духовное, ибо просвещенными, одухотворенными чувственными очами видел духовную красоту» [36, с.212]. Прот. Иоанн Мейендорф признает влияние исихазма на развитие искусства Восточной Руси в конце XIII–XIV в., отмечая его видное место в развитии восточного христианства в целом [18].

В XVIII в. систематизировал и изучал опыт умного делания прп. Паисий Величковский; итогом его трудов стал «Свиток» из шести глав – настольная книга для монашествующих Молдавии, Валахии, Украины, России, Греции, Болгарии и Польши. Как отмечают исследователи [20, с. 36-39] русское монашество в XVIII в. находилось в большом упадке: аскетизм угас, монастыри обезлюдели. В Россию начинают возвращаться ученики старца и его духовное наследие постепенно распространилось на всю Россию, хотя его учеников не везде принимали радушно. В своих поучениях преподобный говорит, что умносердечная молитва должна совершаться непрестанно, но все же это удел совершенных: «Умносердечная молитва – для преуспевших; для средних – пение, т. е. обычные церковные песнопения и для новоначальных – послушание и труд» [22, с. 82]. В своих нравственно-аскетических трудах и в личной переписке преподобный постоянно говорит о чистоте сердца.

Придерживался традиции умного делания и прп. Серафим Саровский (1754-1833), в своих наставлениях он показывает прекрасное знание лучших образцов монашеской литературы. О молитве он учит следующим образом: «Когда же ум и сердце будут соединены в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека» [21, с.409]. Признаком духовной жизни преподобный Серафим называет умения погружать ум внутрь себя и совершать делание в своем сердце.

Амвросий Оптинский (1812-1891), подобно Паисию Величковскому, занимался переводом и изданием святоотеческой аскетической литературы, при этом он вел обширную переписку и привлекал в свою скромную монашескую келию многих великих современников. Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, В.В. Розанов, Е. Погожин и многие другие искали беседы со старцем. Прп. Амвросий в своих поучениях и переписке обращает внимание на очищение своего сердца, отмечая, что большинство страданий происходят от ошибочных действий и неправильных мыслей: «как ни тяжел крест, который человек несет, но дерево, из которого он сделан, выросло на почве его сердца» [25, с.342].

Кардиогносия в отечественной философии

Во второй половине XIX в. тема сердца становится достоянием не только монашеской традиции, в исследование проблемы активно включается русская религиозная философия. Первым крупным философом, поставившим сердце в центр своих исследований еще в XVIII в. стал Г.С. Сковорода (1722-1794). Малороссийский мыслитель рассматривает сердце как центр духовных сил человека, эта мысль встречается в большинстве произведений автора, цель жизни человека – это познание своего сердца. Г.С. Сковорода в раскрытии понятия сердца ориентировался на святоотеческую традицию, но его заслуга в том, что он проанализировал сердце как философскую категорию. Вслед за Сковородой, русская философия начинает серьезно разрабатывать метафизику сердца, его идеи получили продолжение у многих отечественных мыслителей [7].

Психолог, философ и публицист П.Е. Астафьев (1846-1893) во второй половине XIX столетия предложил оригинальное учение о «духовной личности». В центре его философии душа человека, которая, по мнению автора, «всего дороже». Современные исследователи [13] отмечают, что Астафьев понимает русскую философию, как философию сердца. Астафьев П. Е. говорит о «многогранности» ума свойственной нашему народу, а сердцу, как он полагает, дана восприимчивость и сочувственность, что позволяет принять позицию другого. Следование принципам – это признак философского ума, в поисках истины «наш ум, направленный на внутренний мир в его полноте, на самую задачу самосознания, гарантирован и от односторонности, составлявшей доселе удел западной философской мысли» [3, с.486]. По мысли философа, для дела самосознания бьется сердце целого народа, а как психолог Астафьев говорит о том, что следует изучать не отдельную личность с ее внутренним миром, а принципы, формирующие самосознание народа в целом.

Философская система выдающегося отечественного педагога и мыслителя П.Д. Юркевича (1827-1874) с недавнего времени стала предметом для многочисленных исследований (В.Н. Бабина, М.В. Федорова, С.А. Зайцева и др.). К.И. Никонов отмечает, что этюд Юркевича «Сердце и его значение в духовной жизни человека» оказал существенное влияние на последующее развитие русской богословской антропологии¹. Юркевич относится к представителям киевской духовной школы, поэтому на его работы повлияли как взгляды Г.С. Сковороды, так и православная аскетическая литература, а прежде всего тексты «Добротолюбия». Мыслитель придерживается святоотеческой традиции в понимании сердца как сосредоточения духовных и телесных сил человека. Не отрицая важность разума, он отмечает преимущественное значение сердца в духовной жизни. П.Д. Юркевич называет сердце и центром нравственной жизни человека, внутри которого проживаются все нравственные состояния человека. Сам мыслитель утверждает, что он придерживается библейского учения

¹ Подробнее см. Никонов К. И. Современная христианская антропология (опыт философского критического анализа.) – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

о сердце, в котором раскрывается мысль о том, что сердце может улавливать и анализировать те душевные состояния, которые «не поддаются отвлеченному знанию разума» [40, с.89].

С.Л. Франк (1877-1950), крупный русский психолог, философ и религиозный мыслитель, самой известной его работой стала книга «Душа человека», в которой доказывается тезис о единстве духовной жизни человека. Свое исследование автор ведет в чисто феноменологическом ключе. Франк утверждает, что душа существует и она познаваема, в бытии души соединяются миры материальный и духовный. Мыслитель говорит об ограниченности философии, о том, что она не может целиком охватить эти оба мира: «Поэтому я ищу не «философии», а мудрости, т. е. просто правды – правды ума и сердца» [24, с. 89].

Философ, религиозный мыслитель и правовед, Б.П. Вышеславцев (1877-1954) ставит феномен сердца в центр философского и религиозного познания. Мыслитель признает сердце основным органом религиозных переживаний, внутри сердца зарождается связь между Богом и ближним, «мистическая сущность человека недоступна ни физике, ни психологии, но открыта только сердцу» [5, с. 250]. Согласно Вышеславцеву, в сердце происходит интерпретация ценностей, «оно ощущает самого человека и все человечество. Глубочайшее человеческое переживание – это величие и ничтожество человека» [5,с.247], сердце имеет свою логику, свой порядок идей неподвластных рассудку.

Выдающийся отечественный мыслитель Иван Ильин (1883-1954) в последний период своего творчества также обращается к теме сердца в своем труде: «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний». Основной тезис автора – надо «чувствовать сердцем и созерцать из сердца» [11]. Что такое «поющее сердце» у Ильина? Это сердце, в котором поет любовь, силу чувствам дает искренность. В противовес здоровому «поющему сердцу» И. Ильин ставит «заглохшее сердце», сердце не способное созерцать надмирное и даже просто красоту творения. Получается, сердце поет, когда оно любит, когда обладает истиной. Философ сравнивает человека, имеющего поющее сердце

с маяком, посредником Бога.

Как отмечает В.В. Зеньковский (1881-1962), познавательную функцию сердца в русской философии разрабатывали такие мыслители как Киреевский, Хомяков, Достоевский связывая основную задачу этой функции с областью оценки: «Если сердце живет неизменной жизнью, то это отзывается на тех или иных действиях интеллекта, а для высшей сферы бытия остается в силе слово Спасителя, что только «чистые сердцем узрят Бога», т. е. могут восходить к познанию Первореальности» [10, с.35].

Современные исследователи включают в этот список учение о Софии Е.Н. Трубецкого и Вл. Соловьева, этику всеединства Л.П. Карсавина, этические воззрения Н.А. Бердяева, космизм К.Э. Циолковского, богочеловечество С.Н. Булгакова, этику веры А.Ф. Лосева¹.

Далее тема сердца как центра всех жизненных сил человека возникает в работе В.Ф. Войно-Ясенецкого (1877-1961), известного ученого, практикующего хирурга и епископа Русской Православной Церкви. В своей работе «Дух, душа и тело» мыслитель объединяет свой научный и духовный опыт, в котором он именуется сердце органом высших чувств [17, с.36].

Из крупных советских ученых обращался к теме сердца С. С. Хоружий (1941-2020), который сконцентрировал свое внимание на практике исихазма, которая выступает практическим воплощением православного учения о синергии – согласования божественной и человеческой воли. Согласно автору: «вся исихастская аскеза может рассматриваться как практическое искусство синергии, которая присутствует лишь зачаточно на низших ступенях процесса, на средних – формируется с помощью спец. приемов типа «сведения ума в сердце», и становится господствующей – на высших», итак, в сердце пересекаются божественная и человеческая энергии [26].

¹ Например исследователи: Калугина С. А. Этические измерения феномена сердца в отечественной философской культуре // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-izmereniya-fenomena-serdtsa-v-otechestvennoy-filosofskoy-kulture> (дата обращения: 12.11.2022). Назаров В.Н. История русской этики / В.Н. Назаров. – М.: Гардарики, 2006. С. 117.

В современной России тема сердца разрабатывается в контексте сохранения традиционных ценностей, актуализируется значение сердца, как органа задающего духовный вектор развития человека. Весомый вклад в современную отечественную кардиогносию внесли следующие исследователи: Климков О.С. «Исихазм и русская религиозная философия XV-XVIII вв.» (2019), Бабина В.Н. «Метафизика сердца в русской философии второй половины XIX века: П. Д. Юркевич» (2012), Лебеденко А.А. «Философия сердца в истории русской религиозно-философской мысли XI-XX вв.» (2010), Юсупова Ф.Н. «Метафизика сердца в европейской и русской философии и культуре XX в.: сравнительный анализ» (2009), Калугина С.А. «Этико-философский анализ феномена сердца: на материале русской философской культуры второй половины XIX – начала XX вв.» (2008), Голович Р. «Философия преображенного Эроса и метафизика сердца Б. П. Вышеславцева» (2003).

Особое внимание проблематике сердца уделяют алтайские ученые: Иванов А.В., Апёнышева Л.Г., Хвастунова Ю.В., Шишин М.Ю., Фотиева И.В. Так, А.В. Апёнышева предлагает оригинальную «Философскую концепцию пневмокоронарного комплекса», в котором сердце оказывает влияние не только на физиологические функции человека, но и на душевнодуховные стороны человеческого существования [2], итак, согласно мысли автора, сердце осуществляет телесно-вещественный и энергоинформационный обмен как внутри организма, так и с другими субъектами и миром в целом. Исследователь Ю.В. Хвастунова рассматривала познавательные способности сердца с религиозных и научных позиций и выделяет три уровня его деятельности: психофизиологический, эмоционально-познавательный, духовно-нравственный, в заключении автор представляет «Интегральную философскую модель сердца» [39], в которой сердце является точкой пересечения и примирения научного и религиозного опыта. А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин, размышляя о новых формах общественного устройства, отмечают необходимость исследования опыта российской философской мысли рубежа XIX-XX вв. и актуализацию категорий всеединства, сердца,

правды, софийности и соборности. Особую роль при построении ноосферы, общества на новых принципах, по мнению алтайских философов должно сыграть «сердце человеческое, как орган синтетического познания и самопознания человека и как важнейшее средство практического укоренения в софийном естестве мира» [12].

Оригинальный подход к оценке русской религиозной философии сердца применяет профессор Б.В. Емельянов из г. Екатеринбурга, в своей монографии «Хронограф русской философии XIX века» (2017), отмечая три ее очевидности: 1) проблема сердца и любви общечеловеческая, а не чисто русская; 2) проблема сердца вплелась в ткань русской философии с первых веков ее существования; 3) проблемы кардиогносии решаются в рамках религиозной философии и богословия, где сердце выступает основным символом открывающим путь к инобытию, к духовному миру [9,с.77]. Автор выделяет несколько форм познания в русской религиозной философии сформированные онтологией сердца: кардиогносию с уклоном на энергетический принцип любви и экзистенциальную, базирующуюся на «сердечном знании» [9,с.79], итак, для автора сердце — это место соприкосновения двух различных онтологических форм бытийности, абсолютной и относительной.

Мы видим, что кардиогносия представляет особый интерес для отечественной философии, для которой сердце выступает как духовно-нравственная основа для исследования бытия человека и человечества, из сердца произрастает истинная любовь, в нем свершается нравственный выбор. Для русской религиозной философии сердце – это точка соединения человеческой и божественной природы.

Заключение

Рассмотрев византийскую богословскую традицию, мы приходим к выводу, что тема сердца не является центральной в раннепатристической литературе. Наиболее полное раскрытие тема сердца получает в монашеской практике исихазма, знакомство с которой дало толчок развитию философии сердца внутри русской культуры. Но исихастская практика на Руси не замкнулась в стенах монастырей,

идеи исихазма проникли в книжность и иконографическое искусство, русские подвижники адаптируют «умное дело» для простых верующих. Русский народ, усвоив православную идею сердца дал ей творческое развитие. Русская религиозная философия, начиная с XVIII в., делает тему сердца одной из центральных. Касаясь познавательной функции сердца византийские авторы именуют его органом богопознания, а отечественная философская мысль чаще говорит о сердце как ключе к познанию человека и человечества. Святоотеческое богословие ставит в центр этической системы Бога, отечественные мыслители называют сердце если не первым, то вторым центром нравственных сил для человека.

Задача философии в целом, согласно святоотеческой традиции, – это изучение внутреннего мира человека, центром которого выступает сердце. Можно утверждать, что в разработке темы сердца русская философия достигла выдающихся успехов, не отвергая византийского наследия, но предлагая новые, соответствующие современным достижениям философии и науки подходы к культур-философскому пониманию феномена сердца. Русская православная культура выступает мостом между византийской традиций и русской философией.

Современные философы и культурологи высказывают гипотезу о том, что именно сердце может выступать интегрирующим началом современной духовной культуры, предметом для диалога в мировой науке, религии и искусстве. Современная наука признает сердце не только важным физиологическим органом, но и сосредоточением психоэмоциональной жизни личности. Сердце выступает точкой пересечения духовного и материального мира в человеке.

Список литературы

1. Ан С.А. Философский текст как феномен культуры: размышления о новых книгах Б. В. Емельянова // Культура и текст. 2018. №1 (32).
2. Апёнышева Л.Г. Концепция сердца в системной философии. Автореф. дис.. канд-та филос. наук. Барнаул, 2004. 18 с.
3. Астафьев П.Е. Избранные произведения: Философия. Психология. Культура. М. : Институт Наследия, 2021. 590 с.

4. Беседы на псалмы / свт. Василий Великий, архиеп. Кесарии Каппадокийской. Москва : Сибирская благовонница, 2016. 428 с.
5. Вышеслацев Б.В. Вечное в русской философии / Б.П. Вышеславцев. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. 296 с.
6. Гаврилов И.Б., Иванов П.К. К характеристике «метафизики сердца» П. Д. Юркевича // Христианское чтение. 2021. №3.
7. Голомонзина В.В. Многоаспектность понятия «Сердце» в философии Г. С. Сковороды // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. №131.
8. Добротолюбие: в русском переводе [в 5 т.]. Изд. 4-е. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. Т. 5. 560 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_5/20 (дата обращения: 16.11.2022).
9. Емельянов Б.В. Хронограф русской философии XIX века. Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2017. 204 с. (Серия «Почетный профессор УрФУ»).
10. Зеньковский В.В. Основы христианской Философии. М.: Канон+, 1997. 560 с.
11. Иван Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. URL: <https://azbyka.ru/pouushhee-serdce-kniga-tixix-sozercanij> (дата обращения 11.09.2022).
12. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю., Духовно-ноосферная цивилизация: устои и перспективы. Монография. Барнаул, 2009.
13. Калугина С. А. Этические измерения феномена сердца в отечественной философской культуре // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №2.
14. Климов О.С. Философские воззрения Максима Грека и их связь с исихастской гносеологией // Философия и культура. 2017. №12.
15. Лебеденко А. А. Сердце – средство метанаучного познания космической реальности // Живая этика и наука. 2013. №2.
16. Лествица, возводящая на небо / преп. Иоанн Лествичник. 8-е изд. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 592 с.
17. Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело / Лука (Войно-Ясенецкий). М.: ОБРАЗ, 2011. 128 с.
18. История церкви и восточно-христианская мистика / Прот. Иоанн Мейендорф ; Сост. и общ. ред. И.В. Мамаладзе. Москва: Институт

- ДИ-ДИК, 2000. 578 с. / Святой Григорий Палама и православная мистика. С. 277-336.
19. Ориген. О началах. Новосибирск, 1993. URL: <https://mstud.org/library/o/origen/princip3.html> (дата обращения: 10.10.2022).
 20. Павлов Д.В. Возрождение исихазма и практики умного делания в России в период: конец XVIII-XIX вв. в подвигах прп. Паисия Величковского и его учеников. М., 2012. 160 с.
 21. Преподобный Серафим Саровский (Мошнин). Духовные наставления инокам и мирянам. Христианская жизнь: Клин, 2011. 512 с.
 22. Поучения, слова, устав и житие старца Паисия Величковского / Состав. Е. Носкова. Москва: «Синописи», 2021. 349 с.
 23. Преподобный Максим Грек (Тривóлис). Нравственные поучения. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/nravstvennye-poucheniya/ (дата обращения: 10.10.2022).
 24. Русское мировоззрение [Сборник] / С. Л. Франк; [Вступ. ст. А. А. Ермичева, с. 5-36]. СПб. : Наука : С.-Петербур. изд. Фирма, 1996. 736 с.
 25. Симфония по творениям преподобных оптинских старцев : в 2 т. / [ред.-сост. Т. Н. Терещенко]. Москва : ДАРЪ, 2009. / Т. 1. А-О. 640 с.
 26. Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. Научный сб-к под ред. С.С.Хоружего. М., 1995.
 27. Сокровищница духовной мудрости: Антология святоотеческой мысли, в 12 томах. Издательство Московской Духовной Академии и Введенской Оптиной Пустыни, 2007-2011. Т. 9.
 28. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе / [предисл.: послушник Моисей]. [Сергиев Посад] : Св.-Троицкая Сергиева лавра, собственная тип., 1910-1911. 3 т. Т. 2. 1910. 332 с. / Против Николая латинянина – слово об исхождении Святого Духа. С. 191-202. https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/protiv-nikolaja-latinjanina-slovo-ob-iskhozhenii-svjatogo-dukha/ (дата обращения: 10.10.2022).
 29. Творения Святого Кирилла, епископа Александрийского / Общ. ред.: А. И. Сидоров. М. : Паломник, 2000-. (Библиотека отцов и учителей Церкви). / Кн. 1: О поклонении и служении в духе и истине. 2000. 733 с.

30. Творения / Преподобный Григорий Синаит; перевод: Епископ Вениамин (Милов). Москва: Изд. Новоспасский монастырь, 1999. 159 с.
31. Творения: в 2 томах / свт. Григорий Богослов, архиеп. Константинопольский. Москва : Сибирская благовозвница, 2007. (Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе; ...). Т. 1: Слова. 2007. 895 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Bogoslov/slova-izd-2007-g/40/ (дата обращения: 16.11.2022)
32. Творения святого Григория Нисского. Москва : Тип. В. Готье, 1861-1871. / Ч. 1. 1861. [1], 470, II с. / Об устройении человека. С. 76-222. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/ob_ustroenii_cheloveka/ (дата обращения: 16.11.2022)
33. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: в 12-и томах. Санкт-Петербург: С.-Петерб. Духовной Академии, 1895-1906. / Т. 1. : С изображением святого Иоанна Златоуста и его жизнеописанием. 1895. СХII, 883 с. (в 2- книгах) / О сокрушении. С. 129-162. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_sokrushenii/(дата обращения: 11.11.2022)
34. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: Т. 1-12. - Санкт-Петербург: С.-Петерб. духов. акад., 1895-1906. 12 т. / Т. 2. 1896. 979 с. / Беседы о покаянии. С. 305-386. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_rockajanii/ (дата обращения: 11.11.2022)
35. Устав о скитской жизни: Новый рус. пер. / Преподобный Нил Сорский. Екатеринбург: Изд-во Ново-Тихвин. жен. монастыря, 2002. 91 с.
36. Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви. Москва: Изд-во западноевропейского экзархата, 1996. 474 с.
37. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. 266 с.
38. Фетисов В.П. О философичности русского человека и сердечности русской философии // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2008. №4 (44).
39. Хвастунова Ю.В. Познавательные способности сердца: религиозно-философская традиция и современные интерпретации. Автореф. дис.. канд-та филос. наук. Барнаул, 2005. 22 с.

40. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению Слова Божия / Его же. Философские произведения. М.: Правда, 1990, с. 69-103 (переизд.: Труды Киевской духовной академии. 1860, № 1).

References

1. An S.A. Filosofskiy tekst kak fenomen kul'tury: razmyshleniya o novykh knigakh B. V. Emel'yanova // Kul'tura i tekst. 2018. №1 (32).
2. Apenysheva L.G. Kontseptsiya serdtsa v sistemnoy filosofii. Avtoref. dis.. kand-ta filos. nauk. Barnaul, 2004. 18 p.
3. Astaf'ev P.E. Izbrannye proizvedeniya: Filosofiya. Psikhologiya. Kul'tura. M. : Institut Naslediya, 2021. 590 p.
4. Besedy na psalmy / svt. Vasiliy Velikiy, arkhiep. Kesarii Kappadokiyskoy. Moskva : Sibirskaya blagozvonitsa, 2016. 428 p.
5. Vysheslatsev B.V. Vechnoe v russkoy filosofii / B.P. Vysheslavtsev. N'yuu-York : Izd-vo im. Chekhova, 1955. 296 p.
6. Gavrilov I.B., Ivanov P.K. K kharakteristike «metafiziki serdtsa» P. D. Yurkevicha // Khristianskoe chtenie. 2021. №3.
7. Golomonzina V.V. Mnogoaspektnost' ponyatiya «Serdtshe» v filosofii G. S. Skovorody // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2011. №131.
8. Dobrotolyubie: v russkom perevode [v 5 t.]. Izd. 4-e. Moskva: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2010. T. 5. 560 p. URL: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_5/20
9. Emel'yanov B.V. Khronograf russkoy filosofii XIX veka. Ekaterinburg : Ural'skiy federal'nyy universitet, 2017. 204 p. (Seriya «Pochetnyy professor UrFU»).
10. Zen'kovskiy V.V. Osnovy khristianskoy Filosofii. M.: Kanon+, 1997. 560 s.
11. Ivan II'in. Poyushchee serdtshe. Kniga tikhikh sozertsaniy. URL: <https://azbyka.ru/poyushhee-serdce-kniga-tixix-sozercanij>
12. Ivanov A.V., Fotieva I.V., Shishin M.Yu., Dukhovno-noosfernaya tsivilizatsiya: ustoi i perspektivy. Monografiya. Barnaul, 2009.
13. Kalugina S. A. Eticheskie izmereniya fenomena serdtsa v otechestvennoy filosofskoy kul'ture // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2008. №2.

14. Klimkov O.S. Filosofskie vozzreniya Maksima Greka i ikh svyaz' s isikhastskoy gnoseologiyey // *Filosofiya i kul'tura*. 2017. №12.
15. Lebedenko A. A. Serdtse – sredstvo metanauchnogo poznaniya kosmicheskoy real'nosti // *Zhivaya etika i nauka*. 2013. №2.
16. Lestvitsa, vozvodyashchaya na nebo / prep. Ioann Lestvichnik. 8-e izd. Moskva: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2013. 592 p.
17. Luka (Voyno-Yasenetskiy). Dukh, dusha i telo / Luka (Voyno-Yasenetskiy). M.: OBRAZ, 2011. 128 p.
18. Istoriya tserkvi i vostochno-khristianskaya mistika / Prot. Ioann Meyendorf; Sost. i obshch. red. I.V. Mamaladze. Moskva: Institut DI-DIK, 2000. 578 s. / Svyatoy Grigoriy Palama i pravoslavnaya mistika. P. 277-336.
19. Origen. O nachalakh. Novosibirsk, 1993. URL: <https://mstud.org/library/o/origen/princip3.html>
20. Pavlov D.V. Vozrozhdenie isikhazma i praktiki umnogo delaniya v Rossii v period: konets XVIII-XIX vv. v podvigakh prp. Paisiya Velichkovskogo i ego uchenikov. M., 2012. 160 p.
21. Prepodobnyy Serafim Sarovskiy (Moshnin). Dukhovnye nastavleniya inokam i miryanam. Khristianskaya zhizn': Klin, 2011. 512 p.
22. Poucheniya, slova, ustav i zhitie startsa Paisiya Velichkovskogo / Sostav. E. Noskova. Moskva: «Sinopsis'», 2021. 349 p.
23. Prepodobnyy Maksim Grek (Trivólis). Nравstvennye poucheniya. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/nravstvennye-poucheniya/
24. Russkoe mirovozzrenie [Sbornik] / S. L. Frank; [Vstup. st. A. A. Ermicheva, s. 5-36]. SPb. : Nauka : S.-Peterb. izd. Firma, 1996. 736 p.
25. Simfoniya po tvoreniyam prepodobnykh optinskiikh startsev : v 2 t. / [red.-sost. T. N. Tereshchenko]. Moskva : DAR''''', 2009. / T. 1. A-O. 640 p.
26. Sinergiya. Problemy asketiki i mistiki Pravoslaviya. Nauchnyy sb-k pod red. S.S.Khoruzhego. M., 1995.
27. Sokrovishchnitsa dukhovnoy mudrosti: Antologiya svyatootecheskoy mysli, v 12 tomakh. Izdatel'stvo Moskovskoy Dukhovnoy Akademii i Vvedenskoy Optinoy Pustyni, 2007-2011. T. 9.
28. Sochineniya prepodobnago Maksima Greka v russkom perevode / [predisl.: poslushnik Moisey]. [Sergiev Posad] : Sv.-Troitskaya Sergieva lavra, sobstvennaya tip., 1910-1911. 3 t. T. 2. 1910. 332 s. / Protiv Ni-

- kolaya latinyanina – slovo ob iskhozhdenii Svyatogo Dukha. P. 191-202. https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/protiv-nikolaja-latinjanina-slovo-ob-iskhozhdenii-svjatogo-dukha/ (data obrashcheniya: 10.10.2022).
29. Tvoreniya Svyatitelya Kirilla, episkopa Aleksandriyskogo / Obshch. red.: A. I. Sidorov. M. : Palomnik, 2000-. (Biblioteka ottsov i uchiteley Tserkvi). / Kn. 1: O poklonenii i sluzhenii v dukhe i istine. 2000. 733 p.
30. Tvoreniya / Prepodobnyy Grigoriy Sinaït; perevod: Episkop Veniamin (Milov). Moskva: Izd. Novospasskiy monastyr', 1999. 159 p.
31. Tvoreniya: v 2 tomakh / svt. Grigoriy Bogoslov, arkhiep. Konstantinopol'skiy. Moskva : Sibirskaya blagozvonitsa, 2007. (Polnoe sobranie tvoreniy svyatykh ottsov tserkvi i tserkovnykh pisateley v russkom perevode; ...). T. 1: Slova. 2007. 895 s. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/slova-izd-2007-g/40/
32. Tvoreniya svyatogo Grigoriya Nisskogo. Moskva : Tip. V. Got'e, 1861-1871. / Ch. 1. 1861. [1], 470, II s. / Ob ustroenii cheloveka. P. 76-222. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Nisskiy/ob_ustroenii_cheloveka/
33. Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode: v 12-i tomakh. Sankt-Peterburg: S.-Peterb. Dukhovnoy Akademii, 1895-1906. / T. 1. : S izobrazheniem svyatogo Ioanna Zlatousta i ego zhizneopisaniem. 1895. CXII, 883 s. (v 2- knigakh) / O sokrushenii. P. 129-162. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_sokrushenii/
34. Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode: T. 1-12. - Sankt-Peterburg: S.-Peterb. dukhov. akad., 1895-1906. 12 t. / T. 2. 1896. 979 p. / Besedy o pokayanii. P. 305-386. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_pokajanii/
35. Ustav o skitskoy zhizni: Novyy rus. per. / Prepodobnyy Nil Sorskiy. Ekaterinburg: Izd-vo Novo-Tikhvin. zhen. monastyrya, 2002. 91 p.
36. Uspenskiy L.A. Bogoslovie ikony pravoslavnoy tserkvi. Moskva: Izd-vo zapadnoevropeyskogo ekzarkhata, 1996. 474 p.
37. Fedotov G.P. Svyaty Drevney Rusi. M., 1990. 266 p.
38. Fetisov V.P. O filosofichnosti russkogo cheloveka i serdechnosti russkoy filosofii // NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2008. №4 (44).

39. Khvastunova Yu.V. Poznavatel'nye sposobnosti serdtsa: religiozno-filosofskaya traditsiya i sovremennye interpretatsii. Avtoref. dis.. kand-ta filos. nauk. Barnaul, 2005. 22 p.
40. Yurkevich P.D. Serdtse i ego znachenie v dukhovnoy zhizni cheloveka po ucheniyu Slova Bozhiya / Ego zhe. Filosofskie proizvedeniya. M.: Pravda, 1990, s. 69-103 (pereizd.: Trudy Kievskoy dukhovnoy akademii. 1860, № 1).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Макаров Иван Викторович, старший преподаватель

Барнаульская духовная семинария

пер. Ядринцева, 66, г. Барнаул, Алтайский край, 656008, Российская Федерация

tanges@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ivan V. Makarov, Senior Lecture

Barnaul Orthodox Theological Seminary

66, per. Yadrinceva, Barnaul, 656008, Russian Federation

tanges@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3418-080X>

Поступила 10.04.2023

После рецензирования 29.04.2023

Принята 10.05.2023

Received 09.03.2023

Revised 29.04.2023

Accepted 10.05.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-52-66

УДК 304.44

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Э.Э. Ибрагимов, В.С. Анохин

В статье обоснована роль культурно-познавательного туризма в популяризации культурного наследия Республики Крым, отражены вопросы значения культурного туризма для формирования национального самосознания граждан, рассмотрены основные объекты культурного наследия региона, определены проблемы и перспективы использования культурного наследия региона в туризме.

Культурное наследие является важнейшим ресурсом для регионального развития, включая культурно-познавательный туризм, который можно рассматривать как эффективный фактор, способствующий ознакомлению с культурным наследием региона, поэтому исследования, направленные на разработку методологических основ сбалансированного взаимодействия процессов управления культурным наследием и развития туристической деятельности на основе его использования, являются актуальными.

Цель исследования: обосновать значение культурно-познавательного туризма в продвижении культурного наследия Республики Крым и определить современные проблемы их использования в туризме.

Методологической основой исследования являются философские принципы познания; диалектический, логический и системный подходы к рассмотрению явлений и процессов, а также общенаучные методы: анализ и синтез для обоснования теоретических положений, обобщения, системного подхода и формальной логики для вывода содержания соответствующих понятий.

Сохранение культурного наследия и его рациональное использование имеют решающее значение для устойчивого привлечения туристических потоков и улучшения социально-экономических показателей региона. Активизация культурно-познавательного туризма по всему крымскому региону может способствовать развитию других секторов туристической индустрии и, безусловно, окажет положительное влияние на сохранение культурного наследия.

Ключевые слова: культурное наследие; объекты культурного наследия; туризм; культурно-познавательный туризм

Для цитирования. Ибрагимов Э.Э., Анохин В.С. Культурно-познавательный туризм как направление использования и охраны культурного наследия Республики Крым // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 2. С. 52-66. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-52-66

Original article | Theory and History of Culture and Art

CULTURAL AND EDUCATIONAL TOURISM AS A DIRECTION OF USING AND PROTECTING THE CULTURAL HERITAGE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

E.E. Ibragimov, V.S. Anokhin

The article substantiates the role of cultural and educational tourism in the popularization of the cultural heritage of the Republic of Crimea, reflects the importance of cultural tourism for the formation of national consciousness of citizens, examines the main objects of cultural heritage of the region, identifies the problems and prospects of using the cultural heritage of the region in tourism.

Cultural heritage is the most important resource for regional development, including cultural and educational tourism, which can be considered as an effective factor contributing to familiarization with the cultural heritage of the region, therefore, research aimed at developing methodological foundations for a balanced interaction of cultural her-

itage management processes and the development of tourism activities based on its use is relevant.

The purpose of the study: to substantiate the importance of cultural and educational tourism in promoting the cultural heritage of the Republic of Crimea and to identify current problems of their use in tourism.

The methodological basis of the research is the philosophical principles of cognition; dialectical, logical and systematic approaches to the consideration of phenomena and processes, as well as general scientific methods: analysis and synthesis to substantiate theoretical propositions, generalization, systematic approach and formal logic to deduce the content of relevant concepts.

The preservation of cultural heritage and its rational use are crucial for the sustainable attraction of tourist flows and the improvement of socio-economic indicators of the region. The activation of cultural and educational tourism throughout the Crimean region can contribute to the development of other sectors of the tourism industry and, of course, will have a positive impact on the preservation of cultural heritage.

Keywords: *cultural heritage; objects of cultural heritage; tourism; cultural and educational tourism*

For citation. *Ibragimov E.E., Anokhin V.S. Cultural and Educational Tourism as a Direction of Using and Protecting the Cultural Heritage of the Republic of Crimea. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 52-66. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-52-66*

Отрасль туризма в Российской Федерации в целом и Республике Крым, в частности, в современных условиях глобальных экономических вызовов и цифровой нестабильности продолжает уверенно развиваться, гибко реагируя на динамические изменения среды функционирования, ежегодно наращивая объемы производства услуг, повышая качество и культуру обслуживания. Развитие туризма оказывает мультипликативное воздействие на результативность деятельности смежных с ним сфер: торговли, транспорта, общественного питания, строительства, гостиничного хозяйства и других. Наряду с экономическим эффектом, развитие туризма в Республике Крым

способствует сохранению и возрождению национальных традиций и культурных ценностей жителей полуострова, патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи, а также осознанию необходимости бережного отношения к уникальному природному богатству и историко-культурному наследию региона [4, 8, 15].

В отраслевом профиле, согласно данным Атласа экономической специализации регионов РФ, сфера туризма Республики Крым по показателям доли региона в отраслевой и региональной занятости также одновременно является отраслью национальной и локальной значимости [1, с. 92]. По данным Министерства курортов и туризма Республики Крым, за восемь лет после воссоединения Крыма с Россией турпоток в Крым вырос в 2,5 раза по сравнению с украинским периодом. По итогам 2021 г. Республику Крым посетили 9 389,4 тыс. туристов [10]. За 2022 год турпоток в Крым составил 6 534,5 тыс. туристов, что на 30 % ниже уровня 2021 года. По оперативным данным муниципальных образований и туроператорских компаний больше всего туристов с начала 2022 года отдохнули на Южном побережье Крыма – 41,8% от общего количества туристов, отдохнувших с начала года в Крыму в целом, на Западном побережье Крыма – 34,7%, на Восточном побережье – 13,7%, в других регионах (г. Симферополь, Симферопольский и Бахчисарайский районы) – 9,8% [10].

Современный туризм представляет собой сложный социокультурный феномен, который, благодаря мультипликативному эффекту, выполняет в экономике и обществе ряд важных функций, в том числе социального и гуманитарного характера. Туризм способствует реализации конституционного права граждан РФ на доступ к культурным ценностям, а также призван содействовать в вопросах «сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, реализации прав народов и иных этнических общностей в РФ на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры» [6, 11].

Одним из наиболее популярных видов путешествий является именно культурно-познавательный вид туризма, что обусловлено актуализацией роли и значения использования в развитии туризма культурного наследия каждого из российских регионов и территорий. Культурно-познавательный туризм выступает одним из средств формирования личности. Понятие «культурный туризм» впервые официально на международном уровне применено в материалах Международной конференции по культурной политике в Брюсселе (1976 г.), по итогам которой была принята Хартия культурного туризма, которая определила роль культурного туризма в вопросах использования и сохранения культурного наследия [7]. В соответствии с отраженным в Стратегии развития туризма в РФ до 2035. г., под культурно-познавательным туризмом предлагается понимать: «путешествие с познавательными целями, которое знакомит туриста с историко-культурными и природными ценностями, традициями и обычаями, в том числе посредством осуществления экскурсионной деятельности и проведения событийных мероприятий» [16].

На данный момент в Республике Крым насчитывается 218 объектов культурного наследия федерального значения, 1795 памятников регионального значения, 319 выявленных объектов и 2186 выявленных объектов археологического наследия [14].

В связи с вхождением Республики Крым в состав РФ, в начале 2015 года Президент РФ подписал Федеральный закон «Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры и туризма», который установил упрощенный порядок отнесения памятников Крыма и Севастополя к объектам культурного наследия в рамках российской системы охраны памятников: без процедуры государственной историко-культурной экспертизы [12].

В соответствии с требованиями Федерального закона от 12 февраля 2015 года № 9-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры и туризма в связи с принятием в РФ Республики Крым и образованием в составе РФ новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» и Министерства культуры Российской Федерации в 2017 году все они

постановлением Совета министров Республики Крым отнесены к выявленным объектам культурного наследия. Распоряжением Правительства РФ (от 17 октября 2015 года № 2073-р) «Об отнесении объектов культурного наследия, расположенных в Крыму, к объектам культурного наследия федерального значения» был закреплен статус объектов культурного наследия федерального значения и присвоен более чем 220 памятникам Крыма и Севастополя [12, 13]. Принятые на тот момент решения позволили создать правовые условия для сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Крымского полуострова.

Рассматривая особенности содержания объектов культурного наследия Крыма, следует отметить, что в регионе расположены несколько заповедников: ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»; «Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник»; Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник; ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»; ГАУК РК «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник «Киммерия М. А. Волошина»; ГБУ РК «Историко-археологический музей-заповедник «Калос Лимен», музей-заповедник «Судакская крепость». Статус перечисленных объектов способствует развитию культурно-познавательного туризма в регионе, активному поддержанию охраны культурного наследия Крыма [14].

По количеству памятников регион можно отнести к территориям с богатым историко-культурным наследием. Однако, в туризме задействованы не все объекты, относящиеся к культурному наследию Крыма, что связано в некоторых случаях с неудовлетворительным состоянием объектов. По многим объектам не приводится доступная достоверная информация о расположении, их описание, обзор истории создания, и только половина объектов из общего количества имеют элементы приспособления для посещения туристами.

По оценкам специалистов, до 60% объектов культурного наследия нуждаются в проведении работ по реставрации, значительная часть

объектов лишь потенциально может использоваться как объекты показа по причине отсутствия какого-либо обустройства для нужд туризма. В Крыму завершается реставрация объектов культурного наследия и памятников различных эпох и народов: Ханский дворец в Бахчисарае, галерея Айвазовского в Феодосии. Окончены работы по реставрации караимской кенассы в Симферополе [2].

Следует отметить, что каждый из крымских объектов историко-культурного наследия является уникальным, имеет индивидуальные особенности, формирующие его историко-культурный потенциал, который является составляющей национального богатства региона и страны, и может использоваться для развития культурно-познавательного туризма. Актуализация историко-культурного наследия является важным фактором не только для развития туризма, а также для исторического познания, формирования национального сознания и исторической памяти народов Крыма и Российской Федерации.

Следующим важным аспектом в вопросах использования объектов культурного наследия является проблема экскурсионного обеспечения и сопровождения туристов в культурно-познавательных турах. Целью таких экскурсий по объектам Республики Крым является идейно-нравственное, интернациональное, эстетическое воспитание. Задачи данных видов экскурсий лежат в плоскости более узкого понимания их смысла, они локальны и конкретны. Например, целью культурно-познавательной экскурсии «Симферополь — столица Крыма» является воспитание у людей чувства патриотизма и любви к Родине, а задачей — знакомство с достопримечательными местами города, его архитектурой, историей, развитием культуры и т. д.

Спрос на экскурсионные программы в Крыму ежегодно растёт, при этом актуализируется значение качества экскурсионных услуг, приведения этой деятельности в соответствие с классическими канонами крымской школы экскурсоводов, адаптируя методики к современным технологиям с учётом запросов туристов. В соответствии с Федеральным законом от 20.04.2021 № 93-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» с 01.07.2022 Министерство курортов и

туризма Республики Крым наделено полномочиями по проведению аттестации экскурсоводов (гидов) или гидов-переводчиков. Всего за 2022 год проведена аттестация 120 экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков, подавших соответствующие заявки [10].

Рассматривая более подробно содержательные аспекты и характеристику наиболее востребованных экскурсионных туров в Республике Крым, следует отметить, что современные политические процессы, происходящие в мире, приводят к повышению национального сознания российских граждан и формированию патриотических настроений, что положительно влияет на мотивацию туристов с точки зрения потребности в посещении исторических мест, знакомства с объектами культурного наследия региона. Так, в феврале-марте 2022 года в Республике Крым разработаны маршруты: «Замок «Ласточкино гнездо» и «Историческое начало Ялты», которые представляют собой экскурсии на гольфкарах со встроенным аудиогидом. В апреле 2022 года туристической компанией «Феерия Тревел» ООО «СТЕДАР» разработан маршрут «Володя Дубинин - храброе сердце, морская душа». Маршрут посвящен подвигу пионера-героя В. Дубинина, который принимал участие в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны [10].

В апреле 2022 года Администрацией города Керчи разработан маршрут «Аджимушкой. Подвиг подземного гарнизона», который посвящен 80-летию начала обороны Аджимушкойского подземного гарнизона. Маршрут проходит по всему городу, начиная от центра города – картинной галереи им. Бута Н.Я. и заканчивается в Аджимушкойских каменоломнях. Маршрут направлен на патриотическое развитие молодежи и освещает события, которые проходили во времена Великой Отечественной войны в городе-герое Керчи.

В июле 2022 года ООО «Туристическая Компания «Ганеша Тревел Групп» разработала и запустила маршрут: «Патриотический тур по Крыму» по местам боевой славы Республики Крым и г. Севастополя, направленный на патриотическое воспитание студентов и школьников. МКУ Управление молодёжи, спорта и туризма администрации города Симферополя Республики Крым разработало 3 маршрута

по г. Симферополю: - Командный квест «Я знаю город – Я живу здесь!» (На территории исторической (центральной) части города Симферополя разбросаны 7 точек квеста, которые команды должны найти и вернуться на контрольную точку для выполнения задания. Основные объекты показа на маршруте – архитектура исторической (центральной) части г. Симферополя), – Квест-экскурсия «Жители города «С» (10 точек квеста расположены на территории парка культуры и отдыха Екатерининский сад, в районе реки Салгир, в сквере Героев Социалистического труда и в сквере имени Григория Потёмкина), - «По памятным местам воинской доблести и славы города Симферополя» [10].

В августе 2022 г. ООО «Мобильные люди» предоставили информацию для внесения в Реестр субъектов и объектов туристской индустрии Республики Крым о туристском маршруте «Малый Иерусалим», который функционирует с мая 2021 года и знакомит туристов со средневековыми обычаями различных национальностей Крыма. В 2022 году в Реестр субъектов и объектов туристской индустрии были внесены следующие туристские (экскурсионные) маршруты: «Эклизи-Бурун», «Чатыр-Даг Большое кольцо», «Ангар-Бурун», «Крым. 15 загадок и открытий», «Тропами предков. Боспорская хора», «Дорога Андрея Первозванного», «Стадион Турецкий грот», «Мир-Сибирь», «Столбы», «Тешикли кая - Пермкий период», «Аудиогид по Форосскому парку», «Знакомство с виноделием Крыма», «По стопам Айвазовского», «Пути героев», «Гераклея – погружение в легенду», «Золотые ворота Кара-Дага», «2000 лет истории Южного берега Крыма», «По местам боевой славы партизанов Крыма», «Горд С. Страницы. Лица», «Крымскими дорогами графа Льва Толстого» [10].

Как видно из проведенного исследования содержательных особенностей реализуемых в Республике Крым культурно-познавательных туров и экскурсионных маршрутов, наблюдается существенное расширение уровня вовлеченности и разнообразия объектов культурного наследия Крыма в экскурсионные маршруты в регионе, а также увеличение удельного веса программ патриотической и военно-исторической содержательной направленности.

В проведенном исследовании систематизированы и обоснованы содержание, особенности и значение культурно-познавательного туризма как направления использования и охраны культурного наследия Республики Крым. Культурное наследие Крыма, формировавшееся на протяжении длительного исторического периода представителями различных этносов, составляет значительный и своеобразный пласт мирового культурного достояния, представляющий широкую панораму историко-культурных объектов. Существующий потенциал культурно-познавательного туризма Республики Крым используется не в полном объеме, поскольку не все объекты обеспечены необходимой документацией, что способствует возникновению рисков их уничтожения и потерь, что неизбежно отражается на нынешнем и грядущих поколениях, приводя к потерям исторической памяти, уничтожению интеллектуального и творческого потенциала общества в целом. Они не могут быть компенсированы ни созданием новых выдающихся произведений, ни развитием культуры в целом.

Исходя из мирового опыта использования и охраны культурного наследия, многие страны рассматривают объекты культурного наследия и в целом культурно-познавательный туризм как источник развития. Для дальнейшего развития культурно-познавательного туризма в Республике Крым необходима разработка и реализация социальных программ, направленных на обновление, реставрацию, и даже на адаптацию историко-культурных памятников к современным реалиям с привлечением представителей органов власти, специалистов по туризму и общественности.

Каждый субъект РФ и в том числе Республика Крым являются потенциально привлекательными и интересными для развития культурного туризма. Сохранение историко-культурного наследия народов Крыма является неотъемлемой частью и важным явлением отечественной истории. Дальнейшего научного исследования и проработки требует нормативная база по использованию, охране и сохранению историко-культурных объектов учитывая вызовы современности. В частности, особого внимания заслуживает необходимость дальнейшего усовершенствования законодательства

по регулированию экскурсоводческой деятельности, а именно: необходимость отражения в данных нормативных актах статуса самозанятых экскурсоводов, гидов-переводчиков, инструкторов-проводников; вопросы контроля и надзора за их деятельностью и др.

Список литературы

1. Атлас экономической специализации регионов России / В.Л. Абашкин, Л.М. Гохберг, Я.Ю. Ефферин и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М: НИУ ВШЭ, 2021. 264 с.
2. Верна В.В., Храпатая И.А. Культурно-познавательный туризм как фактор регионального развития // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма: Материалы VII Международной научно-практической конференции, пгт. Форос, 13–14 мая 2022 года. Симферополь: ООО «ИТ «Ариал», 2022. С. 125-128.
3. Воробьева А.Н., Верна В.В. Перспективы развития внутреннего туризма в Российской Федерации // Тенденции развития современной экономики предприятий и организаций: сборник научных трудов VIII Региональной научно-практической конференции, Симферополь, 01 февраля 2023 года. Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2023. С. 172-174
4. Ибрагимов Э. Э., Верна В. В., Скараник С. С. Туристская отрасль Республики Крым: актуальные проблемы и перспективы развития // Форпост науки. 2022. № 4(62). С. 11-19.
5. Карамашева А. А. Культурный туризм и его значение в социокультурном развитии регионов в условиях глобализации: автореф. дис. ... кан. культурологии: 24.00.01. Москва, 2014. 25 с.
6. Клейн Р. Направления государственной политики в области культурного туризма (доклад) // Туризм: право и экономика. 2014. № 1. С. 32–37.
7. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения / Интернет-портал. 2005. www.unesdoc.unesco.org/images/0014/001429/142919r.pdf (дата обращения: 10.02.2023).
8. Кузьмина Е. М. Туризм как способ взаимодействия культур: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Тюмень, 2015. 24 с.
9. Мусаелян И. К. Методологические особенности управления культурной интеграцией // Вестник ГУУ. 2015. № 6.

10. О развитии туристской отрасли Республики Крым: статистические отчеты Министерства курортов и туризма Республики Крым. <https://mtur.rk.gov.ru/ru/structure/14> (дата обращения 28.03.2023).
11. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ: Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ. <https://culture.gov.ru/documents/ob-obektakh-kulturnogo-naslediya-pamyatnikakh-istorii-i-kulturny-narodov-rossiyskoj-federatsii-73/> (дата обр. 28.03.2023).
12. Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры и туризма в связи с принятием в РФ Республики Крым и образованием в составе РФ новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федеральный закон от 12.02.2015 г. № 9-ФЗ. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39406> (дата обр.: 10.03.2023).
13. Об отнесении объектов культурного наследия, расположенных в Крыму, к объектам культурного наследия федерального значения: Распоряжение Правительства России от 17 октября 2015 года № 2073-р. <http://government.ru/docs/20140/> (дата обращения: 10.03.2023).
14. Перечень объектов культурного наследия регионального значения и выявленные объекты культурного наследия / Интернет-портал Государственный комитет по охране культурного наследия Республики Крым. <https://archive-gkokn.rk.gov.ru/ru/structure/321> (дата обр.: 10.03.2023).
15. Скараник С. С., Верна В.В., Сорока А.В. Стратегические ориентиры развития туризма в Республике Крым // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2022. № 4 (310). С. 97-106. <https://doi.org/10.53598/2410-3683-2022-4-310-97-106>
16. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года: Распоряжение Правительства РФ № 187-р от 07.02.2022 г. <http://government.ru/docs/all/123838/> (дата обращения 29.03.2023).

References

1. *Atlas e`konomicheskoy specializacii regionov Rossii* [Atlas of economic specialization of Russian regions] / V.L. Abashkin, L.M. Goxberg, Ya. Yu. Eferin i dr.; pod red. L.M. Goxberga, E.S. Kucenko. M: NIU VShE`, 2021. 264 p.
2. Verna V. V., Khrapataya I. A. Kul`turno-poznavatel`ny`j turizm kak faktor regional`nogo razvitiya [Cultural and educational tourism as a factor of regional development] [E`lektronny`j resurs]. *Prioritetny`e napravleniya i*

- problemy` razvitiya vnutrennego i mezhdunarodnogo turizma : Materialy` VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, pgt. Foros, 13–14 maya 2022 goda. Simferopol` : OOO «IT «Arial», 2022. P. 125-128.*
3. Vorob`eva A.N., Verna V.V. Perspektivy` razvitiya vnutrennego turizma v Rossijskoj Federacii [Prospects for the development of domestic tourism in the Russian Federation]. *Tendencii razvitiya sovremennoj e`konomiki predpriyatij i organizacij : sbornik nauchny`x trudov VIII Regional`noj nauchno-prakticheskoy konferencii, Simferopol`, 01 fevralya 2023 goda. Simferopol` : KFU im. V.I. Vernadskogo, 2023. P. 172-174.*
 4. Ibragimov E.E., Verna V.V., Skaranik S.S. Turistskaya otrasl` Respubliki Kry`m: aktual`nye problemy i perspektivy razvitiya [Tourism industry of the Republic of Crimea: current problems and development prospects]. *Forpost nauki. 2022. № 4(62). P. 11-19.*
 5. Karamasheva A. A. *Kul`turnyj turizm i ego znachenie v sociokul`turnom razvitii regionov v usloviyah globalizacii: avtoref. dis. ... kan. kul`turologii: 24.00.01* [Cultural tourism and its importance in the socio-cultural development of regions in the context of globalization]. Moscow, 2014. 25 p.
 6. Klejn R. Napravleniya gosudarstvennoj politiki v oblasti kul`turnogo turizma (doklad) [Directions of state policy in the field of cultural tourism] // *Turizm: pravo i ekonomika. 2014. № 1. P. 32–37.*
 7. *Konvenciya ob ohrane i pooshchrenii raznoobraziya form kul`turnogo samovyrazheniya* [Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions]. www.unesdoc.unesco.org/images/0014/001429/142919r.pdf
 8. Kuz`mina E. M. *Turizm kak sposob vzaimodejstviya kul`tur: avtoref. dis. ... kand. kul`turologii: 24.00.01* [Tourism as a way of interaction of cultures]. Tyumen`, 2015. 24 p.
 9. Musaelyan I. K. Metodologicheskie osobennosti upravleniya kul`turnoj integraciej [Methodological features of cultural integration management]. *Vestnik GUU. 2015. № 6.*
 10. *O razvitii turistskoj otrasli Respubliki Kry`m: statisticheskie otchety` Ministerstva kurortov i turizma Respubliki Kry`m* [On the development of the tourism industry of the Republic of Crimea: statistical reports of the Ministry of Resorts and Tourism of the Republic of Crimea]. <https://mtur.rk.gov.ru/ru/structure/14>

11. *Ob ob`ektax kul`turnogo naslediya (pamyatnikax istorii i kul`tury) narodov Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon ot 25.06.2002 g. № 73-FZ* [On objects of cultural heritage (Historical and cultural monuments) of the Peoples of the Russian Federation: Federal Law No. 73-FZ of 25.06.2002]. <https://culture.gov.ru/documents/ob-obektakh-kulturnogo-naslediya-pamyatnikakh-istorii-i-kultury-narodov-rossiyskoj-federatsii-73/>
12. *Ob osobennostyax pravovogo regulirovaniya otnoshenij v oblasti kul`tury` i turizma v svyazi s prinyatiem v Rossijskuyu Federaciju Respubliki Kry`m i obrazovaniem v sostave Rossijskoj Federacii novy`x sub``ektov -Respubliki Kry`m i goroda federal`nogo znacheniya Sevastopolya: Federal`ny`j zakon ot 12.02.2015 g. № 9-FZ* [On the specifics of the legal regulation of relations in the field of culture and tourism in connection with the admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the formation of new subjects within the Russian Federation - the Republic of Crimea and the Federal city of Sevastopol: Federal Law No. 9-FZ of 12.02.2015]. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39406>
13. *Ob otnesenii ob`ektov kul`turnogo naslediya, raspolozhennyh v Kry`mu, k ob`ektam kul`turnogo naslediya federal`nogo znacheniya: Rasporyazhenie Pravitel`stva Rossii ot 17 oktyabrya 2015 goda № 2073-r* [On the assignment of cultural heritage objects located in the Crimea to objects of cultural heritage of Federal significance: Decree of the Government of the Russian Federation No. 2073-r of October 17, 2015]. <http://government.ru/docs/20140/>
14. *Perechen` ob`ektov kul`turnogo naslediya regional`nogo znacheniya i vyyavlennyye ob`ekty kul`turnogo naslediya* [List of cultural heritage objects of regional significance and identified cultural heritage objects] / Internet-portal Gosudarstvennyj komitet po ohrane kul`turnogo naslediya Respubliki Krym. <https://archive-gkokn.rk.gov.ru/ru/structure/321>
15. Skaranik S.S., Verna V.V., Soroka A.V. Strategicheskie orientiry` razvitiya turizma v Respublike Kry`m [Strategic guidelines for the development of tourism in the Republic of Crimea]. *Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: E`konomika*. 2022. № 4 (310). P. 97-106. <https://doi.org/10.53598/2410-3683-2022-4-310-97-106>
16. *Strategiya razvitiya turizma v Rossijskoj Federacii na period do 2035 goda: Rasporyazhenie Pravitel`stva RF № 187-r ot 07.02.2022 g.* [Tour-

ism Development Strategy in the Russian Federation for the period up to 2035: Decree of the Government of the Russian Federation No. 187-r dated 07.02.2022]. <http://government.ru/docs/all/123838/>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ибрагимов Эрнест Энверович, доктор экономических наук, доцент заведующий кафедрой туризма
ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
ул. Киевская, 39, г. Симферополь, 295017, Российская Федерация
joos@bk.ru

Анохин Виктор Семёнович, аспирант
ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
ул. Киевская, 39, г. Симферополь, 295017, Российская Федерация
konf.up@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ernest E. Ibragimov, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Tourism
Crimean University of Culture, Arts and Tourism
39, Kievskaya Str., Simferopol, 295017, Russian Federation
joos@bk.ru

Viktor S. Anokhin, postgraduate student
Crimean University of Culture, Arts and Tourism
39, Kievskaya Str., Simferopol, 295017, Russian Federation
konf.up@yandex.ru

Поступила 05.06.2023
После рецензирования 19.06.2023
Принята 25.06.2023

Received 05.06.2023
Revised 19.06.2023
Accepted 25.06.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-67-77

UDC 94(510)+ 316.72

Original article | Theory and History of Culture and Art

**INTEGRATION OF TRADITIONAL CULTURE
AND MODERN TECHNOLOGY: AN EXPLORATION
OF THE OPTIMIZATION OF CULTURAL ELEMENTS
AND WATER SELF-PURIFICATION SYSTEMS
IN THE TRADITIONAL CHINESE WATERSCAPE DESIGN**

Yue Zixuan

Traditional Chinese waterscape design is a profound cultural symbol and a perfect embodiment of the natural landscape. The philosophical ideas, aesthetic concepts and cultural connotations embedded in traditional Chinese culture have played an important role in the design of traditional water features. However, traditional water features have struggled to maintain their lasting beauty due to their impact on the environment and ecology. With the development of modern technology and advances in water management theory and techniques, modern water treatment systems have become an important means of solving water management and ecological and environmental problems. Combining traditional cultural elements with modern water self-purification systems has become an effective way to optimise traditional water features.

This paper focuses on the cultural elements and water self-purification systems embedded in the design of traditional Chinese water features, and ways to optimise them with the help of modern technology. Firstly, the cultural background of traditional Chinese garden water features is analysed in terms of their unique traditional cultural elements, design methods and characteristics. Then, through the analysis and study of modern water management theories and technologies, the principles of realisation and optimisation strategies of water treatment are discussed. Finally, the combination of traditional cultural elements and modern

water purification is used to explore in depth how traditional Chinese waterscape design can integrate traditional and modern elements, making it convenient for people while having a positive impact on the natural environment and ecology. The findings of this paper help to promote the combination of traditional culture and modern technology, and provide references and lessons for the environmental development of traditional Chinese waterscape design.

Keywords: *traditional Chinese water feature design; Chinese culture; water self-purification system; water feature design*

For citation. *Yue Zixuan. Integration of Traditional Culture and Modern Technology: an Exploration of the Optimization of Cultural Elements and Water Self-Purification Systems in the Traditional Chinese Waterscape Design. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 67-77. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-67-77*

The concept and significance of traditional Chinese waterscape design

Traditional Chinese waterscape design is an important part of ancient Chinese garden culture, and its concept and meaning are closely related to nature, culture and philosophy, with profound philosophical connotations and cultural significance.

Traditional waterscape design means taking inspiration from nature and using it as a basis to transform it into a waterscape landscape in the garden, such as springs, ponds and streams in the garden. The design of these water features marks the aesthetic interest of Chinese garden culture, emphasising the philosophical idea of the unity of heaven and man, giving the garden a tranquil, beautiful and harmonious character.

Traditional Chinese waterscape design is rich in philosophical connotations and values. It embodies the ancient Chinese philosophical thought of “the unity of heaven and man” and is a symbol of the harmonious coexistence of man and nature. The flexibility of water features not only make the garden appear more dynamic and free, but also highlight the pursuit of natural harmony and balance in Chinese philosophical thought, and the natural design is given a deeper spiritual connotation.

In addition, traditional waterscape design also has cultural significance. In ancient Chinese culture, water was not only a material form in nature, but also closely related to people's lives and culture, such as the legendary dragon boat race and the lantern Festival water lantern show. In traditional Chinese waterscape design, these cultural elements are often incorporated into the design of the garden, further enriching the cultural connotation of the waterscape design and making it richer in cultural value.

In short, traditional waterscape design is an important part of ancient Chinese garden culture, with rich philosophical connotations, cultural significance and aesthetic value. By designing water features in nature to reflect the essence of traditional Chinese aesthetics and philosophy, it represents an important aesthetic concept and attitude to life in traditional Chinese culture.

The importance of self-purification systems for water bodies

The importance of self-purification systems for water bodies in modern garden design still cannot be ignored. Especially in the today's rapidly advancing urbanisation process and the increasing demand for urban landscape design and ecological protection [8]. The water self-purification system has become an effective means of ensuring the safety and health of urban water systems. Specifically, it has the following important aspects of its role and significance:

Having a water purification function. The water body self-purification system can purify the water of harmful substances such as organic matter and heavy metals, as well as sediment and suspended matter, thus improving water quality.

Protecting aquatic organisms. Water self-purification systems can provide a suitable water quality environment and nutrients to safeguard the health and survival of aquatic organisms, making urban water systems secure in maintaining aquatic organisms.

Building ecosystems. Water self-purification systems can build a series of complete aquatic communities and support systems, forming a good ecosystem, providing ecological protection, social and economic benefits for urban landscape construction.

Beautify urban landscape. Water self-purification systems play an important role in urban landscape design and planning, creating a beautiful and comfortable ecological landscape, improving the quality of the urban environment and meeting people's increasing demand for quality of life while contribute to achieving sustainable development.

Therefore, water self-purification systems are receiving increasing attention and importance in the practice of modern landscape design and should be commonly used in various landscape designs, with a view to achieving the unity of ecological protection, urban improvement and sustainable development goals.

Characteristics and content of traditional water feature design

Traditional waterscape design often refers to the category of ancient garden architecture design, which is often regarded as an important part of Chinese garden culture and is widely used in ancient palaces, temples, gardens and other locations. Its basic features and contents are as follows:

Emphasis on the integration with the natural landscape. Traditional waterscape design attaches great importance to the integration with the natural landscape, focusing on the cooperation between water and mountains, water and forests, reflecting the philosophical idea of "the unity of heaven and man", while also emphasising man's respect for the natural landscape.

Efforts to create mood. Traditional waterscape design focuses on creating a high degree of mood, usually through the selection of specific imagery, special design techniques and details with the way to convey the feelings and emotions of human beings.

Focus on style and rhythm. Traditional water features are designed with a focus on style and rhythm, often using techniques such as symmetry, mirroring and circulation to emphasise the constraints and impact they have on the human psyche.

Reflecting culture and history. Traditional water feature design usually combines cultural and historical elements to reflect the historical landscape and culture characteristics of a particular era and region, better reflecting the profound heritage of Chinese culture.

The pursuit of beauty and harmony. Traditional waterscape design pursues beauty and harmony, focusing on both the visual effect of the water surface and the sensory experience of sound effects and smells, seeking to show a realm of unreal beauty and Zen.

Overall, traditional waterscape design emphasises the experiential and emotional nature of the landscape, while also focusing on its cultural and historical connotations, and is an important part of traditional Chinese garden culture.

Cultural symbolism and allegory in traditional water features

Traditional Chinese water features are an important part of Chinese garden culture and are rich in cultural symbolism and allegory. In water features, water is seen as a manifestation of the harmonious relationship between man and nature, as well as a symbol of unity, flow, vastness and freshness. In the design of traditional water features, water is often combined with elements such as stone, sculpture, architecture and plants to form a colourful waterscape layout. In addition to water, buildings such as bridges, pavilions, buildings and pavilions are often added to traditional water features, and appropriate vegetation is used with appropriate light and music to give a stunning aesthetic to every angle [6].

In addition, the artistic design of traditional water features is also rich in cultural symbolism, which is often related to historical stories, myths and legends, religious beliefs, etc. For example, Confucius, an important cultural figure of the Chinese nation, is worshipped at Pen-jiao Mountain, and the “Immortal Cave” at Wu Hang scenic spot in Herchun, etc. These cultural elements not only increase the historical and ethnic cultural connotations of the water features, but also express the beauty of the water features. In traditional water features, not only do they express the harmonious composition of architecture, plants, stones, water, light and sound, but they also have profound cultural symbolism, conveying the essence of traditional Chinese culture and ideas through natural landscapes, architecture, decoration or writing.

Self-purification systems for water bodies

Self-purification of natural water bodies is a common phenomenon in natural systems, which includes the following principles:

Biodegradation. There are a large number of microorganisms in natural water bodies, these microorganisms can break down organic matter and reduce the amount of organic matter in the water body.

Photosynthesis. Plants and algae in water bodies can use sunlight synthesis to absorb carbon dioxide and release oxygen, which helps to maintain the oxygen content of the water.

Sedimentation. Suspended and some dissolved substances in water combine with other substances to form sediment in the water and settle to the bottom, thus reducing the amount of impurities in the water.

Dissolution. Water can dissolve some substances such as oxygen, carbon dioxide and inorganic salts, etc. The content and proportion of these substances have an important influence on the quality of water.

Flow and bubble action. The flow of water and the formation of bubbles can increase the oxygen content and convection in the water, promoting the exchange and circulation of substances in the water body [3].

The combined effect of these principles allows self-purification to occur and good water quality to be maintained in the water body. However, in the course of human activity, water bodies can be affected by various pollutants, making it difficult for natural water bodies to recover naturally. Therefore, the protection and management of water resources should be strengthened to reduce water pollution, so as to maintain the water ecological balance and human health.

Modern water self-purification techniques and methods

In addition to natural water self-purification, modern technology and engineering techniques can also be used for water treatment and water resource management through a range of technologies and methods, including the following:

Biological methods. These include activated sludge methods, biofilm reactors, artificial wetlands, etc. These methods purify wa-

ter bodies of pollutants such as oil and grease, organic matter and ammonia and nitrogen by adding or using the metabolic capacity of aquatic organisms [2].

Physical methods. These include methods such as depth filtration, ultrafiltration and reverse osmosis. These methods use the principles of physical processes to remove suspended matter, colour, odours, heavy metals and other pollutants from water through filtration and adsorption.

Chemical methods. These include chemical precipitation, oxidation reduction and other methods. These methods purify the water of pollutants, such as heavy metal ions and drug residues of drugs, by adding chemicals.

Photocatalytic methods. The use of light to degrade and decompose pollutants in water, such as the use of ultraviolet light photocatalysis, visible light catalysis and other methods.

Treatment equipment. Such as sewage treatment equipment, pure water equipment, etc. These devices remove pollutants from water by creating specific physical, chemical or biological conditions.

Water management. These include industrial wastewater treatment, rainwater harvesting and reuse, water scheduling, etc. These management measures allow the rational use of water resources, reduce water pollution and safeguard the health of the water environment.

In conclusion, modern water self-purification techniques and methods are diverse, and different techniques can be flexibly selected to achieve the best purification effect according to different pollutants and pollution scenarios.

The integration of traditional water feature design with water self-purification systems

The integration of traditional water feature design with water self-purification systems can achieve the dual value of decorative and purification functions of water features, in the following ways:

Landscape design. When designing a water feature, a reasonable water circulation system and filtration system should be designed so that the sewage can be recycled after filtration, making the water feature not

only have decorative value but also have the function of purifying the environment.

Fish tanks, fountains, etc. Incorporating purification systems into traditional water feature designs for fish tanks and fountains, through aquatic plants, biofilm, activated carbon, UV sterilisation, etc., the purification and reuse of sewage in fish tanks and fountains can be achieved.

Air-infused fountains. Natural oxygen and light are introduced into the water, allowing the water to purify itself under the action of oxygen; and as the water vapour produced by the fountain is able to come into full contact with the air, it also helps to maintain a suitable settling rate in the water, allowing for better settling of suspended solids and sludge at the bottom.

Overall, through design and clever arrangement, the traditional water feature design can achieve a perfect combination with the self-purification system, which can beautify the urban environment and at the same time enhance environmental protection and give more value to its use.

By integrating traditional water feature design with a water body self-purification system, traditional water features can add to the landscape effect and aesthetic appeal, making the water body both ornamental and recreational, as well as self-purifying. Waterscape facilities can increase economic benefits such as increased pedestrian flow and a boost to the surrounding commercial area, and the self-purification system can achieve the effect of water purification and ensure water safety.

At the same time, the water self-purification system requires appropriate technical support, and some traditional waterscape elements will have an impact on the purification system [1], requiring reasonable consideration of technical difficulties and other factors that need to be considered in the design and construction process. Self-purification systems require regular maintenance and inspection, which increases the cost of operation and maintenance, and can reduce self-purification performance and even have an impact on humans if maintenance and inspection are not attended to. Compared to traditional water feature design, adding a self-purification system will increase construction costs and make the project more difficult. Therefore, in practical application, comprehensive consideration should be given to reasonably select a water feature

design that matches the function and cost according to market demand and usage, and at the same time reasonably plan the self-purification facilities and operation and maintenance plans to achieve the effect and economic benefits in practical application.

Practical case study

A case of a traditional Chinese water feature project is the Humble Administrator's Garden in Suzhou. The Humble Administrator's Garden is a classical Chinese private garden, built during the Qing Dynasty Qianlong period, covering a total area of 5.6 hectares, of which 1.27 hectares is covered by water. There are several ponds, water pavilions and water features in the garden, which is a typical landscape of the south of the Yangtze River. The garden is designed with a self-purifying water system called the 'Clear Water Secret'.

This is a new eco-friendly technology that naturally purifies the water and maintains its transparency. It has been used extensively in the Humble Administrator's Garden. A complex water ecosystem is created by placing terracotta materials and a variety of aquatic plants in the water body. The terracotta material acts as an ecological filtration material, filtering out suspended particles and germs from the water, while also providing nutrients for healthier plant growth. At the same time, the aquatic plants are able to absorb nutrients such as nitrogen, phosphorus and organic matter from the water, making the water more pure.

The Environment Protection Bureau of Suzhou conducts regular water quality monitoring on the effectiveness of the Clearwater Secret Technology in the Humble Administrator's Garden. The results show that the Clearwater Secret Technology is indeed effective in purifying the water and improving water quality. By comparing the monitoring data, it is clear that the water quality in the park has improved, with significant improvements in water quality indicators and increased species diversity. At the same time, the transparency of the water body has also been improved, making the entire waterscape more scenic. Therefore, the effect of the application of the Clearwater Secret Technique in the Humble Administrator's Garden has been affirmed and recognised.

Conclusions

The integration of traditional water feature design with modern self-purification technology allows the traditional water feature to retain its historical and cultural values while better adapting to modern requirements for water quality and environmental standards. This integration can not only improve water quality and reduce maintenance costs, but can also serve to enhance ecological conservation.

The implication for future research and design is that more attention needs to be paid to environmental, ecological and sustainable considerations. Future water conservation projects and urban landscape design should focus more on the environmental benefits and ecological effects of water. Using modern technology, traditional waterscape design and ecological management should be combined to achieve natural purification and recycling of water quality through biological purification and comprehensive using water resources to achieve the synergistic enhancement of ecological, landscape, culture, economic and social benefits.

Another important direction for future waterscape design and water resource management is 'water conservation'. While meeting the needs of the city, it is important to promote water-saving habits and to educate and promote water conservation. The focus should be on building awareness of water conservation throughout society and on popularising water knowledge and the application of water conservation techniques, creating a culture and social climate of water conservation in which the general public can participate. Only by vigorously promoting the concept of water conservation can we fundamentally realise the sustainable use of water resources.

References

1. Yang Lirong, Chen Liding, & Sun Ranhao. Current status and development of research on the characteristics of riverine ecosystems and their self-purification capacity. *Journal of Ecology*, 2009, no. 29(9), pp. 5066-5075.
2. Yu Wenhui, Liu Shuyuan, & Qian Xiaoyan. Study on the purification of polluted water bodies by aquatic economic plants. *Journal of East China Normal University: Natural Science Edition*, 2000, no. (1), pp. 99-102.

3. Ren Luling. *Research on the planning method of water body self-purification system in waterfront landscape design*. Master's thesis, Huazhong University of Science and Technology, 2015, pp. 4-6.
4. Liu Ting, Dai Chunyan, & Yan Xin. A study on the characteristics of river ecosystem and its self-purification capacity. *Chinese Journal of Science and Technology Database (abstract version)*. *Engineering Technology*, 2016, no. 10, 00175-00175.
5. Han Lili. The application of water features in classical Chinese gardens. *Beijing Garden*, 1999, no. 1, pp. 21-25.
6. Liu Y.A., Zhang Y., & Zhao R.Z. The art of waterscape in classical Chinese gardens and modern waterscape design. *Art World*, 2012, no. 2, pp. 104-104.
7. Hu Jiguang. On water and waterscape in gardens. *Shanxi Architecture*, 2007, no. 33(14), pp. 350-351.
8. Yuan Xueqin. The culture of water features in Chinese gardens. *Modern Horticulture*, 2012, no. (6), pp. 109-109.
9. Dai Chunning. Exploration of ecological waterscape design in urban gardens. *A View of Fine Arts*, 2008, no. (12), pp. 127-127.
10. Shen Jinqi. The influence of traditional garden waterscape on modern waterscape design. *Art Science and Technology*, 2012, no. 3, pp. 114-115.

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yue Zixuan, PhD

Tomsk State University

36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

zixuanmimor@gmail.com

Поступила 01.06.2023

После рецензирования 19.06.2023

Принята 25.06.2023

Received 01.06.2023

Revised 19.06.2023

Accepted 25.06.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-78-89

УДК 7.01

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

«ДРАКОН, ЛОТОС, ФЕНИКС» КАК ОСОБЫЕ СИМВОЛЫ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

Цао Хэ

В настоящее время актуальной задачей является сохранение и трансляция культурных ценностей разных народов. С этой точки зрения символы благожелательной культуры Китая можно рассматривать как важную форму передачи культурной информации. Объектами исследования были выбраны три символа благопожеланий: дракон, лотос и феникс. Не смотря на распространенность данных образов, в литературе практически не встречаются работы, которые комплексно, с разных точек зрения, описывали бы семантику каждого из них. Так, ставится цель раскрыть историю данных символов, их значение и традиции применения в благожелательной культуре. Автор выделил и систематизировал основные образы и значения трех символов китайской культуры. По итогам работы автор пришёл к выводу, что все три символа обладают рядом скрытых образов и значений, которые могут меняться в зависимости от способа изображения, а также иметь противоположные значения при сочетании с другими символами (например, дракон в сочетании с фениксом).

Цель. *В статье рассмотрена символика благопожелательной культуры КНР, как одной из связующей нити развития китайской идентичности. Символизм показан на примерах одних из самых распространенных образов, используемых в нефритовом искусстве – драконе, лотосе и фениксе. Автор ставит целью раскрыть суть образов дракона, лотоса и феникса в контексте благопожелательной культуры Китая.*

Метод или методология проведения работы. В процессе исследования символики благопожеланий применялись герменевтический, компаративный и аксиологический методы.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автор выделил и систематизировал основные образы и значения трех символов китайской культуры: дракона, феникса и лотоса.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе при преподавании курсов, касающихся истории и культуры Китая, в том числе истории, искусствоведения, восточной культуры, китаеведения др. Исследование культурных ценностей КНР, в частности, символики благопожелательных орнаментов, позволяет транслировать, сохранять и передавать историю и традиции искусства Поднебесной.

Ключевые слова: благопожелательная культура Китая; дракон; феникс; лотос; символ; традиция

Для цитирования. Цао Хэ. «Дракон, лотос, феникс» как особые символы культуры Китая // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 2. С. 78-89. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-78-89

Original article | Theory and History of Culture and Art

«DRAGON, LOTUS, PHOENIX» AS SPECIAL SYMBOLS OF CHINA CULTURE

Caо He

At present, the urgent task is to preserve and broadcast the cultural values of different peoples. From this point of view, symbols of Chinese benevolent culture can be seen as an important form of cultural communication. Three symbols of good wishes were chosen as the objects of the study: dragon, lotus and phoenix. Despite the prevalence of these images, there are practically no works in the literature that comprehensively, from different points of view, would describe the semantics of each of them. Thus, the goal is to reveal the history of these symbols,

their meaning and traditions of use in a benevolent culture. The author identified and systematized the main images and meanings of the three symbols of Chinese culture. Based on the results of the work, the author came to the conclusion that all three symbols have a number of hidden images and meanings that can vary depending on the way they are depicted, and also have opposite meanings when combined with other symbols (for example, a dragon combined with a phoenix).

Purpose. *The article considers the symbolism of the benevolent culture of the PRC, as one of the connecting threads in the development of Chinese identity. The symbolism is illustrated by examples of some of the most common images used in jade art – the dragon, lotus and phoenix. The author aims to reveal the history of the use of these images, their symbolism and traditions of use in a benevolent culture.*

Methodology. *The research is based on hermeneutic, comparative and axiological methods.*

Results. *The results of the work are that the author identified and systematized the main images and meanings of the three symbols of Chinese culture: the dragon, the phoenix and the lotus.*

Practical implications. *The results of the study can be used in the educational process when teaching courses on the history and culture of China, including history, art history, oriental culture, sinology, etc. The study of the cultural values of China, in particular, the symbolism of auspicious ornaments, allows you to broadcast, preserve and transmit the history and traditions of the art of the Middle Kingdom.*

Keywords: *benevolent culture of China; Dragon; phoenix; lotus; symbol; tradition*

For citation. *Cao He. «Dragon, Lotus, Phoenix» as Special Symbols of China Culture. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 78-89. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-78-89*

Введение

Роль символизма в древнем и современном Китае прекрасно иллюстрирует вся сфера благопожелательной культуры (цзисян вэньхуао). В настоящее время актуальной задачей является сохранение и трансляция культурных ценностей разных народов. С этой

точки зрения символы благожелательной культуры Китая можно рассматривать как важную форму передачи культурной информации.

Необходимо отметить, что до наших дней сохранились ведущие элементы традиционного символизма, что играет роль своеобразного «моста». Вера в причинную силу народного благочестия, обычаев и обрядов составляет основу магического мышления, глубоко укоренившегося в культуре. Проявления благопожелательного смысла в искусстве Поднебесной могут быть визуальными или вербальными. Китайские изделия из нефрита воздействуют, в первую очередь, на зрение, а появляющиеся на них надписи, состоящие обычно из четырех иероглифов, несут словесный посыл [7, с. 34]. За тысячи лет культуры благопожеланий выработалась система знаков, которую можно сравнить с языковой системой, основанной на определенном наборе признаков и правил создания сообщения.

Китайская культура благопожеланий сосредоточена вокруг нескольких основных символов: счастья (фу, 福), долголетия (шоу, 寿), богатства (цай, 财), высокого социального статуса (лу, 禄), радости (хї, 喜) и мира (ан, 安). Именно эти знаки трактуются не только как украшения, но, прежде всего, как символы широко понимаемого благополучия. Помимо знаков (в различных формах и на различных предметах) культура благой приметы включает:

- изображения богов и божеств-покровителей (например, Бога Счастья, Бога Богатства и Бога Долголетия);
- изображения животных и птиц (например, мифического дракона и феникса, летучей мыши, являющейся символом счастья или рыбы -символом изобилия);
- изображения растений и цветов (например, персик, символизирующий долгую жизнь, гранат, символизирующий плодородие). [7, с. 31-37]

Почти все высокое искусство Китая, а также народное и бытовое отмечено благопожеланиями (цзисян туань) [1, с. 156]. Данную символику можно встретить в живописи, скульптуре, архитектуре, прикладном и народном творчестве страны. Благопожелательные образы появляются везде, где поверхность позволяет разместить изображения

(узоры), символизирующие счастье, успех, процветание, долголетие, мир и т. д. Символические формы, выполняющие как декоративную, так и смысловую функцию, появляются на зданиях, мебели, светильниках, бронзовых зеркалах, колокольчиках, монетах, музыкальных инструментах, лаковой посуде, нефрите, бронзе, меди, серебре, предметах быта, фарфоре, керамике, веерах, воздушных змеях, костюмах, украшениях, новогодних картинках (няньхуа), аппликациях и гравюрах на дереве.

Лю и Ван (2009) [12, с. 198] в книге, посвященной китайским изображениям доброжелательности, делят их на следующие категории: выражение пожелания мира (píngān rúyì, 平安如意如意), счастья (xǐzì fúzi, 喜字福字福字), процветания (jíqìng yǒuyú, 吉庆有余), долголетия (yánnián yìshòu, 延年益寿), много потомства (duōzǐ duōsūn, 多子多孙), успеха на официальных экзаменах (sānyuán jídi, 三元及第), продвижения по службе (guānyùn xiǎngtōng, 官运享通), мира (tàipíng shèngshì, 太平盛世), честности (chéngshí shòuxìn, 诚实守信), изобилия (jīnbǎo mǎntáng, 金宝满堂) и героизма (dòushì yīngxióng, 斗士英).

Рассмотрим особенности символики благопожеланий на примерах дракона, лотоса и феникса. Несмотря на распространенность данных образов, в литературе практически не встречаются работы, которые комплексно, с разных точек зрения, описывали бы их семантику в контексте китайской культуры благопожеланий.

Материалы и методы

В процессе исследования символики благопожеланий применялись герменевтический, компаративный и аксиологический методы.

Результаты и обсуждение

Лотос, также называемый водяной лилией, является одним из самых ранних растений, обнаруженных в мире, и одним из репрезентативных растений для выживания на Земле до ледникового периода. Согласно историческим записям, выращивание лотоса имело очень длинный временной период, который можно проследить до 3000 лет назад. Лотос обладает огромной экономической ценностью: его семена, корень и лист с древних времен употребляли в пищу, применяли для изготовления лекарственных материалов и т. д.

Лист данного растения использовали в процессе изготовления жилетов, декоративной короны, кошелька и упаковки еды в летний сезон. Лотос имеет широкое распространение в Китае: на юге от острова Хайнань, на севере до Хэйлунцзяна, на востоке до Тайваня и на западе до Синьцзяна до севера от гор Тянь-Шань. Формирование комплекса лotosовой культуры заключается не только в ее практической, но и в ее несравненной деликатной эlegантности, не говоря уже о благородном темпераменте и грациозном нравственном характере. Писатель династии Северная Сун Чжоу Дуньи в «Песне о лотосе» похвалил растение словами: «Сохраняющий свою чистоту, вырастающий из грязи, элегантно позирующий, но не кокетливый» [8, с. 159-160].

В классической письменной и устной литературе многих азиатских культур лотос присутствует в образной форме, олицетворяя элегантность, красоту, совершенство, чистоту и изящество. Лотос – «джентльмен среди цветов». Термин «джентльмен» (джунзи), конечно, во времена Конфуция означал «быть идеальным человеческим существом». Поэтому цветок лотоса также является популярным сюжетом в китайской нефритовой культуре [5, с. 179-182].

В Поднебесной это растение имеет особое значение из-за влияния буддизма. Лотос вырастает из мутной (грязной) воды, но сам остается чистым, показывая истинную природу реальности: пустоту явлений и непорочную мудрость. В Китае для лотоса используются два названия: «лянь» и «хэ». Первый имеет значения: «связывать», «любить», «скромность», «поодиночке», «непрерывно». Часто это синоним брака.

Мальчик, держащий в руках лотос и губную гармошку, символизирует постоянное развитие и продвижение в обществе. Если его сопровождает карп, рядом с которым появляется лотос, это символ богатой жизни. Цветок с листом и бутоном выражает «полный союз». Сорока, сидящая на плоде лотоса и клюющая семена, сулит удачу при сдаче экзаменов [5, с. 182-184]

Второй термин, относящийся к лотосу, означает «единство». Поэтому два лотоса или лист и цветок, растущие из одного стебля, следует понимать, как общее сердце, гармонию. Это растение олицетворяет любовь, а также плодородие, о чем свидетельствует

сочетание лотоса (девушка) с рыбой (мальчик). Синий цветок лотоса, часто встречающийся в Китае, ассоциируется с чистотой и скромностью. Когда слово «лотос» входит в состав мужского имени, оно подчеркивает религиозную принадлежность мужчины, т.е. к буддизму. Если слово «лотос» присутствует в имени женщины, то это выражает стремление к ее чистоте и порядочности [6, с. 35].

Рассмотрим символ дракона в культуре Китая. Первые изображения дракона появились в Поднебесной уже в бронзовом веке, когда еще не было письменности. Это было своего рода конгломератом многих изображений других современных китайских животных, таких как олень, кролик, корова, верблюд, тигр, лягушка, ястреб и змея. Китайский дракон погружен в вечное, гармоничное и цикличное движение: сначала он прячется в глубинах вод, затем выныривает из них и появляется в полях, и, наконец, взмывает в воздух.

Вопреки европейским достижениям этих существ, прославленным легендой о Вавельском драконе, китайский дракон издревле давал, а не отнимал жизнь, являясь охранником в образе мифологического духа дождя и воды. Семантика мотива дракона является прекрасным примером сосуществования функционирования одного явления в разных культурных кругах.

Дракон – пятый знак китайского зодиака, символ мужского начала (в отличие от феникса) и императора. Он правитель востока, дождя и плодородия. Страстно написанный китайской каллиграфией, дракон оживляет изображения (龙飞凤舞 «летающие драконы, танцующие фениксы», т.е. сцена возрождения; 龙蛇飞动 «стрекозы летят, змеи ползут», т.е. яркая живописная каллиграфия).

Логово дракона в Китае является синонимом коварных и опасных мест (龙潭虎穴 «пруд дракона, пещера тигра»). Животному приписывается великая сила; борьба (и, следовательно, борьба правителей) с тем, что причиняет страдания простым людям (龙斗虎争, 苦了小獐 «когда дракон борется с тигром, который причиняет страдания маленькому оленю») [3, с. 45-49].

Дракон в искусстве Поднебесной также является синонимом опытного знатока (龙眼识珠, 凤眼识宝, 牛眼识青草 «глаз дракона узнает жемчуг, глаз феникса узнает сокровища, а глаз коровы узнает

траву»). Печень дракона означает вещи, которые трудно найти, деликатесы (龙肝凤胆 «печень дракона, желчный пузырь феникса»). Эта уникальность переносится и на отношения, описывающие талантливых и перспективных людей (龙驹凤雏 «молодой дракон и феникс», т.е. умный и перспективный юноша; 龙马精神 «дракон конский дух, то есть дух большого коня; обычно используется в смысловом значении о пожилых людях, но еще живых; иероглиф 龙 означает большой и сильный конь).

Девять драконов – магическое число, повышенная мужественность. Девять сыновей дракона наделены девятью талантами, каждый из которых имеет отличительные характеристики (龙生九子 «у дракона было девять сыновей», что означает: братья и сестры от одних и тех же родителей отличаются друг от друга). Такие пожелания жениху и невесте во время свадебной церемонии должны принести плодovitость.

Дракон также находит свое метафорическое место в социальной иерархии. Он символизирует хороших людей, обычно еще и зажиточных (символ высшего сословия). К примеру, змеи – символ плохого человека (龙蛇混杂 lóng shé hùnzá, «смешанные драконы и змеи», т.е. смешанные вместе плохие и хорошие люди). Существует утверждение 龙生龙, 凤生凤 «от дракона дракон, от феникса феникс», т.е. подчеркиваются социальные отношения в Китае и строгая иерархия – представители определенных классов должны найти друзей и будущих супругов в соответствии со своим статусом.

Еще одним популярным китайским символом удачи является феникс – существо, сочетающее в себе черты нескольких птиц. Для него характерно пять цветов оперения и пять частей тела, что должно символизировать пять добродетелей. Феникс рассматривался в основном как миротворец. Он также связан с мужским принципом Ян. Однако стоит отметить, что в связи с драконом он рассматривается как женский элемент. В свою очередь, два феникса могут означать супружескую пару. Феникс также является символом женской красоты и раньше был эмблемой императрицы Китая.

В самых ранних рассказах феникса описывали как птицу, на самом деле двух птиц – самку и самца (китайское слово «феникс» – 凤

凰, где 凤 означает самец, а 凰 – самка). В более поздние периоды уже представлялась как одиночная птица-самка, очень часто в паре с драконом-самцом. Согласно старинному описанию, его тело состояло из петушиного клюва, птичьего лба, ласточкиного «лица», змеиной шеи, черепашьей спины, гусиной груди, рыбьего хвоста и оленьей задней части. В более поздней характеристике он появился как существо с множеством бород, телом утки-мандаринки, головой фазана, хвостом павлина и клювом попугая.

В китайской культуре феникс является символом добродетели, долга, надежности и процветания. Прежде его появление отождествлялось с введением порядка и согласия в империи правящим тогда императором. Его персонаж также связан с новым началом, поэтому изображение часто появляется во время торжеств, таких как свадьбы или во время китайского Нового года. Являясь символом благоприятной судьбы по философии фэн-шуй, феникс является носителем хорошей энергии «ци», поэтому его изображения часто появляются в китайских домах [5, с. 180-182].

Стоит отметить, что вместе два символа феникс и дракон тождественны императрице и императору, союзу женщины и мужчины, брака, «инь» и «янь». В китайской культуре рождение близнецов – девочки и мальчика (лонг фэн тай 龙凤胎) – означает счастье и процветание. Также дракон и феникс символизируют талант (龙蟠凤逸 «дракон летит, феникс улетает», т.е. талантливый, но недооцененный человек; 龙跃凤鸣 lóng yuè fèng míng, «дракон движется, феникс поет», т.е. выдающийся талант) [4, с. 115].

Заключение

Проведенный анализ дает возможность заключить, что:

1. Исследуемые символы – дракона, феникса и лотоса играют большую роль в благожелательных традициях и в искусстве современного Китая в целом.

2. Все три символа обладают рядом скрытых образов и значений.

3. Семантика образов дракона, феникса и лотоса может меняться в зависимости от способа изображения. Например, цветок лотоса может быть, как символом гармонии, так и непорочной мудрости.

4. Дракон, феникс и лотос в культуре благопожеланий Китая могут противопоставляться друг другу или образовывать новые значения (например, дракон и феникс в сочетании друг с другом могут символизировать две противоположные энергии «инь» и «янь» или олицетворять талант человека).

*Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Исследование не имело спонсорской поддержки.*

Список литературы

1. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970. 484 с.
2. Дьячкова Л.Г. Благопожелательные изображения в народном искусстве как основа художественного осмысления традиционной культуры Китая / Л. Г. Дьячкова, Н. В. Мартынова // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. 2020. Т. 3. С. 156-165.
3. Кравцова М.Е. У фу (Пять [условий/проявлений/видов] счастья). Духовная культура Китая: энциклопедия: в 6 т. Т.2. Мифология. Религия. Ред. М.Л. Гитаренко и др. М., 2007. С. 631-632.
4. Махлина С.Т. Семиотика культуры и искусства : Опыт энцикл. сл. : в 2 ч. / С. Т. Махлина; С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. Ч. 2 : М–Я. СПб., 2000. С. 257–552.
5. Сащенко М.В. Символика образов тигра и дракона в политической культуре Китая // Гуманитарный акцент. 2018. № 4. С. 45-49
6. Сомкина Н.А. Китайская традиция благопожеланий: символика животных и растений // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2009. №2. С. 76-89
7. У Жuczuo, Моу Юнкан. Учение об эпохе нефритовых изделий // Форум культур Китая. 1994. № 3. С. 31–37.
8. Хао Чунь. Лун фэн чэнсян (Дракон и феникс приносят счастье). Цзинань, 1999. 220 с. (Серия: Обычаи Китая) (на кит. яз.).
9. Чистякова А.Н. «Феникс» в мифологизированных описаниях (по материалам мифов и сказок Китая) // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2007. Т. 6, № 3. С. 179-188.

10. Чжан Цзин. Этнокультурное содержание символов китайских ювелирных изделий // Вестник белорусского государственного университета культуры и искусств. 2020. №1. С. 92-98
11. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М.: Глав. ред. вост. лит. изд. «Наука», 1987. 527 с.
12. Liu Y., Wang H. A Comparative Study on E-Learning Technologies and Products: From the East to the West. *Systems Research and Behavioral Science*, 2009, vol. 26, pp. 191-209. <http://dx.doi.org/10.1002/sres.959>
13. Werner E. T. C. *A Dictionary of Chinese Mythology*. New York: Julian Press, 1961. 627 p.
14. Williams C.A.S. *Chinese symbolism and Art motifs*. Singapore, 1999, 472 p.
15. Zhang Fang. *Animal Symbolism of the Chinese Zodiac*. Beijing: Foreign languages press, 1999, 158 p.

References

1. Vasiliev L.S. *Cults, religions, traditions in China*. M.: Nauka, 1970, 484 p.
2. Dyachkova L.G. Benevolent images in folk art as the basis for artistic comprehension of traditional Chinese culture / L. G. Dyachkova, N. V. Martynova. *New ideas of the new century: materials of the international scientific conference FAD PNU*, 2020, vol. 3, pp. 156-165.
3. Kravtsova M.E. Wu fu (Five [conditions/manifestations/types] of happiness). *Spiritual culture of China: encyclopedia: in 6 volumes*. V. 2. *Mythology. Religion*. Ed. M.L. Gitarenko et al. M., 2007, pp. 631-632.
4. Makhlina S.T. *Semiotics of culture and art: Encyclopedia experience*. sl.: at 2 o'clock / S. T. Makhlina; St. Petersburg. state University of Culture and Arts. Part 2: M–Ya. SPb., 2000, pp. 257–552.
5. Sashchenko M.V. The symbolism of the images of the tiger and the dragon in the political culture of China. *Humanitarian accent*. 2018, no. 4, pp. 45-49.
6. Somkina N.A. Chinese tradition of well wishes: symbolism of animals and plants. *Bulletin of St. Petersburg State University. Oriental studies. African studies*. 2009, no. 2, pp. 76-89.
7. Wu Ruzuo, Mou Yongkang. Teaching about the era of jade products. *Forum of Chinese Cultures*, 1994, no. 3, pp. 31–37.
8. Hao Chun. Long feng chengxiang (Dragon and phoenix bring happiness). Jinan, 1999, 220 p. (Series: Customs of China) (in Chinese).

9. Chistyakova, A. N. "Phoenix" in mythologized descriptions (based on the myths and fairy tales of China). *Vestnik NGU Seriya Istoriya, filologiya*, 2007, vol. 6, no. 3, pp. 179-188.
10. Zhang Ching. Ethno-cultural content of symbols of Chinese jewelry. *Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts*, 2020, no. 1, pp. 92-98.
11. Yuan Ke. Myths of Ancient China. M.: Head. ed. east lit. ed. Nauka, 1987, 527 p.
12. Liu Y., Wang H. A Comparative Study on E-Learning Technologies and Products: From the East to the West. *Systems Research and Behavioral Science*, 2009, vol. 26, pp. 191-209. <http://dx.doi.org/10.1002/sres.959>
13. Werner E. T. C. A Dictionary of Chinese Mythology. New York: Julian Press, 1961, 627 p.
14. Williams C.A.S. Chinese symbolism and art motifs. Singapore, 1999, 472 p.
15. Zhang Fang. Animal Symbolism of the Chinese Zodiac. Beijing: Foreign languages press, 1999, 158 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Цао Хэ, аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ул. Большая Никитская, 3/1, г. Москва, 125009, Российская Федерация

labera@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Сао Хе, graduate student

Moscow State University M.V. Lomonosov

3/1, Bolshaya Nikitskaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation

labera@mail.ru

Поступила 12.05.2023

После рецензирования 10.06.2023

Принята 25.06.2023

Received 12.05.2023

Revised 10.06.2023

Accepted 25.06.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-90-105

UDC 75.01

Original article | Theory and History of Culture and Art

REPRESENTATION OF THE MEMORIAL CULTURE IN CHECHEN PAINTING (2000-2012)

N.U. Yarychev, Z.R. Khamzatova

The object of the research is the memorial culture in Chechen painting, the subject being its representation in the works of Chechen artists. The purpose of the study is to consider the representation of the phenomenon of memorial memory in the work of Chechen artists. The paintings of national artists of Chechnya served as empirical material in the work. The methodology is based on comparative studies, art history and the system-constructive analysis.

The authors construct the concepts of memorial heritage in the paintings of Chechen artists, revealing the universal characteristics of their work. For the authors, memorial culture comes down to a variety of ways to materialize the socio-cultural ethnic context, including the visualization of mythological and religious meanings, as well as the translation of mental characteristics and ethnic archetypes. The deep memory of the people includes historical and cultural areas, which include artistic images born in a creative way. In turn, ethnic art serves as a kind of reflection of ethnophilosophy, the mentality of the people, national traditions and a means of conveying the deep memory of the people.

Keywords: *memorial culture; concept; painting; national art; Chechen artists; ethnophilosophy; representation*

For citation. *Yarychev N.U., Khamzatova Z.R. Representation of the Memorial Culture in Chechen Painting (2000-2012). Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 90-105. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-90-105*

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЧЕЧЕНСКОЙ ЖИВОПИСИ (2000-2012 ГГ.)

Н.У. Ярычев, З.Р. Хамзатова

Объектом исследования является мемориальная культура в чеченской живописи, предметом – ее репрезентация в произведениях чеченских художников. Цель – рассмотреть репрезентацию феномена мемориальной памяти в творчестве чеченских художников. Эмпирическим материалом в работе послужили картины национальных художников Чечни.

Методология основана на компаративистике, искусствоведческом и системно-конструктивном анализе. Авторы конструируют концепты мемориального наследия в живописи чеченских художников, выявляя универсальные характеристики их творчества. Мемориальная культура для авторов сводится к разнообразию способов материализации социокультурного этнического контекста, включающего в себя визуализацию мифолого-религиозных смыслов, трансляции ментальных характеристик и этнических архетипов. Глубинная память народа включает в себя историческую и культурную области, к которым относятся рожденные творческим путем художественные образы. В свою очередь, этническое искусство служит своеобразным отражением этнофилософии, ментальности народа, национальных традиций и средством передачи глубинной памяти народа.

Ключевые слова: мемориальная культура; концепт; живопись; национальное искусство; чеченские художники; этнофилософия; репрезентация

Для цитирования. Ярычев Н.У., Хамзатова З.Р. Репрезентация мемориальной культуры в чеченской живописи (2000-2012 гг.) // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 2. С. 90-105. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-90-105

The theme of memorial memory in art is quite sought after. Today we often witness the re-creation of mental images and meanings of national culture in literature, poetry, music, sculpture, painting, etc. The *relevance* of the topic is connected with the manifestation of the structures of the past in the cultural fields of modernity. So far, researchers have not been paying enough attention to the problem of historical memory in the work of Chechen artists. The question of comparing traditional models of national culture and objects of painting in order to identify the interpretation of the processes of meaning generation in the work of Chechen artists also actualizes the study.

The *novelty* of the study lies in understanding the development trends of Chechen painting, as well as enriching the base of research of a historical and artistic nature. The study of memorialization, an applied form of translation and reproduction of the socio-cultural experience of the Chechen people through visual forms of art determines the novelty and relevance of the study.

The *research methodology* is based on comparative art history and system-constructive analysis. The authors construct the concepts of memorial heritage in the paintings of Chechen artists, revealing the universal characteristics of their work. The comparative-historical, problem-chronological and descriptive methods were used in the work as auxiliary ones.

Memorial memory as an immanent property of culture determines the content and mechanisms of a person's identity, defining a system of connections between the present and the past.

The *purpose* of the study is to try to consider the representation of the phenomenon of memorial memory in the work of Chechen artists.

The *degree of development* of the problem under consideration is believed to be quite insufficient. We can name works in which the object of research is memorial culture in the context of commemorative practices of cultural institutions (museum), cinema, media structures of the Chechen Republic [see 9]. Most of the works are devoted to the study of the cultural Chechen heritage in the context of oral folk art, literature, architecture and other arts [see 4].

Art is able to replenish cultural knowledge, drawing from images of nature, traditional ideas about the world order, the role of man, various combinations of the earthly and the transcendent, thus allowing each and every national artist to fulfill their artistic potential, as well as to present an original interpretation ethno-mythological content through the embodiment of the “collective unconscious” (according to C. Jung) [7, p. 11].

From the standpoint of modern science, the program of studying the space of memorial memory allows one to penetrate into the traditional layers of ethnic culture, which are “a reflection of the mythopoetic, sociocultural, religious traditions of the existence of an ethnos”, since “the very existence of the spirit, expressed in national culture, is much deeper and more multifaceted than empirical national history” [4, p. 5].

Memorial culture expresses the meanings and values of entire generations, it is a set of stable, reproducible ways of knowing, interpreting, describing, preserving, broadcasting the past, represented in various forms of public and private commemorative activity.

For an objective perception and understanding of the meanings brought into the public space of painting, let us turn directly to the works of Chechen artists.

The objectification of memory in the space of culture is most clearly represented by the work of Said-Khusein Sultanovich Bitsiraev *Prayer* (2000) (Fig. 1). The picture is painted in oil on canvas, 80x67 cm, oriented vertically; at present the work is stored in the Memorial Complex of Glory named after A.A. Kadyrov.

The picture is dedicated to one of the foundations of Islamic rituals, i.e., the worship of Allah, which is a significant part of the traditional historical and cultural memory of the Chechen people. In his work, the artist shows a special funeral prayer performed for the deceased, in which the living call for mercy and acceptance of their soul. Painted in harsh colors, the work depicts a large group of worshipers with elders and imams in front of them. Men in cloaks and chokhas are grouped near the grave, forming an open circle.

Fig. 1. *Prayer* by S.-K. Bitsaraev, 2000

S.-K. Bitsaraev uses the stern style painting technique, being uncharacteristic for Chechen painting. With the help of impasto painting with fiery flashes Bitsaraev pumps up the texture of the painting, as well as intensifies the tension with sharp lines that cross the entire canvas. The presence of bright lines, sharp contrasts of plans, intense harmony of colors creates a feeling of significance of what is happening.

The artist fills the dense background, characteristic of the stern style, with the outlines of the towers on the left side of the painting and with the lines of the mountains in the center and on the right. The complex geometry of the painting includes the lines of the horizon, contour of the grave, mountain peaks, sharp-angled cloaks of the highlanders, men's beards, etc., which visually cut the canvas into pieces.

The prayers can be distinguished due to the light falling from the side, as if “snatching” individual faces from the darkness of the general background. It can be assumed that the artist sought to create a collective image of the people, which is united by a common memory, a tradition of honoring ancestors. A person is mortal and lives in the memory of other generations only thanks to loyalty and service to their homeland.

Traditional for the mentality of the Chechen people was an appeal to the memories of the deceased. It was believed that the world of earthly life is closely connected with the world beyond, and this interaction can be traced in all the rituals and ceremonies of the cult of the deceased. Formulating ideas about the completeness of fate in the visible world, folk wisdom thus created the possibility of the existence of the soul, i.e., *sa* in Chechen, in the world beyond. In the national mentality, “the past is up to date a more understandable notion than the future or the present” [2, p. 15-20]. The sacralization of the past is an important part of the memorial culture of the Chechen ethnoses and included a whole complex of archaic ideas about the soul, the feeding of ancestors, the direct dependence of the world of the living on the heavenly land of the dead, all boiling down to the fundamental dichotomy of death and immortality. This property of the ethnic group is fundamental in the memorial culture of Chechen artists.

Memorial culture is reflected in the personal reminiscences of S.-K. Bitsaraev, who lived in St. Petersburg and worked there for a significant amount of time, as well as in assimilated traditional values, conveying the properties of the mentality of the ethnic group, which include asceticism, dichotomous mentality, mysticism, ritualized behavior in society, a strict hierarchy of age strata [1, p. 7].

The Ablution (2012) by Aslan Lemaevich Bugaev allows one to take a look at the ritual and everyday culture of the Chechen people (Fig. 2). It belongs to genre painting and was created in a realistic manner.

Here is a scene of a baby bathing. In the center of the composition there is an elderly Chechen woman wearing a burgundy dress and a white shawl wrapped around her head in a special manner. The folds of the white shawl tightly wrapped around the head and neck are contrasted with the broken lines of the white fabric with which the woman carefully wraps the child. Sitting on a wooden bench lined with traditional water-carrying jugs, she gently holds the child with her overworked hand. The artist depicts the child from the back, placing him compositionally in the foreground of the picture in a massive wooden trough.

Fig. 2. *The Ablution* by A.L. Bugaev, 2012

The A.L. Bugaev's work is close to Dadan Idrisov's program painting *A Story to the Grandson*, which was presented to the audience in Stavropol in 1970. Paintings by D. Idrisov and A.L. Bugaev broadcast the main idea of life continuation. The theme associated with the need to comprehend such categories as life and death has been generally quite popular in painting. Seasonal symbolism, showing the alternation of the flourishing and fading of life, the whose derivatives have passed through historical epochs, has received a multivariate personification in both spiritual and material culture, including the fine arts of the Chechens.

Elderly people are especially revered in traditional Chechen culture, which provides the image of an elderly Chechen woman in the painting by A. Bugaev with a certain sacred meaning since in the memorial culture, her image corresponds to the mythological progenitor, i.e., Mekhka-Nana, being the goddess of the mountainous area. The painting emphasizes the

connection of every Chechen mother with the image of the Foremother, i.e., the first woman of mankind, who was considered by the people as an unshakable symbol of holiness. In the view of the young Chechen artist A. Bugaev, a woman bathing a young boy and thus preparing him for the life journey has become a collective image of the homeland.

The saturated, clear ornament of the carpet with the central element, i.e., the tree of life personifying the life cycle of birth and procreation, adds to the symbolism of the painting, which is also enhanced by such details as a dove and an olive branch in the hands of the boy. The tree of life in the memorial culture is interpreted as a symbol of earthly fertility, its roots being irrigated with the water of the underworld and the branches reaching the heavenly world of the ancestors. The carpet ornaments contain the history of the people, the archaic ideas about the world, its philosophy and spiritual culture. Thus, through the reflection of traditional memory, the artist marks the continuity of different generations in terms of ethnic culture.

These spiritual threads feed the talent of creative people since they are included in the emotional and cognitive process of awareness of belonging to a particular ethnic group.

One of the well-known paintings by A. Bugaev is *The Dream of the Sworn Enemy* (Fig. 3), which is a picturesque allegory, the meaning of which is still being debated by critics and viewers. The painting is dedicated to the ancient Caucasian custom, which prescribes vengeance on the offender and marks the traditional idea of absolute justice. The unwritten laws of blood vengeance represent an ethno-value orientation in the legal field: this custom used to save society from anarchy, arbitrariness and chaos, to a certain extent preserving public order, social justice and equality. In the view of the Chechen people, this custom corresponded to *adat*, i.e., a system of traditions and customs, which was opposed to the official religious law, i.e., Sharia. Discussions on the deviant behavior of people, being dictated by traditions, appeal to the legal field, ethnic philosophy, as well as zealous observance of traditional beliefs (e.g., the existence of a legend about the anger of the ancestors for an unavenged insult).

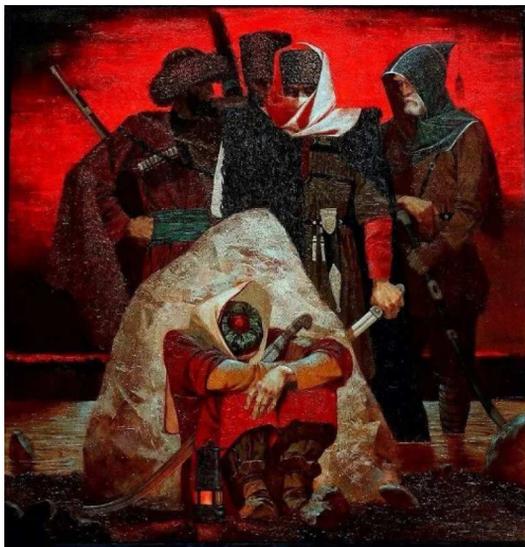

Fig. 3. *The Dream of the Sworn Enemy* by A. Bugaev, 2012

The modern Chechen artist has demonstrated the multi-layered process of understanding the world, based on ethnic tradition.

So, in the painting by A. Bugaev, a man in national Chechen attire is depicted in the foreground sitting. The figure of the sworn enemy is leaning against a large boulder; a naked saber lies on the man's knees; a burning lantern is at his feet. These details symbolize the coming revenge since the law of blood vengeance has no time limitation. In the background of the picture, behind the boulder, there are few men in traditional highlander attire approaching the dozing enemy. Their faces are obscured or covered with white cloth, each of them is armed and ready to attack. The features of the persecutors are not depicted in detail: the head of one of the men is covered with a pointed hood; the faces of the other two are more like silhouettes against the reddening background. The symbolism of the painting *The Dream of the Sworn Enemy* is associated with the idea of blood vengeance, eternal torment of the conscience of a person, pursued by the fear of vengeance. The scarlet blood spilled in the background of the painting is stopped by the white boulder, symbol-

ically hindering what is coming. The painting is stored in the Memorial Complex of Glory named after A.A. Kadyrov.

The memorial culture of the Chechen people is expressed by the painter in his plot work being addressed to the epistemological connections with the past as an endless chain of conditions that determine the spiritual life, material customs, moral and religious values of the people, which is “associated with the transmission of knowledge and communication of subjects of knowledge, a set of dependencies between the people’s activity and its cultural and historical context” [6, p. 74].

The Dance, a painting by Rustam Khozhaevich Yakhikhanov (2011, canvas, tempera, 250x345) is the central part of the polyptych *The Land of My Ancestors* (Fig. 4). It draws the attention of the modern viewer to the bright side of the space-time model of the Chechen cosmology. The work takes the viewer into the atmosphere of love and harmony, embodied in the dance. The artist gives the center of the work to a young couple wearing traditional attire, standing out against the white background of an open burka, which is also part of the traditional attire. In the background, accentuating the bright images of the couple in love, there are guests of the wedding celebration, i.e., people of different generations taking part in the dance and watching others dance.

Fig. 4. *The Land of My Ancestors* by R. Yakhikhanov, 2011

The crowdedness of the ceremony is conveyed in a special way, i.e., the top of the canvas looks as it was cut off, providing the impression that the entire procession failed to fit on the canvas.

The character of the people in *the Dance*, which is stored in the Museum of the Chechen Republic, is conveyed by drawing the details of the attire, portraits, facial expressions. All the members of the ceremony are passionate about what is happening, filled with joy for the young, but remain restrained and strict in accordance with the traditions and customs that dictate appropriate behavior. They surround the central field of the carpet composition like a protective chain. Chechen felt carpet, i.e., *istang*, presented by the artist, organizes the space. In the ornamentation of a felt carpet, the main pattern placed in its center, i.e., *Bustam* (Chechen “pattern”, “measurement”) is of great importance [10, p. 88]. The colors and composition immerse the viewer in the world of beauty and mystery. The motifs are made in a symmetrical form consisting of smooth and flexible lines.

According to a few studies, until the 1900s, felt carpet ornamentation was found exclusively on wall carpets.

The Keepers of the Secrets (Fig. 5), created in 2010 by Ch. Khasaev, stored in the Memorial Complex of Glory named after A.A. Kadyrov, emphasizes the greatness of familiarizing with the life of nature as well as the deep memory of the people. The keepers of the secrets here are, first of all, mountain peaks, silent witnesses of the events of the thousand-year history of the Chechen people, as well as towers, stone guardians of the original culture. Their dark silhouettes against the light snowy background of mountain peaks illustrate the inviolability of the foundations of ethnic culture, turning them into heralds of memoriality. The artist complements the allegory of *the Keepers of the Secrets* with a road winding into the distance as a symbol of future development.

Spring in Chechnya, a surrealist painting of the artist Zamir Tagirovich Yushaev (Fig. 6) tells the story of first love. The spring on the painting gives rise to hope from the meeting of a young man and a girl at the *shovda*, i.e., a water spring. The artist has a unique style that combines realism, fantasy and romantic tendencies. Delicate colors of

spring, pastel colors of the painting, figures of heroes floating in the air in dance “pas”, framed by a stylized mountain landscape in the form of a cave grotto, create a unique atmosphere filled with air, music and poetry of love. The divine image of Spring itself, turning into the road, water, trees, towers, seems to protect the young. Z. Yushaev’s painting is full of exquisite lines, light, it is saturated with air and wind, it rings with spring water.

Fig. 5. *The Keepers of the Secrets* by C. Khasaev, 2010

Z. Yushaev was born in Dagestan into a Chechen family, but he lives and works in Leipzig. The homeland and its people are still one of the artist’s favorite themes. His paintings arouse curiosity. They are mystical, meditative, inspiring and complex.

The comprehension of the works of national artists, thus, allows one to take a deeper look at the traditional layers of ethnic culture, which are “a reflection of the mythopoetic, sociocultural, religious traditions of the existence of an ethnos”, since “the very existence of the spirit, expressed in national culture, is much deeper than the empirical national history” [5, p. 5].

Fig. 6. *Spring in Chechnya* by Z. Yushaev, around 2010-2013

The memorial culture of the Chechen people is embodied in the works of contemporary Chechen artists in completely different ways, i.e., in their individual painting style.

While being different in spirit, plots, writing technique, their works are united by national history, ancient traditions and customs, stored in the memory of every Chechen, being passed on to their descendants.

Various strategies of reflection of the past as well as their embodiment in creativity emphasize the individual perception of the ethnoconcepts of culture by both the creator and the viewer, reflecting the ethical nature of the memorial culture. National art is a reflection of ethnophilosophy, mentality of the people, national traditions as well as a means of convey-

ing the deep memory of the people. Its phenomenon is of a humanistic nature, since it embodies “efforts aimed at ensuring the functioning of collective memory in a specific place and at a specific time” [8, p. 16].

References

1. Abdulaeva E.S. Sinkretizm dukhovnoy kul'tury kak rezul'tat protsessa akkul'turatsii // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2006. № 52. P. 4-7.
2. Akieva P.Kh. Arkhaika i semantika ponyatiya «faral» v kul'ture ingushey // Obrazovanie nauka i kul'tura Kavkaza: traditsii i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu obrazovaniya Respubliki Ingushetiya. Magas. 2017. P. 15-20.
3. Dzhambekova T.B., Dzhambekov O.A. Chechenskoe ustnoe narodnoe tvorchestvo kak osnova natsional'noy kul'tury // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. № 2. P. 226-229.
4. Itkulova L.A. Mirovozzrenie etnosa kak sotsiokul'turnoe yavlenie: filosofskiy analiz: Dis. ... d-ra filos. n. Ufa, 2018. 325 p.
5. Kolcheva E.M. Etnofuturizm kak yavlenie kul'tury: monografiya. Yoshkar-Ola: MarGU, 2008. 163 p.
6. Porus V.N. Gnoseologiya v retrospektive i perspektive // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2004. T. II. № 2. P. 70-75.
7. Khakuasheva M.A. Formirovanie i razvitie arkhетipicheskikh obrazov v kabardinskoy literature: Avtoref. dis. ... d-ra. filol. n. Nal'chik, 2008. 47 p.
8. Yarychev N.U. Memorial'naya kul'tura v zerkale gumanitaristiki: aktual'nye issledovatel'skie trendy // Vestnik kul'tury i iskusstv. 2021. № 4(68). P. 15-21.
9. Yarychev N.U. Muzey kak aktor memorial'noy kul'tury: spetsifika pozitsionirovaniya v auditornom kontente (na primere Natsional'nogo muzeya Chechenskoй Respubliki) // Elektronnoe informatsionnoe prostranstvo dlya nauki, obrazovaniya, kul'tury. Materialy IX Mezhd. nauchno-praktich. konf.-ii, posvyashchennoy 50-letiyu Orlovskogo gos. inst-ta kul'tury. Orel, 2022. P. 57-59.
10. Erol Yyldyr. Chechenskiy istang. Traditsionnoe voylochnoe remeslo chechenskogo naroda. Izd-vo: OOO «Media-Polis». Rostov-na-Donu. 2021. 256 p.

Список литературы

1. Абдулаева Э.С. Синкретизм духовной культуры как результат процесса аккультурации // Научная мысль Кавказа. 2006. № 52. С. 4-7.
2. Акиева П.Х. Архаика и семантика понятия «фарал» в культуре ингушей // Образование наука и культура Кавказа: традиции и современность. Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию образования Республики Ингушетия. Магас. 2017. С. 15-20.
3. Джамбекова Т.Б., Джамбеков О.А. Чеченское устное народное творчество как основа национальной культуры // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 226-229.
4. Иткулова Л.А. Мировоззрение этноса как социокультурное явление: философский анализ: Дис. ... д-ра филос. н. Уфа, 2018. 325 с.
5. Колчева Э.М. Этнофутуризм как явление культуры: монография. Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. 163 с.
6. Порус В.Н. Гносеология в ретроспективе и перспективе // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II. № 2. С. 70-75.
7. Хакуашева М.А. Формирование и развитие архетипических образов в кабардинской литературе: Автореф. дис. ... д-ра. филол. н. Нальчик, 2008. 47 с.
8. Ярычев Н.У. Мемориальная культура в зеркале гуманитаристики: актуальные исследовательские тренды // Вестник культуры и искусств. 2021. № 4(68). С. 15-21.
9. Ярычев Н.У. Музей как актер мемориальной культуры: специфика позиционирования в аудиторном контенте (на примере Национального музея Чеченской Республики) // Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры. Материалы IX Межд. научно-практич. конф.-ии, посвященной 50-летию Орловского гос. инст-та культуры. Орел, 2022. С. 57-59.
10. Эрол Йылдыр. Чеченский истанг. Традиционное войлочное ремесло чеченского народа. Изд-во: ООО «Медиа-Полис». Ростов-на-Дону. 2021. 256 с.

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nasrudi U. Yarychev, Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Corresponding Member. RAO
Chechen State University A.A. Kadyrov
32, Aslanbek Sheripov Str., Grozny, Chechen Republic, 364024,
Russian Federation
nasrudiny@mail.ru

Zarema R. Khamzatova, Assistant of the Department of Museum Studies and Cultural Studies, Senior Lecturer of the Department of History
Chechen State University A.A. Kadyrov; Chechen State Pedagogical University
Grozny, Chechen Republic, Russian Federation
z.khamzatova@inbox.ru
SPIN code: 6988-6175
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9563-3174>
Researcher ID: AAC-9389-2020

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Ярычев Насруди Увайсович, доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член-корр. РАО
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова
ул. Асланбека Шерипова, 32, г. Грозный, Чеченская Республика,
364024, Российская Федерация
nasrudiny@mail.ru

Хамзатова Зарема Рахмановна, ассистент кафедры музееведения и культурологии, старший преподаватель кафедры истории
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова;
Чеченский государственный педагогический университет
z.khamzatova@inbox.ru

Поступила 19.04.2023

После рецензирования 19.05.2023

Принята 25.05.2023

Received 19.04.2023

Revised 19.05.2023

Accepted 25.05.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-106-129

УДК 130.2

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНДУСТРИИ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Н.А. Мальшина, И.В. Каменская

Проектную деятельность индустрии культуры можно рассматривать как интегративный показатель всей социальной системы образования, способный контролировать и отдельные подсистемы, такие как финансовые, поведенческие и смысловые. Культура служит посредником в структуре социальной системы, легко передается от одной подсистемы к другой, а с помощью обучения и социализации – от одной системы личности к другой. Символический характер культуры придает ей способность и контролировать прочие системы действия. Применение метода моделирования в рамках социологического подхода к российской индустрии культуры позволяет сформировать общую модель индустрии культуры. Социологический анализ аудиторией позволяет понять ее потребности и культурные ценности и помогает выстраивать корреляции как с производством культурного продукта, так и с его реализацией. При этом анкетирование различных целевых аудиторий для проведения исследований в предпроектный период должно носить не оценочный характер, а исходить из анализа проблем, волнующих потребителей культуры, а также способствовать современным учреждениями культуры в решении актуальных задач. Изучение аудиторий средствами социологического анализа позволит модернизировать деятельность организаций культуры, сделает ее более эффективной, поможет как при подготовке отдельных проектов, так и в процессе текущей деятельности.

Ключевые слова: *проектная деятельность; индустрия культуры; социологический подход; анализ аудитории; массовое потребление культуры*

Для цитирования. Мальшина Н.А., Каменская И.В. Проектная деятельность индустрии культуры: новые социологические подходы // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 2. С. 106-129. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-106-129

Original article | Theory and History of Culture and Art

PROJECT ACTIVITY OF THE CULTURAL INDUSTRY: NEW SOCIOLOGICAL APPROACHES

N.A. Malshina, I.V. Kamenskaya

The project activity of the cultural industry can be considered as an integrative indicator of the entire social system, capable of controlling individual subsystems, such as financial, behavioral and semantic ones. The cultural system, which serves as an intermediary in the structure of the social system, is easily transferred from one subsystem to another, and with the help of training and socialization – from one personality system to another. The symbolic nature of culture gives it the ability to control other systems of action. The application of the modeling method within the framework of the sociological approach to the Russian cultural industry allows us to form a general model of the cultural industry. The use of tools of sociological analysis of the audience to understand its needs and cultural values helps to build correlations with both the production of a cultural product and its implementation. At the same time, the survey of the target audience should not be of an evaluative nature, but should proceed from the analysis of problems of concern to consumers of culture, as well as assistance in solving them by modern cultural institutions. The study of the target audience by means of sociological analysis will modernize the activities of cultural organizations, make it more effective, help both in the preparation of individual projects and in the process of ongoing activities.

Keywords: *project activity; culture industry; sociological approach; audience analysis; mass consumption of culture*

***For citation.** Malshina N.A., Kamenskaya I.V. Project Activity of the Cultural Industry: New Sociological Approaches. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 106-129. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-106-129*

Введение

Проектная деятельность это – результат интеллектуального и творческого труда, который может быть направлен на сохранение и совершенствование отрасли и иметь конкретное воплощение в виде законченной системы. В качестве творческих мероприятий выступают выставки и фестивали международного значения, торжественные церемонии вручения премий в области киноискусства, реконструкции исторических событий, выпускные балы и т.д. Главным условием является оригинальная авторская идея, реализуемая в соответствии с заявленными целями и задачами.

Главной целью данного исследования является характеристика теоретических основ исследования и адаптации мировой практики функционирования индустрии культуры к специфике российской действительности при помощи новых социологических подходов.

Новизна данной статьи заключается в анализе, с одной стороны, важности и значимости такого рода институциональных взаимодействий, а с другой – демонстрации относительной легкости, доступности и практической применимости опыта социологического знания в различных видах культурных индустрий. Особый акцент делается на проектной деятельности, поскольку именно в проекте учреждение культуры может довольно быстро измерить эффективность затраченных усилий и получить конкретный и измеримый результат.

Актуальность данного исследования заключается в том, что в настоящее время на этапе формирования и внедрения проектной деятельности в индустрии культуры [1] РФ необходима адаптация общепринятых методов и моделей к российской практике.

Методы

Применение метода моделирования в рамках социологического подхода к российской индустрии культуры позволяет сформировать

общую модель индустрии культуры. По критерию функций, выполняемых элементами индустрии культуры, всю систему индустрию культуры возможно структурировать по аналогии с известной моделью Т. Парсонса (рис. 1).

Рис. 1. Структура индустрии культуры по Парсонсу

В качестве базовых единиц системы выделены четыре структурные категории:

1) статусно-ролевой комплекс выполняет функцию координации взаимодействия с культурными, органическими и физическими ресурсами;

2) *Ценности* – образец – главный связующий элемент социальной и культурной систем. Ценности первичны при поддержании образца функционирования системы индустрии культуры.

3) *Нормы*, носят преимущественно социальный характер, они имеют регулятивное значение для социальных процессов и отношений через правовую систему. Нормы преимущественно осуществляют функцию *интеграции*, они регулируют процессы, которые содействуют выполнению ценностных обязательств;

4) коллективные образования: именно в коллективе в качестве его членов индивиды реализуют социально значимые функции.

Индивидуум, человек, потребитель в своей деятельности комбинирует все взаимосвязанных четыре компонента. Одни и те же ценностные образцы обычно составляют часть значительно различающихся блоков, подсистем, и часто обнаруживаются на многих уровнях в структурных иерархиях. Парсонс выделил в обществе четыре *подсистемы*, выполняющие определенные функции, которые возможно транспонировать и на индустрию культуры:

1. Экономика – подсистема, выполняющая в обществе функцию адаптации к внешней среде через труд, производство и распределение.

2. Политика выполняет функцию целедостижения путем преследования общественных целей и мобилизации для этого агентов и ресурсов.

3. Традиции выполняют латентную функцию, передавая культурные образцы, нормы и ценности.

4. Социальное сообщество выполняет функцию *интеграции*, координируя различные элементы общества, являясь «носителем» культурной системы, достаточно интегрированной, для того чтобы легитимизировать нормативный порядок.

Наиболее важная из структур социальной системы – система культуры, служит *посредником*, а также существует отдельно в форме социального запаса знаний, символов и понятий.

Из-за своего во многом символического и субъективного характера культура легко передается от одной системы к другой, а с помощью обучения и социализации – от одной системы личности к другой, что придает ей и другое свойство: способность *контролировать* прочие системы действия – поведенческий организм, личность и социальную систему [11].

Следовательно, индустрию культуры возможно рассматривать как интегратора всех подсистем общества в виде запаса знаний, символов, ценностей и понятий всей социальной системы, а *проектную деятельность индустрии культуры* как *интегративный показатель* всей социальной системы, способный контролировать и отдельные системы, такие как финансовые, поведенческие и смысловые.

Результаты и обсуждения

Сегодня проектная деятельность - один из основных инструментов привлечения финансовых средств в учреждение культуры. Однако, для того чтобы проект был поддержан, необходимо соблюдать определенные требования к оформлению заявки.

В первую очередь, речь идет о жизненном цикле проекта. Его цели должны быть конкретными, а каждый этап реализации иметь четкие временные границы. Отличительными особенностями такого мероприятия являются его уникальность, новизна, актуальность, адекватность задач сформулированным целям, целевой аудитории, а также квалификационное соответствие исполнителей. Учреждения культуры имеют богатый опыт написания творческих проектов разных по своей форме, структуре, содержательному наполнению. Многие из социокультурных проектов имеют форму стратегической программы, действующей на территории всей страны, регионов и городов. Успешно существуют также и проекты реализуемые по одному из направлений общей программы развития учреждения.

Социокультурный проект по праву считается самой эффективной формой продвижения учреждения культуры, способствующей созданию положительного имиджа, росту престижа среди населения, являясь основой для реализации творческой деятельности. Социокультурное проектирование все чаще рассматривается с позиции внедрения в деятельность учреждения организационных, технологических, информационных и экономических инноваций. Кроме того, он выполняет функцию рекламного инструмента, является визитной карточкой организации, но только при условии грамотного подхода к оформлению и информационному содержанию. Активность учреждения культуры в сфере социокультурного проектирования подтверждает профессионализм сотрудников, их способность оперативно реагировать на изменения внешней среды и высокую конкурентоспособность.

Проекты в сфере культуры - примеры оригинальных авторских разработок, целью которых является развитие учреждения в целом или улучшение одного из его основных направлений. Согласно

методическим рекомендациям перед написанием социального проекта необходимо детальное изучение данной области, а также поиск заинтересованных лиц. Наличие социальных партнеров, оказывающих поддержку, увеличивает шансы на положительное решение экспертного совета. Сотрудничество учреждения культуры с другими организациями позволяет привлечь дополнительные финансовые и человеческие ресурсы, а значит, делает проект более реальным.

Социальный проект должен напрямую соотноситься с целями и задачами учреждения культуры, а также иметь точные измеримые характеристики. Цели должны быть достижимыми. При подготовке важно изучить форму заявки фонда, в который она будет направлена. В ходе работы рекомендуется заручиться поддержкой социальных партнеров, получить от них официальные письма поддержки. Заранее необходимо определить целевую аудиторию и начать работу по ее привлечению. Следует продумать и приложения, которые можно прикрепить к заявке. Ими могут быть примерные программы работы клубов, списки литературы, планируемой к приобретению, план мероприятий, рекламная продукция.

Масштабное наследие западных социологических школ в отношении к индустрии культуры РФ оставалось до настоящего времени без значительного внимания отечественных специалистов в области социальных наук, что обуславливает недостаток теоретико-методологических рамок данной сферы исследования. В российской социологии весьма немногочислен спектр исследований, представляющих собой погружение в структуру индустрии культуры. Ряд иных работ представляет собой обзор распространённых в западных социологических традициях подходов к исследованиям индустрии культуры как таковых, без конкретики на ее составляющих.

Двойственность прослеживается также в социологическом подходе к исследованию индустрии культуры на двух основных уровнях:

- *символическом*, где культура представлена в виде идей, ценностей, представлений и существует в «закодированном» виде;

- *поведенческом*, где закодированные ценности и нормы проявляются в реальных поведенческих социально-экономических моделях.

Социологический подход к анализу индустрии культуры российского современного общества через поведенческие модели социальных групп в разных полях является показателем того, в каких формах происходит «раскодирование» ценностей, идеалов и норм конкретного общества в реальной повседневной деятельности, с одной стороны, с другой — какие возможные перспективы «кодирования» этих практик в культурный код (обратный процесс) возможны в будущем и как это отразится на следующих поколениях [5]. Краеугольным камнем данного подхода к проектной деятельности является работа с целевой аудиторией разных социальных групп, понимание ее задач, проблем, болевых «точек».

Анализируя подходы к реализации проектов в организациях культуры и искусства, довольно часто нам приходится сталкиваться с непониманием или неполным освоением этого ключевого, на наш взгляд, важнейшего компонента. Если свести всю сложную картину стратегий учреждений культуры к трем основным шагам: анализ – планирование – действие, то чаще мы видим игнорирование первого шага (анализа) и переход сразу к двум другим: планирование деятельности и ее осуществление. Под «анализом» мы понимаем исследование целевой аудитории, глубокое погружение в понимание ее специфики, проблем и желаний. «Планирование» - процесс выстраивания этапов реализации культурного продукта. «Действие» - собственно, сам процесс воплощения планов, реализация намеченного в соответствии с ролями в команде, коллективе и имеющимися ресурсами. Как мы отметили, первый, исследовательский этап в большинстве случаев оказывается либо пропущен, либо изучен на очень поверхностном уровне. Данный «сбой» мы можем отнести как к обычной, так называемой «рутинной», повседневной деятельности учреждений культуры, так и при осуществлении новых, порой амбициозных проектов. Чтобы доказать справедливость данного тезиса в отношении рядовой деятельности учреждения, не

нужно далеко ходить за примерами. Попробуем ответить на простой вопрос: как часто, перед утверждением репертуара на предстоящий сезон организация культуры – будь то театр, филармония, дом творчества - проводит изучение своей аудитории, комбинируя различные социологические и маркетинговые исследовательские стратегии, сравнивая характеристики прошлых лет, сезонов, прослеживая динамику трансформаций аудитории, применяя когортный анализ или глубинное интервьюирование?.. Ответ, к сожалению, предсказуемо отрицательный. По нашим наблюдениям, в 99,9% случаях мы обнаруживаем именно такой подход, а именно – НЕ-осуществление даже малой доли вышеперечисленных принципов работы с аудиторией. В лучшем случае, организации проводят анкетирование зрителей и посетителей постфактум, где содержатся вопросы типа «понравилось – не понравилось», ответы на которые могут дать весьма скудное представление о целевых аудиториях каждого отдельного взятого учреждения.

Как известно, проектная деятельность в настоящее время является одной из наиболее востребованных форм привлечения грантовых средств государственных и частных источников. Об этом мы подробно говорили в наших предыдущих статьях, анализируя распределение сумм финансирования по регионам в рамках различных региональных и федеральных грантовых конкурсов [7], [8], [9]. К огромному сожалению, ошибки учреждений культуры переключались из привычных форм работы в проектные, более перспективные и активно внедряющиеся в современных организациях культуры. И корень всех ошибок и вытекающих из них статистических искажений, на наш взгляд, лежит в непонимании глубинной сущности и значимости работы с целевой аудиторией будущего проекта, в игнорировании или недостаточной проработке данного этапа проектирования.

Разумеется, организация культуры или творческая группа, состоящая из двух-трех человек, стремится прежде всего заявить о своем продукте – будь то театральная постановка, фестиваль, выставка или отдельно взятая песня, арт-объект. Вполне понятны усилия творцов

как можно быстрее перейти к внедрению созданного контента, к его реализации, донесению их до зрителя, слушателя. Все было бы хорошо, если бы путь от продукта к аудитории был бы достаточно прост и понятен. В этом случае практически каждый созданный художниками объект, культурный продукт должен быстро находить поддержку у многочисленных аудиторий. Однако, как известно, такого не происходит или происходит далеко не всегда. Почему это случается? Объяснений дается немало: от недостатка средств на рекламу до «непонятливости», «недалекости», «неквалифицированности» аудитории. Но все эти объяснения не могут быть приемлемыми, если в организации был пропущен или пройден слишком поверхностно самый важный, первый этап – этап анализа целевой аудитории, целевых групп, на которые направлен проект. Данное утверждение справедливо как для плановой, так и для проектной деятельности организации в сфере культуры и искусства.

В данной статье мы сфокусируем внимание именно на проектных стратегиях. К настоящему моменту в РФ накоплена внушительная база значительная по численности база получивших финансирование творческих проектов – как специфически молодежных (Росмолодежь), так и в сфере культурных индустрий (Фонд культурных инициатив, Фонд президентских грантов, федеральные и региональные конкурсы и программы). Мы не будем сейчас уточнять эффективность проектов, уже реализованных за счет грантовых средств, это тема отдельного исследования, но остановимся на тех организациях, кто подал заявку, но не получил финансирование, либо кто только еще собирается начать работу над своим проектом. Одной из ключевых причин не-успеха проекта является незнание или слабое представление о собственной целевой аудитории. Именно это становится камнем преткновения, тормозящим развитие любого проекта. Особенно явно этот процесс проявляет себя в организациях культуры, то есть тех, кто производит так называемый «культурный продукт» - спектакль, оперу, балет, симфонию, концертную программу, фестиваль, выставку, культурный форум и множество других объектов.

Вопросами изучения различных аудиторий в сфере искусств на протяжении нескольких десятилетий занимаются социологи, культурологи, экономисты. Как правило, их исследования бывают инспирированы интересом авторов к той или иной сфере творчества – драматическому театру, рок-музыке, массовой музыкальной культуре, академической культуре... Так, в период 2004 – 2019 гг. были защищены диссертационные исследования Чепеленко К.О. о социологическом исследовании театра [14], Горюновой Л.О. о музыкальных предпочтениях молодежи [3], Каменской И.В. о массовой музыкальной культуре [4], Снежинской М.Г. [13] о музыкальных индустриях. Однако данные исследования находятся как бы «за забором», за пределами современных актуальных практик. К ним редко обращаются действующие учреждения культуры, научный потенциал такого рода работ, к сожалению, оказывается практически не востребованным. Собственно, главный посыл и миссия такого рода исследований – служить художникам, создателям культурного продукта, и их реальным аудиториям, способствовать эффективности процессов коммуникаций с аудиториями - данный посыл так и остается в области скорее теоретической, чем практической. Возможно, этому препятствует академизм научных текстов, сложный понятийный аппарат, не позволяющий представителям современных культурных индустрий использовать полезный научный потенциал в своей работе.

Для иллюстрации тезисов возможно привлечь молодежные исследования, которые были осуществлены в рамках подготовки авторских проектов к Межрегиональному конкурсу социокультурных и арт-проектов АРТстАРТ. Обращение ранее к опыту проведения данного конкурса, его специфике и критериям, теперь предпринимается на этапе исследования целевых групп нашими конкурсантами. Данные исследования проводились на этапе разработки гипотезы проекта, тестирования идей и стали исходным материалом для дальнейшей проектной деятельности творческой молодежи.

Студенты, авторы проектов из разных регионов РФ, проводили пилотное исследование целевой аудитории методом анкетирования.

Они использовали простой и легко применяемый инструментарий – формы google, доступ к которым можно настроить в аккаунте автора. Аналогом таких форм являются Яндекс-формы. Работа над подготовкой опроса проводилась в несколько этапов:

- 1) Выявление социальных, географических и демографических характеристик аудитории. Сюда относится место проживания, пол, возраст, род занятий, при необходимости, семейный статус и уровень дохода.
- 2) Выявление проблем целевой аудитории в контексте будущего проекта, основных болей и сложностей, которые возникают.
- 3) Вопросы о том, какими способами уже пользовались респонденты, чтобы решить собственную проблему.
- 4) Выявление идеальных представлений опрашиваемых об изучаемом аспекте.
- 5) Понимание того, что мешает достичь этого «идеального» состояния.

Сразу хотелось бы сделать акцент на том, что в данном перечне нет вопросов типа «а хотели бы Вы...», «посетили бы вы данный концерт/выставку/спектакль», «купили бы вы билет...» и т.п. Опыт многочисленных проведенных нами исследований показывает, что аудитория, скорее всего, позитивно ответит на данный вопрос, но это отнюдь не будет гарантией того, что на мероприятии точно придут зрители. Данные вопросы сложно верифицировать и выстроить мало-мальски жизнеспособные корреляции с реальным опытом, поэтому мы бы настоятельно не рекомендовали тратить силы и время на их создание и обработку. Чаще всего ответ будет далек от правды, а если и правдив, то проверить на практике его почти невозможно.

Приведенный выше шаблон опроса целевой аудитории универсален, его можно спроецировать практически на любую социальную или творческую сферу. Количество вопросов также не ограничено, однако если вопросов более десяти, по нашим наблюдениям, это снижает активность участия аудитории. Потому в рекомендациях мы бы всегда настаивали на небольшом числе концептуальных вопросов, не более пяти.

Адаптация и проекция данной схемы на собственный проект стала увлекательной задачей для молодых исследователей. Здесь нет и не может быть одинаковых вопросов, каждый опрос был универсален и не похож на другой. Прежде всего, это связано с большим многообразием тем, к которым обращались студенты. Кроме того, где-то применялись варианты ответов в виде текстов, где-то в виде изображений, звуковых или видео-файлов. Вопросы были закрытые (с ограниченным числом вариантов), полузакрытые (перечень с открытым вариантом «другое») или открытые, когда респондент должен был вписать (электронно), какую-то собственную мысль или ответ.

Каждый опрос необходимо было предварить обращением авторов к аудитории, то, что в обиходе называем «шапкой» опроса. Она находится в самом верху анкеты и помогает респондентам понять, кто проводит опрос, почему проводит опрос, зачем нужно в нем участвовать. Особым откликом пользовались небольшие бонусы, призы, которые в качестве благодарности за потраченное время отправлялись респондентам. Это мог быть какой-то тематический плейлист (подборка музыки), ссылка на интересные фильмы, также это мог быть какой-то отдельный файл с несложной, но полезной информацией. Данный презент отправлялся респонденту по указанному в анкете адресу электронной почты. Такого рода мини-подарки не являлись затратными для авторов, но были дополнительным аргументом, мотивирующим аудиторию максимально честно и подробно ответить на все вопросы.

Не столь важным, но все же значимым элементом опроса являлся внешний вид анкеты. Вверху «шапки» опроса прикреплялась какая-то тематическая картинка, иллюстрация, помогающая мгновенно понять, о чем идет речь. Также студенты обращали внимание на шрифт, цветовой фон анкеты, дополнительные элементы дизайна. Все эти возможности есть в формах google, их можно использовать по желанию. Как показал наш опыт, красиво и грамотно оформленные анкеты получали значительно больше точных и хороших ответов. Мы, организаторы конкурса проектов АРТстАРТ, на этапе подготовки материалов записали небольшую видеоинструкцию по

работе с google-формами, ссылка на нее была доступна всем участникам конкурса.

Далее было необходимо найти самих респондентов, то есть тех, кто будет отвечать на подготовленные вопросы. Мы исходили из простой статистики, полученной методом проб и ошибок на протяжении более чем десятилетней истории проектной деятельности: примерно каждый десятый из тех, кто увидел данный опрос, примет в нем участие и ответит на вопросы. Таким образом, мы исходим из минимального десятипроцентного порога вовлеченных в исследование. Разумеется, в ряде случаев он может быть и ниже, а в части работ достигать и трети от общего числа. Однако 10% - некий усредненный показатель, который был также понятен и студентам, проводящим опросы. Исходя из задачи получить не менее 200 заполненных анкет, число аудитории, которая увидит приглашение пройти опрос, должно составлять, соответственно, около 2000 человек. То есть это охват именно целевой аудитории, которая нужна для работы в предстоящем проекте. Нельзя путать ее просто с аудиторией, которая далека и от наших целей, и от наших продуктов и которая увидит наше приглашение пройти опрос.

Все опросы проводились онлайн, даже если участники физически находились в одной аудитории, например, в одном классе школы. Каждый из них должен был отвечать со своего аккаунта в одной из доступных социальных сетей. Чаще всего мы и наши студенты используем социальную сеть ВКонтакте. 2000 человек целевой аудитории мы можем найти в тех группах, где данная аудитория «обитает», любит проводить свое время. Желательно также, чтобы это была активная аудитория. Такую аудиторию легко можно выявить, посмотрев комментарии к последним публикациям. Причем это должны быть именно интересные для данной группы, но не обязательные для нее ресурсы. Так, например, студент вуза может быть участником сообщества своего вуза, но крайне редко заходить туда и не интересоваться происходящими там событиями. Если наша аудитория – студенты с активной вовлеченностью в студенческую жизнь, то едва ли названная категория будет релевантна нашему

запросу. Напротив, если тот же студент того же вуза интересуется рок-музыкой, а мы исследуем в проекте рок-культуру, то тогда нам надо перейти в сообщества, где данный студент находит для себя наибольшую ценность и с большей долей вероятности захочет ответить на наши вопросы.

Таким образом, мы формируем репрезентативную выборку, которая позволит нам найти желающих пройти опрос, и эти желающие будут как раз той самой целевой группой, для которой и будет создаваться будущий проект. Приглашение пройти опрос может быть сформулировано в виде небольшого поста, публикации, возможно, с яркой иллюстрацией и мотивирующими текстами. Размещение таких публикаций не всегда возможно, так как многие сообщества либо закрывают свои стены (не дают возможности публиковаться всем желающим), либо ставят определенные коммерческие рамки. В этом случае наши рекомендации студентам и начинающим исследователям всегда идут в русле диалога, выстраивания эффективных деловых связей. Можно предложить администраторам сообществ обмен публикациями, можно показать значимость данного проекта для региона, можно, наконец, даже в коммерчески обусловленных группах договориться о бесплатном размещении своей публикации с опросом. Надо сказать, что данный опыт коммуникаций всегда отмечается студентами как весьма полезный, а для кого-то становится первым шагом в дальнейшем развитии собственных компетенций в сфере PR и маркетинговых стратегий.

Договорившись о размещении публикации с опросом, авторы ожидают реакции аудитории. Как правило, ответы приходят в течение одного-двух дней. Публикации в активных сообществах с более чем трехдневным интервалом получают отклики значительно реже. А потому если в течение 1-3 дней в данном сообществе не получили ожидаемое количество ответов, можно еще раз продублировать публикацию либо перейти на другую площадку: высока вероятность, что здесь отсутствует предполагаемая активная целевая аудитория будущего социального или творческого проекта. Количество групп, в которых может быть размещена публикация, не регламентируется. Важно лишь число активных подписчиков данного сообщества, и

не просто общая численность, но предполагаемое число именно целевых пользователей. Далекое не всегда это один и тот же показатель. Определить его сразу с высокой точностью не представляется возможным, но всегда есть возможность выяснить это через такую форму коммуникации, как анкетный опрос.

По завершении опроса в распоряжении авторов оказывается минимум 200 обработанных и систематизированных анкет. Простота и удобство google-форм заключаются в автоматической обработке результатов и мгновенной их визуализации в графиках, диаграммах. Это позволяет начинающим исследователям практически сразу получить ответ, жизнеспособна ли гипотеза, есть ли смысл разрабатывать проект в данном направлении, а также увидеть возможные пробелы и неточности, которых можно будет избежать в будущем. Далее студенты осуществляют описание в виде небольшого текста полученных при анкетировании результатов.

В случае успешно проведенного опроса, высокого процента хороших ответов от респондентов, уже на данном этапе может возникнуть идея будущего проекта. Либо ее уточнение, либо перевод в совершенно иное русло. Исследование аудитории – невероятно увлекательный, но при этом непредсказуемый процесс. Далекое не всегда гипотезы авторов подтверждаются – однако это не является «минус-фактором»! Напротив, понимание того, что ракурс проблемы высвечен неверно, позволит избежать колоссального нагромождения ошибок в будущем – заведомо неуспешном – проекте. Уже на данном, раннем этапе у авторов творческих и социальных проектов есть возможность понять, верное ли направление избрано и стоит ли в дальнейшем разрабатывать данный проект.

Здесь следует сделать акцент, что на этапе поиска идеи проекта мощь эксперта, который скажет «эта идея хороша», «эта идея слабая» может сослужить плохую службу, так как ни один эксперт не может знать всех деталей и «подводных камней» отдельно взятой аудитории. А потому, если возникает какая-либо идея, которую хотелось бы воплотить, творческий замысел, который есть желание реализовать – учреждению культуры следует обратить внимание на такой простой

инструмент, как опрос своей целевой аудитории. Потому что только там находятся все ответы на важные вопросы, упраздняются сомнения, раскрываются новые ракурсы и поджидают неожиданные инсайты. Аудитория – самый чуткий барометр и наиболее точный источник знаний о вашем будущем проекте. Если есть исследования вашей аудитории, осуществленные другими авторами – их также следует привлекать. Если же таковых в распоряжении нет, то единственный путь – провести исследование собственными силами. Данное событие может стать поворотным пунктом социокультурной стратегии организации, началом новых, успешных взаимодействий автора и зрителя, производителя культурного продукта и потребителя, равно как и отечественной индустрии культуры в целом.

Концептуальная модель социологического изучения индустрии культуры современного общества единицей анализа социокультурного поля рассматривает *жизненные стратегии социокультурного поведения*, которые представляют собой устойчивые практики социальных групп, имеющих совокупность ресурсов (капиталов) – образовательных, культурных и других, которые в той или иной степени реализуются в конкретных жизненных ситуациях. Жизненные стратегии социокультурного поведения в современном обществе представляют собой «чистые» (идеальные) типы стратегий поведения «агентов», имеющих различные капиталы и делающих свой выбор в жизненных ситуациях конкретного поля (экономическом, политическом и др.), являющегося в той или иной степени социокультурным. Поведенческие модели изучаются в четырёх полях: экономическом, политическом, социальном и культурном, в каждом из которых выстраивается система индикаторов. В рамках представленных концептуальных оснований жизненные стратегии социокультурного поведения имеют в первую очередь ценностную природу.

Стратегии социокультурного поведения определяются, с одной стороны, базовыми ценностями, с другой стороны, сталкиваясь с различного рода проблемными ситуациями, индивид актуализирует имеющийся в его распоряжении капитал (образовательный, сетевой, административный и др.). В таком случае степень востребованности капитала и определяет инструментальную значимость конкретной

ценности. В рамках данной концептуальной модели социологического исследования культуры современного общества факторный анализ позволяет выделить в качестве *ядра ценностной* инструментальной иерархии основные векторы: семейный и социально-сетевой (деньги; друзья; жизненный опыт; наличие нужных связей, знакомств) ресурсы; следующие по степени включения в решение жизненных проблем – профессионально-статусный и имиджевый ресурсы. Статистические данные [2] подтверждают значимые различия ценностных векторов в зависимости от *региона проживания и типа населенного пункта, возраста и гендерной принадлежности* респондентов. В контексте социокультурных групп от *пассивных к активным* увеличивается распространённость потребления инновационных услуг индустрии культуры.

Операциональная модель исследования культуры в конкретном социологическом подходе определяется, с одной стороны, базовыми *ценностными* ориентирами, с другой стороны, в повседневной жизни, сталкиваясь с различного рода проблемными ситуациями, индивид актуализирует имеющийся в его распоряжении запас капиталов (образовательный, административный и др.), который в той или иной степени помогает ему справиться с возникающими сложностями. На основе инструментария моделирования и факторного анализа обоснована возможность социологического исследования через поведенческие модели социальных групп в разных полях, «раскодирование» ценностей, идеалов и норм конкретного общества в повседневной деятельности, с одной стороны, с другой — перспективы «кодирования» этих практик (обратный процесс) на следующих поколениях.

Заключение

Проектную деятельность индустрии культуры можно рассматривать как интегративный показатель [6] всей социальной системы, способный контролировать и отдельные системы, такие как финансовые, поведенческие и смысловые и др. *Пассивные и активные социальные группы* различаются распространённостью потребления инновационных услуг индустрии культуры [10].

Единственно возможным выходом из замкнутого круга доминирования индустриализации культуры на уровне индивидуума, представляется осознание личностью потребности в самоограничении симуляционных потребностей, навязанных рыночным механизмом. Потребности человека и знания, необходимые для их удовлетворения, формируются в процессе творческого культурного саморазвития вне непосредственного материального производства, образуя своего рода заказ для качественного развития всего общества, с последующим ростом духовных потребностей по всех областях деятельности. В данной ситуации культура определяется как интегрирующий механизм глобального социального и культурного пространства, различных социальных и профессиональных групп.

Современный процесс массового потребления культурных благ это форма реализации материальных и нематериальных благ, которая приводит как к сиюминутному наслаждению, так и к накоплению культурного опыта и глубоких трансцендентных состояний сознания. Экономика сводит потребление культурных благ только в простую схему производства, к цене, к трансформации ценности культуры, не признавая двойственности процесса потребления культуры, которое не определяются рациональной рыночной логикой. Помимо символических и эмоциональных аспектов, культурное потребление имеет и характеристики, которые не могут быть объяснены в экономических терминах.

Процесс потребления культуры требует определенных входных данных от потребителя, символическое измерение требует активного когнитивного участия потребителя. Таким образом, процесс культурного потребления двухсторонний не статичный, а очень интерактивный процесс обмена, за которым стоят определенные *паттерны*.

Применение инструментов социологического анализа аудитории для понимания ее потребностей и культурных ценностей помогает выстраивать корреляции как с производством культурного продукта, так и с его реализацией. При этом анкетирование целевой аудитории должно носить не оценочный характер, а исходить из анализа проблем, волнующих потребителей культуры, а также помощи в их решении современными учреждениями культуры.

Изучение целевой аудитории средствами социологического анализа, проведение массовых опросов и глубинных интервью позволит модернизировать деятельность организаций, сделает ее более эффективной, поможет как при подготовке отдельных проектов, так и в процессе текущей деятельности. При этом необходимо следить за репрезентативностью выборки, релевантностью ответов респондентов текущей социокультурной ситуации.

При подготовке исследований аудитории учреждений культуры через социальные сети необходимо следить за «воронкой» и конверсиональными показателями между слоями охваченной аудитории и потребителями культуры. Исследования не могут носить единичный характер; их следует повторять и актуализировать с периодичностью, соответствующей деятельности организации культуры. Мониторинг аудитории позволит организациям культуры более четко реагировать на вызовы и запросы современной аудитории, быть актуальными и востребованными для различных категорий потребителей культурного продукта.

Список литературы

1. Адорно Т.В., Хоркхаймер М. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс. М.: Ад Маргинем Пресс. 2016. 104 с.
2. ГИВЦ Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры РФ URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators/>
3. Горюнова Л.О. Социокультурные аспекты формирования музыкальных предпочтений современной российской молодежи: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук: специальность 22.00.06. Саратов, 2004. 181 с.
4. Каменская И.В. Особенности коммуникационных процессов массовой музыкальной культуры: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Саратов, 2004. 159 с.
5. Лашук И.В., Таранова Е.В. Сфера культуры в социологическом измерении // Социологическая наука и социальная практика 2017. № 3 (19). С. 7-31.
6. Мальшина Н. А. Интегральный оценочный показатель функционирования индустрии культуры РФ // ПОЙСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2021. № 1(84). С. 76-81.

7. Мальшина Н. А., Каменская И. В. Значение проектной деятельности в функционировании ВУЗов культуры и искусства РФ // Человек. Культура. Образование. 2022. №3 (45). С. 120-144.
8. Мальшина Н.А., Каменская И.В. Формирование институциональной среды индустрии культуры в регионах России // Культура и образование. Научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. №3(42), 2021. С. 13-24.
9. Мальшина Н.А., Сергеева И.В. Организация проектной деятельности в среде культуры и искусства в регионах РФ // Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания. № 2 (12). 2021. С. 69-77.
10. Показатели эффективности в сфере культуры / ИНДУСТРИЯКУЛЬТУРЫ.РФ. URL: <https://индустриякультуры.рф/>
11. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. С. 126-128.
12. Сергеева И.В. Идея – проект – воплощение: студенческие арт-проекты в свете современной культурной политики / Диалог искусств и арт-парадигм. Статьи. Очерки. Материалы. По материалам Международного научного форума. Том X / Редактор-составитель А.И.Демченко. Саратов: SGK имени Л.В. Собинова, 2020. С. 142-151.
13. Снежинская Н. Г. Музыкальная индустрия как социокультурный феномен: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Москва, 2019, 226 с.
14. Чепеленко К. О. Социокультурные особенности аудитории современного провинциального театра: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Саратов. 2008. 166 с.
15. Bourbieu P. The Field of cultural production: essays on art and literature/ R. Jonson. Cambridge: Polity press. 1993, 321 p.
16. Cooper W. W., Seiford L. M., Tone K. Data Envelopment Analysis: A Comprehensive Text with Models, Applications, References and DEA-Solver Software. 2nd ed. Springer: N. Y. 2007. P. 12–14.
17. Sergeeva I.V. Idea – Project – Implementation: Students Art-projects in the Light of Modern Cultural Policy / Диалогискусствиарт-парадигм. Статьи. Очерки. Материалы. По материалам Международного научного форума. Том X / Редактор-составитель А.И. Демченко. Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, 2020. С. 151-159.

18. Throsby D. Economics and culture. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, 208 p.

References

1. Adorno T.V., Horkheimer M. *Kul'turnaya industriya. Prosveshchenie kak sposob obmana mass* [Cultural industry. Enlightenment as a way of deceiving the masses]. Moscow: Ad Marginem Press, 2016, 104 p.
2. GIVC Main Information and Computing Center of the Ministry of Culture of the Russian Federation. URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators/>
3. Goryunova L.O. *Sociokul'turnye aspekty formirovaniya muzykal'nyh predpochtenij sovremennoj rossijskoj molodezhi* [Socio-cultural aspects of the formation of musical preferences of modern Russian youth]: dissertation for the degree of Candidate of Sociological sciences. Saratov, 2004, 181 p.
4. Kamenskaya I.V. *Osobennosti kommunikacionnyh processov massovoj muzykal'noj kul'tury* [Features of communication processes of mass musical culture]: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Saratov, 2004, 159 p.
5. Lashuk I.V., Taranova E. V. Sfera kul'tury v sociologicheskom izmerenii [Sphere of culture in the sociological dimension]. *Sociological science and social practice*. 2017, no. 3 (19), pp. 7-31.
6. Malshina N. A. Integral'nyj ocenochnyj pokazatel' funkcionirovaniya industrii kul'tury RF [Integral evaluation indicator of the functioning of the culture industry of the Russian Federation]. *SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture*, 2021, no. 1(84), pp. 76-81.
7. Malshina N. A., Kamenskaya I. V. Znachenie proektnoj deyatel'nosti v funkcionirovaniya VUZov kul'tury i iskusstva RF [The significance of project activity in the functioning of universities of culture and art of the Russian Federation]. *Man. Culture. Education*, 2022, no. 3 (45), pp. 120-144.
8. Malshina N.A., Kamenskaya I.V. Znachenie proektnoj deyatel'nosti v funkcionirovaniya VUZov kul'tury i iskusstva RF [Formation of the institutional environment of the culture industry in the regions of Russia]. *Culture and education. Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*, 2021, no. 3(42), pp. 13-24.

9. Malshina N.A., Sergeeva I.V. Organizaciya proektnoj deyatel'nosti v srede kul'tury i iskusstva v regionah RF [Organization of project activities in the environment of culture and art in the regions of the Russian Federation]. *Bulletin of the Saratov Conservatory. Questions of art history*, 2021, no. 2 (12), pp. 69-77.
10. Performance indicators in the field of culture. URL: <https://индустрия культуры.RF/>
11. Ritzer J. *Sovremennye sociologicheskie teorii* [Modern sociological theories]. 5th ed. St. Petersburg: St. Petersburg, 2002, pp. 126-128.
12. Sergeeva I.V. Ideya – proekt – voploshchenie: studencheskie art-proekty v svete sovremennoj kul'turnoj politiki [Idea – project – embodiment: student art projects in the light of modern cultural policy]. *Dialogue of Arts and Art Paradigms. Articles. Essays. Materials. Based on the materials of the International Scientific Forum. Volume X* / Compiled by A.I. Demchenko. Saratov: Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov, 2020, pp. 142 – 151.
13. Snezhinskaya N.G. *Muzykal'naya industriya kak sociokul'turnyj fenomen* [The music industry as a socio-cultural phenomenon]: dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences. Moscow, 2019, 226 p.
14. Chepelenko K.O. *Sociokul'turnye osobennosti auditorii sovremennogo provincial'nogo teatra* [Sociocultural features of the audience of the modern provincial theater]: dissertation for the degree of Candidate of sociological sciences. Saratov, 2008, 166 p.
15. Bourdieu P. *The Field of cultural production: essays on art and literature* / R. Jonson. Cambridge: Polity press. 1993, 321 p.
16. Cooper W. W., Seiford L. M., Tone K. *Data Envelopment Analysis: A Comprehensive Text with Models, Applications, References and DEA-Solver Software*. 2nd ed. Springer: N. Y. 2007, pp. 12-14.
17. Sergeeva I.V. Idea – Project – Implementation: Students Art-projects in the Light of Modern Cultural Policy / *Dialogue of Arts and Art paradigms. Articles. Essays. Materials. Based on the materials of the International Scientific Forum. F X* / Editor-compiler A.I. Demchenko. Saratov: Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov, 2020, pp. 151-159.

18. Throsby D. Economics and culture. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, 208 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мальшина Наталия Анатольевна, кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
*Саратовская государственная консерватория имени Л. В.
Собинова*
пр-т Столыпина, 1, г. Саратов, 410028, Российская Федерация
malsnataliya@yandex.ru

Каменская Ирина Владимировна, кандидат социологических наук,
доцент кафедры истории музыки
*Саратовская государственная консерватория имени Л. В.
Собинова*
пр-т Столыпина, 1, г. Саратов, 410028, Российская Федерация
irinas73@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Malshina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities
Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov
1, Stolypin Ave., Saratov, 410028, Russian Federation
malsnataliya@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1632-538X>

Irina V. Kamenskaya, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Music History
Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov
1, Stolypin Ave., Saratov, 410028, Russian Federation
irinas73@mail.ru

Поступила 09.03.2023

После рецензирования 23.03.2023, 03.04.2023

Принята 13.04.2023

Received 09.03.2023

Revised 23.03.2023, 03.04.2023

Accepted 13.04.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-130-147

УДК 7.01+78

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

ВОПЛОЩЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ В КИТАЙСКОМ ФОРТЕПИАННОМ КОНЦЕРТЕ «ХУАНХЭ»

Чжао Яньчжань

После Второй мировой войны социалистический лагерь противостоял капиталистическому, и социалистический реализм стал официальной художественной школой и стилем социалистических стран, развивающихся по предложенному Советским Союзом пути. В данной статье анализируется то, как советский реалистический музыкальный стиль XIX века был унаследован и развит в XX веке, что привело к формированию музыкального стиля, который можно назвать «социалистическим реализмом». Этот стиль оказал глубокое влияние на развитие китайской фортепианной музыки XX века, в том числе на создание фортепианного концерта «Хуанхэ» шести китайских композиторов, включая Инь Чэнцзуна. Этот концерт является одним из типичных музыкальных произведений в стиле социалистического реализма, продуктом конкретного исторического периода, который использует революционный музыкальный язык, наполненный внутренней страстью и мотивацией. В статье применялся историко-структурный подход, а также метод анализа музыкальных произведений и структурный анализ музыковедческой литературы, изданной на китайском и русском языках по проблематике исследования. Цель данной статьи – раскрыть значительное влияние русского и советского музыкального стиля на развитие китайского фортепианного искусства. Автор исследования делает вывод о том, что фортепианный концерт «Хуанхэ», благодаря стилю «социалистический реализм», Музыка обладает сильной

притягательностью и революцией, вдохновляя людей на участие в национальной борьбе и стал образцом для фортепианных музыкальных произведений того времени.

Ключевые слова: СССР; Китай; социалистический реализм; фортепианный концерт; «Хуанхэ»; национальный дух

Для цитирования. Чжао Яньчжань. Воплощение социалистического реализма советской музыки в китайском фортепианном концерте «Хуанхэ» // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 2. С. 130-147. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-130-147

Original article | Theory and History of Culture and Art

THE REFLECTION OF SOCIALISM REALISM IN RUSSIAN MUSIC IN THE MUSIC IN THE CHINESE PIANO CONCERTO “THE YELLOW RIVER”

Zhao Yanran

After World War II, the socialist camp opposed capitalism, and socialist realism became the official art school and style of socialist countries in the Soviet Union. This article analyzes how the realistic music style of the 19th century Soviet Union was inherited and developed in the 20th century, thus forming a music style that can be called “socialist realism”. This style had a profound impact on the development of Chinese piano music in the 20th century, including the creation of the Yellow River Piano Concerto by six Chinese composers, including Yin Chengzong, which is one of the typical music works of socialist realism style and the product of a specific historical period. It uses a revolutionary musical language, filled with inner passion and motivation. The paper applies the historical-structural approach, as well as the method of analysis of musical works and structural analysis of musicological literature published in Chinese and Russian on the subject of research. This article aims to reveal the significant impact of Russian and Soviet music styles on the development of Chinese piano art. The author concludes that due

to the “socialist realism” style, the Yellow River piano works have a strong appeal and revolutionary nature, inspiring people to participate in national struggles and becoming a model of piano music at that time.

Keywords: Soviet Union; China; socialist realism; Piano Concerto; “Yellow River”; national spirit

For citation. Zhao Yanran. *The Reflection of Socialism Realism in Russian Music in the Music in the Chinese Piano Concerto “The Yellow River”*. *Russian Studies in Culture and Society*, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 130-147. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-130-147

В XIX веке на Россию влияли передовые европейские идеи эпохи Французской революции и культура просвещения, которые в большой степени способствовали развитию различных видов искусства в России. В этот период в русском музыкальном искусстве присутствуют черты и классицизма, и романтизма, а после Отечественной войны 1812 г. постепенно возникло реалистическое направление, глубоко повлиявшее на творческие идеи отечественных музыкантов. Стиль реализма распространился во все уголки России через творчество композиторов, проявляясь во все более демократических формах. С обострением социальных противоречий и конфликта между общественными ожиданиями и обычной жизнью реальных людей возник критический творческий стиль композиторов. В классическом дискурсе Энгельса творческий метод «реализма» имеет яркий колорит критического реализма [10, с. 801]. Например, критический реализм произведений Н.В. Гоголя 1840-х годов несомненно оказал влияние на музыкальное творчество М. И. Глинки, композиторов объединения “Могучей кучки” и на поколения их последователей [3, с. 46].

В XX веке, после установления социалистического строя в Советской России реализм постепенно утратил свою прежнюю критическую функцию в рамках социализма. Позитивное восхваление и прославление социалистической реальности стало главной задачей творческого метода реализма. Социалистический реализм стал официальным в сталинскую эпоху и в течение длительного исторического

периода оставался основополагающим методическим и эстетическим принципом советского музыкального творчества [6, с. 12].

Социалистический реализм, окончательно утвердившийся в Советском Союзе в 1932 году, был идеализированным реалистическим художественным стилем. Он стал новым, но преемственным этапом в развитии реализма XIX века и развивался до 1990-х гг. но в 1991 году стал постепенно ослабевать после распада Советского Союза. В художественном творчестве социалистическое реалистическое искусство не просто изображает темы, вызывающие социальную озабоченность, а имеет определенный колорит революционного романтизма, его визуальная форма и язык зависят от некоторых характеристик классицизма и реализма. Музыкальный стиль социалистического реализма требует, чтобы композиторы правдиво и исторически описывали революционные реалии, обладали сильной идеологией и очевидной политической функцией, сочетали свое творчество с воспитанием социалистических идей, пробуждали в массах «партийный дух», любовь к родине [5, с. 105].

Когда в 1949 году была основана КНР, социалистический реализм был принят в культурной политике в качестве основного художественного направления. В то же самое время Советский Союз поддерживал идеологическое влияние на проведение культурной политики в отношении искусства и литературы. Китайские политические деятели считали, что могут извлечь уроки из опыта Советского Союза, и, не колеблясь, начали реализовывать новую культурную политику [7, с. 91]. Китайские литературные и художественные круги начали принимать и внедрять творческие методы и эстетические принципы советского социалистического реализма.

В 1969 году Инь Чэнцзун, Чжу Ваньхуа, Лю Чжуани и ряд других китайских композиторов создали фортепианный концерт «Хуанхэ». Он должен был познакомить публику с новым художественным течением – социалистическим реализмом [7, с. 94] и стал знаменитым шедевром данного периода. Данная работа основана на «Кантате реки Хуанхэ», китайском вокальном произведении времен анти-японской войны¹. В нем используются композиционные техники и

приемы западных музыкальных жанров, но, кроме этого, оно включает в себя и традиционные китайские музыкальные элементы. Это, например, мелодия лодочного рожка², имитация техники народной инструментальной музыки. Эти средства служили достоверному и объективному воспроизведению реалий китайской “культурной революции”.

Хуанхэ – это один из символов стойкости и силы китайской нации, “река-матушка”, вскормившая многие поколения китайцев. В 1939 году в масштабном вокальном произведении «Хор Хуанхэ» китайского композитора Сянь Синхя образ и тема Хуанхэ проходит через все произведение [8, с. 226]. Эта музыкальная эпопея, отразившая национально-освободительную борьбу китайцев против Японии, наряду с реалиями войны отражает великий дух трудолюбия, отваги, упорства и героического сопротивления китайского народа. Фортепианное произведение «Хуанхэ» продолжает и развивает национальный дух кантаты, перерабатывая восемь отрывков оригинала в четыре части фортепианного концерта. В этом произведении используется традиционная музыкальная структура «зачин, изложение, поворотный момент, окончание», река Хуанхэ здесь является символом наиболее полного выражения национального духа.

Первая часть - «Песня лодочников на Жёлтой реке», представляет собой аранжировку мелодии второй части одноименной кантаты. Данная часть написана в форме рондо. Раздел А – экспозиция (такты 1-15), в которой представлено развитие основных тем – главной и побочной партий. Ритмический рисунок из восьмых нот и нот с точкой наряду с динамикой звучания воспроизводят отрывистые команды лодочников и шум реки Хуанхэ. В эпизоде А1 (такты 25-38) композитор воспроизводит главные партии со сменой динамики, а в эпизоде А2 (такты 75-82) происходит смена тональности D (ре-мажор) на тональность E (ми-мажор), при этом главная партия изменяется за счет сужения ритмической структуры. В эпизоде А3 (такты 93-113) применение хроматических гамм резко повышает эмоциональный настрой мелодии, делая музыкальный образ более выпуклым и четко очерченным. В разделе В – разработка (такты

17-24), автор использует многократное повторение музыкального материала, представленного в экспозиции. Следующие за этим эпизоды В и С (такты 39-74) представляют собой контрастное сопоставление раздела А. Непрерывный ряд аккордов в каденции усиливает динамику звучания. В ней изображается сцена коллективного труда, в которой лодочники храбро борются с бурным ветром и волнами, демонстрируя боевой дух китайской нации.

Вступление начинается с непрерывной партии литавр, предвосхищающей звучание сигнального рожка, возвещающего о начале борьбы между лодочником и бурной рекой Хуанхэ. Затем на сцену выступает фортепианное соло, представляющее собой стремительное арпеджио из тридцать вторых нот в диапазоне пяти октав (Пример 1), которое показывает быстрое течение реки Хуанхэ и символизирует храбрость и бесстрашие китайского народа. Сразу же вслед за этим идет интервал большой секунды в диапазоне кварты с мощным и четким ритмом. Диалог фортепиано и оркестра создает картину суровой природы: грозное, покрытое тучами небо, холодный ветер, бьющий в лицо, бушующие волны, все это, однако, не мешает воодушевленным несгибаемой волей лодочникам идти вперед, а, напротив, укрепляет их достойную уважения убежденность.

Пример 1:

The image shows a musical score for a piano solo. It consists of two systems of staves. The first system has a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The second system has a bass clef and the same key signature. The music is characterized by a rapid, continuous arpeggio of thirty-second notes. There are dynamic markings such as 'rit.' (ritardando) and 'V' (fortissimo) visible. The score is presented in a standard musical notation format with a treble and bass clef, a key signature of one sharp, and various dynamic and articulation markings.

В партии фортепиано начинается короткая и живая тема лодочников с твердым и мощным тембром (Пример 2). Этот доми-

нантный мотив, полный китайского национального характера, проходит через всю первую часть. Струнная музыка используется в качестве фона для движения от ближнего к дальнему, а затем обратно к ближнему, образуя хроматическую каденцию⁶, как проносящийся мимо порыв ветра, создавая таким образом сцену, в которой лодочники не должны отступать, а должны вместе бороться с бурными волнами.

Пример 2:

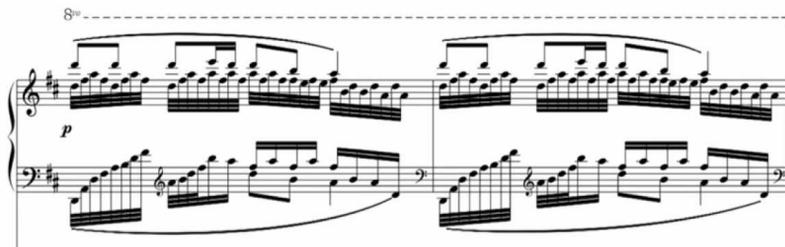
The image shows a musical score for Example 2, consisting of two systems of staves. The top system has a treble clef and a bass clef, with a key signature of one sharp (F#) and a 3/4 time signature. The bottom system also has a treble clef and a bass clef, with a key signature of one sharp (F#) and a 3/4 time signature. The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings like *mf*.

Напряженная музыкальная атмосфера, продолжающаяся до 84-го такта (Пример 3), затем успокаивается и слабеет. Расширение темпа, четкие и длинные мелодические линии образуют эмоциональный резкий контраст, демонстрируя динамичную картину появления солнечных лучей на волнах Хуанхэ, отражающихся в ослепительных каплях воды после страшной бури, символизирующих тихие и мирные годы, обретенные лодочниками после победоносной борьбы с невзгодами и упорной борьбы, а также бесконечное стремление китайского народа к светлому будущему Родины.

Главная тема второй части - «Ода Жёлтой реке» является переложением третьей части одноименной кантаты. Данная часть представляет собой сложную двухчастную форму в национальном ладе В (си-бемоль мажор). В разделе А (такты 16-49) используется

симметричное движение двух главных партий с усложнением ритмического рисунка за счет использования слабых долей (синкоп) и затакта (анакрузы).

Пример 3:

В качестве темы для раздела В композитор выбрал мелодию одноименной кантаты, аккордовая фактура которой обогащена непрерывными изменениями музыкальной структуре, достигая бескрайней широты звучания. В ней композитор восхваляет Хуанхэ, место зарождения 5000-летней китайской цивилизации, выражает глубокую любовь к Родине и родному городу, воспеваает героическую историю древней страны.

Во вступительном разделе группа виолончелей исполняет торжественную и величавую главную тему, медленно разворачивая перед слушателями свиток с изображением великолепного прошлого китайской нации. (Пример 4) Партия фортепиано в 16-м такте начинается с арпеджио, за которым следует повторное изложение темы вступления. Непрерывный ряд триольных октав и аккордов в партии фортепиано поднимают ввысь эмоциональное настроение мелодии. Величественная и серьезная, героическая и неразрывная, она описывает бесконечную историю реки Хуанхэ, ее изгибы и повороты, а также щедрый и великодушный характер китайского народа.

Начиная с 50-го такта партия фортепиано и оркестра вступают в активный диалог. По мере ускорения темпа динамика партии фортепиано нарастает, подводя мелодию к кульминации, демонстрирующей великий дух единства, оптимизма и целеустремленности китайского народа перед лицом испытаний

Пример 4:

(Пример 5) Начиная с 60-го такта, музыка сохраняет кульминационную атмосферу предыдущего раздела, но эмоции становятся полнее и содержательнее. Фортепиано звучными и мощными аккордами порождает величественный импульс, который поддерживается аккомпанементом группы духовых инструментов, исполняющих «Марш добровольцев³», символизирующий невероятную силу духа.

Пример 5:

В заключительном фрагменте звучание оркестра постепенно стихает, завершаясь протяжным звуком, как бесконечный поток Желтой реки, наконец, впадающий в море, символизирующий бессмертие жизни великого духа китайской нации в бескрайней реке времени.

Третья часть концерта – «Жёлтая река в гневе», является переработкой основных тем пятой части кантаты, «Баллада о жёлтой воде» и седьмой части «Жалоба Хуанхэ» в качестве вставки. Данная часть состоит из шести разделов, среди которых раздел А (такты 4-56) представляет собой ассиметричную структуру двух эпизодов,

а раздел В (такты 57-83) – симметричную, Данный контраст создает ощущение борьбы и противостояния. Музыкальный характер раздела С полностью отличается от предыдущих разделов: в нем композитор работает с т.н. фразами -«перекличками». Ладовая структура вновь стабилизируется за счет слияния нескольких исходных мотивов. В разделе D (такты 108-136) структура мотива представлена более подробно. Многократная смена лада, усиливающая драматическое напряжение, а также расширение и сужение ритмической структуры последовательно раскрывают музыкальный образ данной части. Эта часть составляет яркий контраст с прекрасной атмосферой предыдущей части. Композитор представляет и расширяет сущностное содержание оригинального произведения, раскрывая сильные стороны фортепиано в симфоническом оркестре. Изменчивость настроения музыки выражает глубокую непримиримую ненависть к японским захватчикам [9, с. 67].

Пример 6:

The image shows a musical score for Example 6, consisting of two systems of staves. The top system includes a piano part (left and right staves) and a flute part (right staff). The piano part begins with a *rit.* marking and a tempo of $\text{♩} = 80$. The flute part enters with a melodic line. The bottom system continues the piano and flute parts. The piano part features a series of arpeggiated chords, and the flute part continues its melodic development. Dynamic markings include *mf* and *f*.

Третья часть начинается со звуков бамбуковой флейты, исполняющей мелодию в шэньбэйском стиле (стиль народных песен северных районов провинции Шэньси). За флейтой вступает фортепиано с впечатляющей имитацией одного из приемов звукоизвлечения из традиционного инструмента – гучжэнь с помощью серии стремительных арпеджированных аккордов (Пример 6).

Начиная с третьего такта, в партии фортепиано возникает главная тема – полная веселья и радости. В ней композитор свободно и трогательно выражает свои чувства, рисуя картину прекрасной жизни сыновей и дочерей Китая, усердно трудящихся на родной земле.

Пример 7:

(Пример 7). После исполнения оркестром широкой, свободно льющейся напевной мелодии, в партии фортепиано возникают семь последовательных динамических акцентов перед главной темой – «Жалоба Хуанхэ». Когда весь оркестр на фоне сильных и широких аккордов фортепиано играет эту тему, общая атмосфера внезапно становится более напряженной. Имитация на фортепиано одного из приемов игры на традиционных струнных инструментах еще более усиливает трагический характер музыки, в которой, с одной стороны, слышится резкое осуждение бесчеловечных злодеяний, совершенных японскими захватчиками, а с другой, отчаянная борьба угнетенного китайского народа, погруженного в пучину бедствий и его непоколебимая вера в победу.

(Пример 8). В заключительной части стремительный бег тридцать вторых нот формирует аккомпанемент в партии фортепиано, символизируя яростную мощь бурных вод Хуанхэ. На этом фоне оркестр вновь исполняет звонкую и веселую главную тему - «Баллада о желтой воде», страстная мелодия которой приводит произведение к кульминации, свидетельствуя о том, что китайский народ не боится опасностей и препятствий, а горе и негодование, переполняющее душу, только усиливают великий дух упорной борьбы.

Пример 8:

The image shows a musical score for Example 8, consisting of three systems of music. The top system is for piano (p), marked with a tempo of quarter note = 76 and a dynamic of fortissimo (ff). It features a complex, rhythmic melody in the right hand with many sixteenth notes, and a more rhythmic accompaniment in the left hand. The middle system is for harpsichord (8va), marked with a dynamic of forte (f). It features a melody in the right hand with some grace notes and a simple accompaniment in the left hand. The bottom system continues the harpsichord part with similar melodic and accompaniment patterns.

Четвертая часть - «Защита Жёлтой реки» является кульминацией всего фортепианного концерта. В качестве основного музыкального материала для вариаций автор использовал мелодии из восьмой и девятой части одноименной кантаты, в том числе «Яростный рев волн Хуанхэ», в которой демонстрируется решимость сыновей и дочерей Китая храбро защищать Хуанхэ и свою Родину, а также великая решимость сражаться до конца с иноземными захватчиками [4, с. 5]. В Вариации А1 (такты 131-178) разворачивается сцена напряженной борьбы. Ускорение темпа, усиление громкости звучания, а также использование модуляций позволяет композитору достичь необходимого звукового эффекта. Вариация А2 (такты 179-214) состоит из двух фраз. Мелодическое развитие завершается тремя модуляциями. Вариации А4 и А5 представляют собой варьирование главной темы в виде симметричной структуры из двух фраз. Последовательные октавы в разделе В – интерлюдия (такты 301-326), усиливают величественный настрой музыки.

Четвертая часть начинается с мощного боевого призыва ударных и духовых инструментов, исполняющих вариацию на темы «Интернационал гимна» и китайской революционной песни «Восток красный» (Пример 9). Октавные удвоения с постепенным ускорением темпа в сочетании с быстрым движением хроматических гамм с

заключительной каденцией в партии фортепиано значительно обогащают звучание, создавая величественный музыкальный образ и страстный призыв, закладывая, таким образом, основу для последующего развития музыкальных эмоций.

Пример 9:

The image displays two systems of musical notation for piano accompaniment. The first system consists of a treble clef staff with a melodic line and a bass clef staff with a rhythmic accompaniment. The second system continues the piece with a similar structure, including dynamic markings like 'cresc.' and '8va'.

В следующем за этим мощном, наполненном эмоциями унисоне фортепиано и оркестра возникает главная тема одноименной кантаты, повествующая о славных кровавых битвах, покрывших себя неуязвимой славой героев. Главная тема сменяется динамизированными вариациями, построенными в виде канона, образуемого переключкой оркестра и фортепиано. Изменение тональности, музыкальной текстуры, динамики, насыщенности звучания и темпа рождает постоянно нарастающее мощное мелодическое движение, создавая великолепную картину, демонстрирующую упорную решимость китайского народа защищать Хуанхэ и Родину (Пример 10). В кульминации (с 309 такта) вновь звучит главная тема - «Восток красный» в исполнении фортепиано, а также деревянных и струнных инструментов. Пылкая и одухотворенная мелодия, пробуждающая в людях душевный подъем, символизирует великую победу китайской нации в антияпонской войне и прославляет великого вождя - Председателя Мао.

Пример 10:

The image shows a musical score for Example 10, consisting of two systems. The top system is for piano, with a treble and bass clef. The right hand plays a melodic line with eighth notes and quarter notes, while the left hand plays a rhythmic accompaniment of chords. The bottom system is for voice, with a treble clef and a bass line. The voice part has lyrics written below the notes, and the bass line provides a simple harmonic accompaniment. The score is in a key with one sharp (F#) and a 2/4 time signature. A dynamic marking of '8mo' is visible at the top of the piano part.

Фортепианный концерт «Хуанхэ» – это не только пример адаптации традиционной китайской музыки к новому стилю социалистического реализма, но и определенный прорыв в традиционном способе музыкального выражения - от вокальной кантаты до фортепианного концерта. Новаторство композитора в музыкальном искусстве, выраженное в смене жанра, является данью времени. Однако душа «Желтой реки» - вечна. И этот великий национальный дух Китая неизменно передавался из поколения в поколение на протяжении тысячелетий, облекаясь в разные формы.

Заключение

Реализм возник в середине XIX века как противопоставление романтизму с его экзальтированной идеализацией внутренних переживаний личности, и он получил широкое распространение в русской национальной музыке. К 30-м годам XX века реализм превратился в социалистический реализм. Социалистическая реалистическая теория, являющаяся основным методом создания и критики советской литературы и искусства, сыграла важную руководящую роль в литературной и художественной деятельности СССР и социалистических стран, музыканты реалистично и исторически конкретизировали действительность из реального революционного развития. Музыка

по-своему вписывалась в общие процессы движения советской художественной культуры 30-х годов со всеми его завоеваниями, равно как издержками и противоречиями. Каждое музыкальное произведение отличается яркостью выразительных средств, точным отбором их в процессе новаторского развития традиций русской и мировой классики, опирается на сокровища народного музыкального творчества. Каждое – обогащает духовную культуру слушателей и зрителей, пробуждает в них художников и развивает их. Глубина идейного замысла, впечатляющая сила его воплощения активно способствуют объединению чувств, мыслей и воли широчайших масс слушателей в стремлении к светлым идеалам гуманизма, мира, добра, социального прогресса⁵. Этот творческий стиль получил глубокое воплощение в китайской фортепианном концерте «Хуанхэ». Его творческие особенности социалистического реализма, в основном, проявляются в революционности, национальном колорите и народности в особых политических условиях, а также в использовании музыкального языка, подходящего для всех социальных классов, чтобы пробудить людей и вдохновить их на боевой дух, тем самым демонстрируя национальный дух неустанного самоукрепления и энергичной борьбы китайской нации. Таким образом, фортепианный концерт «Хуанхэ» занимает очень важное место в истории китайской музыки XX века: во многом это стало возможным благодаря культурному влиянию на китайское фортепианное искусство советской музыки XX века.

Примечание

¹ Концерт «Хуанхэ» – жемчужина китайской музыки [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/X2TY8sgzhGodNPaD> (дата обращения: 19.03.2023).

² Мелодия лодочного рожка – это разновидность народной песни, которая возникла из труда и имеет эффект объединения темпа.

³ «Марш добровольцев» – государственный гимн Китайской Народной Республики, написанный в 1935 году известным поэтом и драматургом Тянь Ханем (田汉), музыку к гимну написал Не Эр (聂耳).

⁴ «Интернационал гимна» – международный пролетарский гимн; гимн коммунистических партий, социалистов и анархистов, официаль-

ный гимн РСФСР (1918–1944), СССР (1922–1944), Дальневосточной республики (1920–1922), Украинской ССР (1918–1949), Белорусской ССР (1919–1952), Китайской Советской Республики (1931–1937), а также Закавказской СФСР.

⁵ Социалистический реализм в музыке [Электронный ресурс]. URL: https://yunc.org/Социалистический_реализм_в_музыке (дата обращения: 19.03.2023).

⁶ Струнная музыка используется в качестве фона для движения от ближнего к дальнему, а затем обратно к ближнему, образуя хроматическую каденцию, восходящее или нисходящее мелодическое движение по полутонам, построенное, как правило, на основе мажорной или минорной гаммы.

Список литературы

1. Ван Цзясинь, Загидуллина З.З. Симфонические и принципы развития в китайских фортепианных концертах 1980-х - начала 2000-х годов // *Philharmonica. International Music Journal*. 2023. № 1. С. 37–48.
2. Ван Цзясинь, Загидуллина З.З. Концерт для фортепиано с оркестром «Хуанхэ» Сянь Синхая – Инь Чэнцзуна. Особенности структуры и использования тембровых возможностей фортепиано» // *Актуальные проблемы музыкально-исполнительского искусства: история и современность*. Казань, 2019. С. 319–323.
3. Кань Шиинью. Анализ русского музыкального искусства XIX века // *Народная литература: теоретические исследования*. 2012. № 4. С.46-47.
4. Ли Биньхан. Музыкальная коннотация и анализ навыков исполнения фортепианного концерта «Хуанхэ»: Дис...маг. искусствоведения. Тяньцзинь, 2020. 17 с.
5. Ревякина А.А. «Социалистический реализм»: к истории термина и понятия // *Россия и современный мир*. 2002. № 4. С. 102 -115.
6. Фэн Чанчунь. Социалистический реализм - эстетические принципы музыкального творчества в раннем Новом Китае // *Музыкальные исследования*. 2012. № 6. С. 12-32.
7. Чжао Сяолин. Влияние социалистического реализма на китайскую симфоническую музыку // *Культура и цивилизация*. 2022. Том 12. No 4A. С. 89–96.

8. Чжан Чао. Фортепианный концерт «Жёлтая река» (первая и вторая части): музыкальный анализ и методические рекомендации // Современное педагогическое образование. 2018. № 6. С. 226–230.
9. Чэн Пэн. Великая работа реализма - Концерт для фортепиано «Хуанхэ» // Народная литература и искусство. 2010. С. 67.
10. Ян Бинбань. Маркс и Энгельс о литературе, искусстве и эстетике. Издательство культуры и искусства, 1982. 441 с.

References

1. Van Czjasin', Zagidullina Z.Z. *Simfonicheskie i principy razvitija v kitajskih fotepiannyh koncertah 1980-h - nachala 2000-h godov* [Symphony and Development Principles of China's Piano Concerto from the 1980s to the early 21st Century]. *Philharmonica. International Music Journal*, no. 1, 2023, pp. 37–48.
2. Van Czjasin', Zagidullina Z.Z. *Koncert dlja fortepiano s orkestrom «Huanhje» Sjan' Sinhaja – In' Chjenczuna. Osobennosti struktury i ispol'zovanija tembroyh vozmozhnostej fortepiano* [The structure and usage characteristics of piano timbre function]. *Aktual'nye problemy muzykal'no-ispolnitel'skogo iskusstva: istorija i sovremennost'*. Kazan, 2019, pp. 319–323.
3. Kan Shiyu. Analysis of Russian Music Art in the 19th Century. *Popular Literature and Art: Theoretical Research. Music*, 2012, no. 4, pp. 46–47.
4. Li Binghang. Analysis on the Music Connotation and Performing Skills of Piano Concerto The Yellow River. Master's thesis in Art-2020, 17 p.
5. Revyakina A.A., *Sotsialisticheskii realizm»: k istorii termina i ponyatiya* [Socialist Realism: On the History of Terminology and Concepts]. *Rossija i sovremennij mir*, 2002, no. 4, pp. 102–115.
6. Feng Changchun. Socialist Realism - Aesthetic Principles of Music Creation in the Early Years of New China. *Music Research*, 2012, no. 6, pp. 12–32.
7. Chzhao Syaolin, *Vliyanie sotsialisticheskogo realizma na kitaiskuyu simfonicheskuyu muzyku* [The Influence of Socialist Realism on Chinese Symphony]. *Kul'tura i civilizacija*, 2022, no. 4A, pp. 89–96.
8. Chzhan Chao, *Fortepiannyi kontsert «Zheltaya reka» (pervaya i vtoraya chasti): muzykal'nyi analiz i metodicheskie rekomendatsii* [Yellow

- River Piano Concerto (Part I and Part II): Music Analysis and Method Suggestions]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 2018, no. 6, pp. 226-230.
9. Cheng Peng. A masterpiece of realism - The Yellow River Piano Concerto. *Popular Literature and Art*, 2010, 67 p.
10. Yang Bingbian. Marx and Engels' Essays on Art and Aesthetics Culture and Art Publishing House, 1982, 441 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чжао Яньчжань, аспирант кафедры культурологии, Институт социально-гуманитарного образования
Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, г. Москва, 119991, Российская Федерация
920489871@qq.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zhao Yanran, Ph.D. Student of the Department of Culturology, *Institute of Social and Humanitarian Education*
Moscow Pedagogical State University
1, building 1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation
920489871@qq.com

Поступила 05.06.2023

После рецензирования 19.06.2023

Принята 25.06.2023

Received 05.06.2023

Revised 19.06.2023

Accepted 25.06.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-148-171

УДК 008

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.В. Михайлова

Цель. *Статья посвящена анализу материальной культуры как пространству существования человека. Предметом анализа выступает система взаимосвязей человека с пространством материальной культуры. Автор ставит целью через анализ структуры материальной культуры и её место в системе культуры в целом раскрыть сущность человека как биосоциального существа.*

Метод и методология проведения работы. *Основу исследования образуют принцип системного анализа, культурологический и культурантропологический подходы, а также методы типологизации и анализа письменных источников.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что автор рассматривает материальную культуру как состоящую из ряда групп элементов, как внешних по отношению к человеку (вещи, техника, технологии), так и самого человека через его телесность и технологии тела (физическая культура). Анализируется положение данных элементов в системе координат «универсальное – региональное (общее) – специфичное».*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сферах социализации и инкультурации человека, анализа кросс-культурных взаимодействий.*

Ключевые слова: *материальная культура; вещи; техника; физическая культура; телесность; потребности; адаптация*

Для цитирования. *Михайлова Н.В. Человек в пространстве материальной культуры // Russian Studies in Culture and Society. 2023. Т. 7, № 2. С. 148-171. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-148-171*

Original article | Theory and History of Culture and Art

A HUMAN IN SPACE OF MATERIAL CULTURE

N.V. Mihailova

Purpose. *The article is devoted to analysis of material culture as space of human existence. The subject of the analysis is a system of human relations with space of material culture. The author aims to reveal essence of a man as a biosocial being through analysis of a structure of material culture and its place in a cultural system as a whole.*

Methodology. *The research is based on a principle of system analysis, culturological and cultural anthropological approaches, as well as on typologization and analysis of written sources methods.*

Results. *The results of the work are that the author considers material culture as consisting of a number of groups of elements, both external to a human (things, technics, technologies), and a human oneself through one's physicality and body technologies (physical culture). A position of these elements in a coordinate system "universal – regional (general) – specific" is analysed.*

Practical implications. *Results of the study can be applied in fields of human socialization and enculturation, analysis of cross-cultural interactions.*

Keywords: *material culture; artefacts; technics; physical culture; physicality; needs; adaptation*

For citation. *Mihailova N.V. A Human in Space of Material Culture. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 148-171. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-148-171*

Введение

К материальным элементам культуры в культурологии относят совокупность физических объектов, созданных человеком, несущих некое символическое значение, выполняющих определённую функцию и представляющих ценность для группы или общества (так называ-

емые артефакты). К сфере материальной культуры в определённом смысле можно отнести и связанные с производством артефактов процессы и технологии. Но под материальной культурой понимается не просто создание мира предметов, но деятельность по формированию «условий человеческого существования». [10] Человек не исчерпывается материальным, но материальное в культуре делает собственно человеческое существование возможным. Пространство материальной культуры является сферой реализации самых разнообразных человеческих потребностей, направленных на адаптацию к условиям жизни, биологическим и социальным: от потребностей укрывать, защищать своё тело от негативного воздействия окружающей среды до потребности украшать своё тело для демонстрации своего социального статуса и многое другое. Это принципиально отличает человека от других живых существ: не только наличие активной духовной жизни в формах науки, искусства, морали и т.д., но и потребность, и способность дополнять и расширять себя различными предметами, выстраивать вокруг себя целую новую вселенную, вторую природу. Непрерывность, незавершённость и принципиальная незавершаемость познания данной вселенной (так же, как и «первой природы») в сочетании с социальной необходимостью такового определяет актуальность её исследований и размышлений о ней.

Особенно интересными, в частности, представляются вопросы о том, из чего складывается пространство материальной культуры, отражая и реализуя потребности человека; как в пространстве материальной культуры собственно материальное взаимодействует с идеальным, отражая и формируя биосоциальную сущность человека; как в пространстве материальной культуры взаимодействуют случайное и необходимое, универсальные, региональные / общие и специфические элементы, и как они меняют свой статус.

Материалы и методы

Для поиска ответов на эти и другие вопросы мы обратимся, прежде всего, к теории и истории культуры (включая историю идей), к системному подходу, лежащему в основе культурологического

знания, к культурантропологическому подходу, дающему возможность смотреть на человека как на порождённого миром культуры и одновременно порождающего его в ходе своей адаптивно-адаптирующей деятельности.

Результаты и обсуждение

С точки зрения науки о культуре, сущность вещей, которые создаёт человек, не только и не столько в некой предметной форме, сколько в их предназначении. Вещи выражают и задают отношение человека к окружающему миру, другим людям, себе самому, высшим силам. Хороший совет о том, как познавать предметы и рассуждать о них, дал писатель, учёный, мыслитель Клайв Стейплз Льюис (Clive Staples Lewis): «Берясь судить о любом изделии от штопора до собора, первым делом нужно знать, что это такое – для чего оно предназначалось и как его думали использовать... Сначала надо понять, что перед вами; пока вы думаете, что (...) собор [предназначен для того] чтобы развлекать туристов, вы не знаете [его] назначения» [6, с. 460].

Каждая вещь воплощает определённое отношение человека к чему-то, а появление новых вещей – изменение этого отношения. Например, появление автомобиля связано с изменением отношения к расстоянию. На протяжении XIX столетия западный человек стремился быть всё более мобильным и активно осваивать пространство (что так же воплотилось, скажем, в институционализации туристической деятельности), в отличие от человека традиционного, который относился к чужим местам и пространству настороженно и не стремился к географической мобильности. Расстояние было тем, что разделяло, отделяло привычное и безопасное от непознанного и угрожающего. Зачем же его пересекать без особой необходимости, если ты не воин или торговец? Для человека современного, человека эпохи модерн расстояние – это то, что можно и нужно покорить, демонстрируя этим свой потенциал и получая от этого новые возможности. С другой стороны, с появлением автомобилей начала меняться, в частности, архитектура пространств. Если раньше закладывалась,

в основном, статическая картина, чтобы красивыми видами человек мог любоваться, не сходя с места, то теперь архитекторы учитывают и закладывают динамическую картину – красота воспринимается из окна автомобиля, и потому она, в первую очередь, не в деталях, не в отдельных зданиях, а в их сочетании, в скользящем пейзаже. [4]

С одной стороны, мы можем исходить из того, что появление новых вещей даёт человеку новые возможности, в результате этого и происходит изменение отношений с окружающим миром. Например, появление автомобиля дало возможность человеку быть более мобильным и послужило изменению его отношения к расстояниям и пространствам. Однако, с другой стороны, можно отметить, что каждая вещь, что называется, возникает в своё время. Не случайно открытия часто совершаются разными людьми практически одновременно (например, изобретение радио). Или, напротив, существует множество примеров того, как изобретения, патенты оставались невостребованными на протяжении десятилетий (например, инженерные творения Леонардо да Винчи). Видимо, чаще всего первой складывается потребность в новых отношениях с окружающим миром, а вещь удовлетворяет эту потребность, фиксирует её в некой предметной форме. Если же потребность, которую вещь могла бы удовлетворить, отсутствует или свойственна лишь очень ограниченному кругу людей (как, например, погружение в морские глубины в эпоху Возрождения), вещь, даже будучи изобретённой, не получит распространения на том историческом этапе (скажем, водолазный костюм или подводная лодка).

Показательно, что одна и та же социокультурная тенденция выражается в целом ряде культурных явлений, и возникновение вещи или вещей с тем или иным функционалом – только одно из этих явлений. Например, в современном мире обнаруживается социокультурная тенденция трансформации способов общения. Она, с одной стороны, скажем, воплощается в пристальном внимании философии и различных наук к проблемам коммуникации, с другой – в трансформации нормативной сферы, регулирующей общение, с третьей – связывается с появлением таких артефактов, как телефон

(сначала стационарный, затем мобильный), таких технологий, как интернет-связь (сначала электронная почта, затем мессенджеры, общение с помощью веб-камер, блогосфера и т.д.). Суть этой тенденции трансформации общения – с одной стороны, в увеличении степени его доступности (на это работают и появившаяся в XX столетии наука межкультурная коммуникация, и ослабление нормативного регулирования общения, и широкое распространение средств связи, и многое другое). С другой стороны, - суть в том, что называется дискретностью, прерывистостью, отсутствием цельности и подлинности общения. Здесь можно провести аналогию с массовой культурой, для которой характерна доступность, но, зачастую, отсутствие глубины и подлинности. То есть характер современной коммуникации и массовой культуры выражают, по сути, одну культурную тенденцию. В результате складывается парадокс, о котором много говорят, – нарастание доступности общения сопровождается нарастанием ощущения одиночества.

Данный пример, помимо прочего, показывает, что вещь, выражая какую-либо культурную тенденцию, зачастую позволяет эту тенденцию обнаружить. Например, многообразие технических средств коммуникации символически намекает нам на то, что есть потребность к экстенсивному развитию общения, к его расширению, глобальности охвата (не к углублению). Эта тенденция вписывается в общий характер развития современной культуры – она вся стремится, в первую очередь,вширь, а не вглубь, к развитию количественному, а не качественному. Таким образом, благодаря своей связи с потребностями (не только физическими), с отношениями, совокупность вещей, окружающих человека, задаёт не только материальное, но и символическое пространство его бытия. Не случайно символ всегда имеет материальное воплощение.

Символом современности стала техника. Техника – одно из наиболее противоречивых явлений XX – XXI вв., это отражается в том, сколь многообразны подходы к её осмыслению. Попытки понять, проанализировать сущность техники стали особенно активными с последней трети XIX в. Это не случайно, поскольку именно к кон-

цу XIX столетия западная индустриальная цивилизация приходит к своему расцвету.

Так, в последней трети XIX в. в Германии оформляется особая область философского знания - философия техники. Одним из основных векторов её развития стал поиск антропологических оснований возникновения и существования техники. Была сформулирована идея, что в основе техники лежит принцип «органопроекции», то есть человек во всех своих созданиях бессознательно воспроизводит свои органы и сам познаёт себя, исходя из этих искусственных созданий [12]. Получается, в каком-то смысле, техника создаётся по образу и подобию человека.

На рубеже XIX-XX столетий формируется общая теория техники. Она тесно связана с формированием и развитием таких понятий, как праксиология и технология. Праксиология – это учение о человеческой деятельности, о реализации человеческих ценностей в реальной жизни. Различные действия и их совокупность здесь рассматриваются с точки зрения их эффективности. Технология, соответственно, - это совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата, как бы искусство достигать желаемого. Техника же, получается, может являться одним из этих инструментов.

В начале XX столетия трактовка техники расширяется. Против чисто «инструментального» понимания техники, например, выступает немецкий философ и учёный Фридрих Дессауэр (Friedrich Dessauer). Дессауэр – пример тех учёных и инженеров, представителей технической интеллигенции, которые пытались примирить науку и религию. Он уделяет основное внимание гносеологическим проблемам техники. То есть технику можно и нужно рассматривать, как считает Дессауэр, с акцентом на техническое изобретательство как способ познания мира. Философское понимание техники здесь связывается с философским пониманием мира. Постигание сущности техники осуществляется через постижение процесса изобретения. [3] А через процесс изобретения человек осуществляет взаимодействие с Богом, человек техническими изобретениями служит Богу, помогает

Ему дальше строить Его мир. На примере взглядов Дессауэра мы видим, как философы и учёные пытаются осмыслить техническое изобретательство как подлинно творческую деятельность, связать её с познанием сущности мира, бытия, усилить таким образом её позитивное значение.

Наряду с акцентом на позитивную сущность техники развивались и пессимистические подходы. Пессимистические и алармистские взгляды на технику и современную цивилизацию, важной чертой которой является техника, становятся популярными в первой трети XX века. Техника здесь, как правило, вписывается в целый комплекс других опасных явлений (например, формирование массовой культуры). Эти взгляды находят своё отражение в первую очередь в философии и художественной литературе, в меньшей степени в науке. В качестве примера можно привести теорию цивилизации немецкого философа Освальда Шпенглера (Oswald Spengler). Для Шпенглера цивилизация – это последняя стадия развития культуры, и одной из черт этой стадии является то, что человек превращается в раба машины. [15]

В России тоже в это время наблюдалась разница в подходах к осмыслению проблемы техники. В целом можно видеть схожие с западными пути развития мысли. Первый представлен, в частности, инженером-механиком, философом техники Петром Климентьевичем Энгельмейером, занимавшимся популяризацией технической мысли. Энгельмейер разрабатывает теорию «техницизма» - взгляд на человека как на существо техническое, то есть которое не только хочет, но и может достигать цели, осуществлять свои идеалы, воздействуя на окружающее. В самом общем плане техницизм для Энгельмейера – это строительство жизни. К технике же он относит всё, что имеет определённый план работы, ход, способ выполнения задачи. [17] Но здесь не идёт речь о чистом рационализме - Энгельмейер разрабатывает общую концепцию творчества, «эврилогию», рассматривает инженерную деятельность как искусство. [16] Инженер высокого класса, по Энгельмейеру, это и производительник, и предприниматель, и своего рода учёный, экономист, психолог,

художник и т.д. В своей деятельности настоящий инженер как бы гармонизирует духовное и материальное.

Второй, скептико-пессимистический, подход к осмыслению техники в отечественной мысли был представлен, в частности, религиозным философом Николаем Александровичем Бердяевым. Бердяев уделял большое внимание развитию философской теории свободы и полагал, что машина не только освобождает, но и по-новому поработает человека. В появлении машины он видел конец традиционного гуманизма и его ценностей, при том, что для Бердяева так же, как для Энгельмейера, одной из высших ценностей, гуманистических ценностей, являлось творчество. В своём произведении «Смысл творчества» он отмечает, что «творческая свобода» в человеке является «знаком образа Творца» [1]. Но машина для него – это не результат инженерного искусства, высокой творческой деятельности мастера, это то, что лишает права на творческую свободу других, неся единообразие и механистичность.

Мы видим, что одна и та же призма – ценность творческой деятельности человека, которая признаётся всеми мыслителями, поразительным образом даёт разные картинки, когда мы через неё смотрим на технику. И эта двойственность отражает противоречивую сущность самого явления, самой техники, и шире - двойственную сущность самого вещного мира, материальной культуры: он может освобождать, развивать, а может ограничивать и поработать.

Перенесём наше внимание на вторую половину XX столетия. В 70-80-е гг. в центре анализа и обсуждения техники оказываются этические проблемы: становится очевидно, что бурное развитие техники порождает различные этические вызовы. Например, эта проблематика находит отражение в работах американского философа, социолога, историка Льюиса Мамфорда (Lewis Mumford) [7]. Он изучал и периодизировал историю техники, уделяя значительное внимание взаимодействию техники и человека. Мамфорд является представителем так называемого негативного технологического детерминизма. По его мнению, главной причиной всех социальных зол является всё возрастающий разрыв между уровнем технологии

и нравственностью. Научно-технический прогресс, который был реализован в эпоху Нового времени, он называет «интеллектуальным империализмом». Как у любого империализма, у него есть жертвы. Такими «жертвами» научно-технического прогресса стали гуманизм и социальная справедливость. Мамфорд называл учёных сословием новых жрецов. [2]

Идея о социальной справедливости как жертве научно-технического прогресса сегодня очень актуальна. Мы видим, сколь неравномерно распределяются плоды научно-технического прогресса, на сколь многое в жизни человека влияет доступ к ним или его отсутствие, например, к электронным средствам коммуникации. Так, проявлением социальной несправедливости является ситуация, когда нормой начинает считаться то, что могут себе позволить далеко не все. Техника становится своеобразным капиталом, и им определяется ценность человека и его право на доступ к основным благам.

В 80-90-е гг. XX века, то есть сравнительно недавно, в центр внимания попали экологические последствия научно-технического прогресса, влияние техники и технических комплексов на природу. Данный ракурс основан на том, что сфера техники формируется не просто как некий мостик между человеком и природой, как технология эффективного существования и развития человека в естественной среде, а как то, что со временем естественную среду начинает уничтожать. Человек не смог остановиться, и его деятельность, культурная деятельность в широком смысле этого слова, становится не оптимизирующей, а агрессивной.

Таким образом к концу XX столетия оформился опыт комплексного культурологического анализа техники. Можно сказать, что это направление является приоритетным сегодня – взгляд на технику как на сложное, многомерное явление культуры. Основные темы, которые считается важным разработать, проблемы, которые считается важным понять, следующие: - как связаны техника и существующие ценности, и как они должны быть связаны; как мы должны оценивать те или иные технические изобретения, какими должны быть критерии оценки, на какие идеалы будущего при этом ориентироваться, как

оценивать технику через призму человеческого измерения; - какова роль техники в бытии человека и человечества, её воздействие на социокультурную динамику, то есть на развитие общества и культуры; - какой тип отношения человека к миру, к природе формируется на основе техники и под её воздействием; - вопросы о том, какое место техника занимает в сообществе людей и какое должна занимать; - о том, как она влияет на характер общества; о том, как техника включается в систему политических отношений, в сферу власти; о том, как техника воздействует на психическую, духовную, интеллектуальную жизнь; как устранять негативные последствия технического прогресса; наконец, проблема формирования особой системы нравственных норм жизни в техническом мире. Речь идёт как об анализе техники вообще, так и об анализе отдельных, конкретных технических артефактов.

Подытоживая, мы видим, что техника – это сложный феномен культуры: - это средство преобразования среды, естественной и культурной; - это посредник между человеком и природой, который задаёт определённый тип отношений между ними (а именно, постепенно формируется агрессивный тип); - наконец, это средство, изменяющее самого человека и задающее проблему человека в мире техники. [13]

Пространство материальной культуры включает не только вещи, которые человек создаёт, и процессы создания этих вещей, но и самого человека, точнее его тело. С точки зрения теории культуры можно выделить особую сферу возделывания человеческого тела, его окультуривания – это физическая культура в широком смысле. Иногда физическую культуру рассматривают как один из комплексных видов, так же, как и художественную культуру, но все области и явления материальной культуры, как мы видим, в той или иной степени соединяют в себе черты материальные и идеальные (духовные).

Каким образом человеческое тело окультуривается, то есть включается в пространство культуры – идеалов, смыслов, значений, символов, норм и т.д.? Физическая культура в широком смысле охватывает целый ряд направлений такого возделывания тела.

Во-первых, культивирование здорового образа жизни. Само понятие «образ» здесь говорит о некоем идеале, на который нас ориентирует наша культура. Забота о здоровье является культурной универсалией, поскольку она тесно связана с самой жизнью человека в физическом, биологическом смысле этого слова, с его выживанием. Конкретные же образы здоровой жизни культурспецифичны, обладают разным содержанием и занимают разное место в системе ценностей культуры. Так, например, современная западная культура позиционирует здоровый образ жизни как одну из ключевых ценностей, в то время как для стран с низким уровнем экономического развития и благосостояния населения характерна в первую очередь забота о самой жизни, выживании, а не о здоровом образе жизни. Можно сказать, что ценность здорового образа жизни и заботы о своём теле вообще сегодня является маркером среднего класса. Практики здорового образа жизни как бы сигнализируют: мы имеем достаточно ресурсов (интеллектуальных, материальных, временных), чтобы заботиться о своём теле, здоровье и уровне жизни. С другой стороны, скажем, в Советском Союзе ценность здорового образа жизни маркировала так называемого советского человека - человека-строителя светлого коммунистического будущего. Это будущее подразумевало, а его строительство требовало всесторонне и гармонично развитую личность, в том числе развитую телесно. В любом случае здоровый образ жизни выступает как гуманистическая ценность, но, по сути, материальная, а не духовная.

Во-вторых, физическая культура в широком смысле включает в себя собственно физкультуру (в узком смысле), то есть любительские занятия физическими упражнениями. Часто мы видим этот элемент включённым в первый – в культивирование здорового образа жизни. В отличие от заботы о здоровье он не является культурной универсалией. Важным он, опять же, становится в первую очередь в пространстве современной культуры, когда человек всё больше отходит от физического труда и возвращается к физическим нагрузкам уже с другими целями и другими смыслами. В пространстве современной культуры физическая нагрузка, как и многое другое, становится

предметом нашего свободного выбора, а не вынужденностью, как, например, труд земледельца в Средние века или тренировки мужчин - будущих воинов в Древней Греции.

Третье направление возделывания тела – это спорт, то есть профессиональные занятия физическими упражнениями. В отличие от физкультуры здесь речь идёт не столько о цели гармоничного развития своего тела и заботы о здоровье, сколько о цели достижения наивысших результатов и получении гонорара за свою деятельность. К спорту сегодня относят как современные развлечения с использованием различных новейших достижений технологического прогресса, в том числе средств массовой коммуникации (как, например, киберспорт), так и разнообразные традиционные игры, связанные с национальными обычаями. Из всех спортивных традиций наиболее влиятельной во всём мире стала так называемая англо-саксонская модель (включающая такие виды спорта, как гольф, теннис, футбол, регби и т.д.), потому что она оказалась с конца XIX века сопряжена с интенсивным развитием массовой культуры. [8] Сегодня эта модель существует как глобальный формат. Для него характерна, с одной стороны, своеобразная сакрализация спорта, тесно связанная с продвижением идеалов «олимпизма», а с другой стороны, коммерциализация спорта. И та, и другая черты порождают культ героев, который очень свойственен современному глобальному спорту (впрочем, как он был свойственен спорту всегда).

Можно выделить особую категорию спорта, которая находится на стыке собственно спорта, физкультуры и игры – это так называемый этносport. Под этносportом понимают локальные спортивные состязания, которые исторически сложились у отдельных, как правило, небольших народов или этнических групп. По сути это то, с чего спорт начинался, - демонстрация двигательных навыков, которые были тесно связаны с потребностями адаптации к природно-географической среде. Такие состязания практически не детерминированы политическими и экономическими факторами, в отличие от спорта высоких достижений. Они часто имеют более игровой характер. По своим корням они тесно связаны с традиционными обрядами

(например, с инициациями), с религиозными ритуалами (например, с праздничными ритуалами). К ним относятся различные формы преодоления расстояний и препятствий, единоборства, логические игры и т.д. В результате таких спортивных состязаний, с одной стороны, совершенствуется физическая культура членов данного общества, а с другой, - укрепляются социальные отношения, потому что большинство представителей группы, как правило, проходит и через роль зрителя, и через роль непосредственного участника. [8]

Получается, спорт высоких достижений связан с массовой и элитарной культурами (масса – зрители, элита – спортсмены), а этноспорт – с народной культурой. В целом же спорт в разных своих проявлениях встраивается в любой тип культуры.

Четвёртое направление физической культуры – это медицина, как традиционная, так и современная. Наличие и использование медицинских знаний свойственно всем культурам. Можно говорить о том, что определённые «медицинские инстинкты» свойственны и животным. Но, опять же, от культуры к культуре, от эпохи к эпохе комплекс медицинских идей и практик разнится, часто весьма существенно. Как и в случае со спортом, в современной культуре эталонной стала западная медицина. В XX веке в науках, изучающих медицину как социокультурный феномен (в первую очередь в медицинской антропологии), сложилась особая терминология: собственно «медицина» – это медицина западного типа, основанная на соответствующей, медицинской, науке; «этномедицина» - традиции народного врачевания. Интересно, что, несмотря на укоренённость этномедицины в традиции, произошла некоторая подмена понятий, и именно такая медицина стала называться «нетрадиционной», в то время как под традиционной автоматически стала пониматься медицина западного типа. То есть наука и строго научный подход к лечению стали новой традицией – глобальным образцом, универсальным правилом, а различные народные формы целительства – некоей причудой и дополнением, иногда имеющим смысл.

Ситуация начинает несколько изменяться с последней трети XX века. Продолжительность жизни населения достигла небывалых

прежде показателей, но при этом значительная часть людей превратилась в хронически нездоровых, их состояние было невозможно улучшить только средствами официальной клинической медицины. Врачи стали вынуждены обращать внимание на культурную и психологическую составляющие. Некоторые доктора начали говорить о кризисе господствующей модели, в основе которой внимание к биологической стороне человека, активное использование «объективного медицинского знания» и широкое привлечение новых технологий. Был поставлен вопрос об обращении к более универсальной модели предоставления медицинской помощи, когда в расчёт берётся не только тело, но и душа, и социокультурные характеристики пациента. [9] Именно эта модель более свойственна незападным традициям врачевания. Наконец, следующим шагом стало признание (не полное, но достаточно широкое) западной медицины как одного из вариантов «этномедицины», то есть как особой «культурной системы». Это подразумевало, что «наука», являясь специфическим основанием западной «культуры», логически является основанием и западного варианта медицины. Причём речь идёт именно о естественнонаучном знании. Но это не универсальное, а культурспецифичное основание. И чтобы подчеркнуть эту культурспецифичность, а не универсальность подхода, по отношению к медицине западного типа исследователи стали применять наименование «биомедицина», то есть медицина, лечащая биологическую сущность, тело.

Мы видим, что медицина как элемент физической культуры и, шире, материальной культуры, в первую очередь характерна для западного типа культуры. Здесь медицина делает акцент на тело человека, в то время как для многих других медицинских традиций, например, индийской или китайской, в центре внимания находится человек как целостность, и даже первостепенную роль играет не собственно тело, а, например, энергии или состояния духа.

Ещё одним направлением физической культуры и способом окультуривания тела является танец. Часто танец, хореографическое искусство включается в сферу художественной культуры, поскольку он связан с созданием неких образов, с эстетикой. Но многие

элементы культуры сложно однозначно классифицировать, потому что человек – существо синтетическое и его действия, деятельность чаще всего не подчиняются какой-то единственной цели. Культура танца включает умение владеть своим телом; умение телесно выражать чувства, эмоции, послания; умение через своё тело и гармонию его движений устанавливать социальные контакты и презентовать себя; умение использовать ритмичность движений для погружения в изменённые состояния сознания и контакт с миром сверхъестественного. Во всех культурах тело используется подобным образом.

Наконец, последнее направление окультуривания тела, которое необходимо отметить, связано с различными видами украшения и трансформации, модификации тела. Здесь речь идёт о самых разных способах: культуризме и пластической хирургии, косметике и татуировках, боди-арте и похудении и т.д. В отличие от предыдущих направлений окультуривания в данном случае тело для того, чтобы стать культурно приемлемым, соответствующим культурным идеалам, выражающим определённые культурные или социальные смыслы, чем-то дополняется или как-то модифицируется. Например, юноша прошёл инициацию – об этом говорит специальный узор из шрамов на его коже; женщина замужем – об этом говорит кольцо на её пальце; девушка хочет соответствовать канонам красоты – об этом говорят её губы, увеличенные с помощью инъекций. Но, конечно, все эти знаки о чём-то «говорят» только тому, кто говорит на языке одной культуры с их носителем, кто находится в той же самой знаково-символической общности. Это самый семиотически нагруженный пласт физической культуры.

Ещё раз, все упомянутые позиции, направления – здоровый образ жизни, физкультура, спорт, медицина, танцы, украшения и боди-трансформации – можно осмыслить с точки зрения выделения универсальных, региональных и уникальных черт. Это помогает разобраться в том, что имеет корни в биологии, а что в культуре.

Если отвечать на вопрос, в чём же сущность физической культуры как сферы культуры, можно сказать, что её сущность в гармонии физического (то есть телесного) и духовного (то есть социального,

культурного), и достигается эта гармония одухотворением физического: телесное одухотворяется культурным, социальным. Этот принцип ярко отражает сущность культуры в целом, соотношение биологического и социокультурного, материального и духовного.

Если говорить о личности человека, разъединение тела и культуры, разведение внутреннего мира человека и его внешнего воплощения может иметь отрицательные последствия, когда одно развивается в ущерб другому. Например, когда телесно-физическое развитие оторвано от других аспектов развития личности (прежде всего, интеллектуальных и нравственных), это может стать основой для определённых форм девиантного поведения. С другой стороны, разъединение тела и культуры может воплощаться в отсутствии потребности и навыков формирования эстетики тела, прежде всего повседневной, а это важный компонент культуры личности, и т.д. [11] Так или иначе, разъединение тела и культуры опасно формированием такого типа личности, который называется «одномерный» или «частичный».

Для того, чтобы отразить важность физической культуры для формирования личности, используется понятие «культура физического совершенствования личности» (по аналогии с нравственной или интеллектуальной культурой личности). Здесь речь идёт об установке на физическое совершенствование и на использование качеств, навыков и знаний, которые приобретаются в процессе совершенствования, в своей повседневной жизни. Например, совершенствование своих танцевальных навыков и их использование в соответствующих социальных ситуациях.

С точки зрения теории культуры, вовлекаясь в процесс физического совершенствования, человек познаёт себя, других, окружающий мир. Он развивает самостоятельность, творчество, инициативу, формирует свой характер и мировоззрение. И эта идея в той или иной степени присуща всем культурам. Но в том, какой характер, какие формы принимает физическое совершенствование, отражаются потребности общества или сообщества, его стиль жизни: начиная от различий в канонах телесной красоты и способах их достиже-

ния и заканчивая предпочтительными двигательными навыками, которыми считается важным овладеть, формами их овладения – в спортзале в одних обществах, в процессе охоты в других. Как и все элементы и формы материальной культуры, процесс физического совершенствования соответствует системе ценностей, которые наполняют данную культуру.

Можно сказать, что теория физической культуры представляет собой культурологическую концепцию телесности и процесса её формирования, человеческой телесности как одной из базовых ценностей. И как материальная культура сигнализирует о тенденциях культурного развития вообще, так и физическая культура, являясь её частью, говорит о каких-то более общих процессах. Например, в повышенном внимании к физической культуре в последнее время помимо прочего можно увидеть стремление человека что называется «заземлиться» в эпоху, когда нарастают виртуальность и уход в мир идей и образов.

Закольцовывая наш анализ и делая переход от тела обратно к вещам, обратимся к костюму. Это аспект материальной культуры, в котором объединяются эстетика и технологии, биологические потребности и знаково-символические системы. Знаковые коды и социальные значения костюма формировались на протяжении большей части истории. Изначально люди использовали одежду для удовлетворения элементарных биологических потребностей, связанных с существованием человека, как индивидуальным, так и видовым, для защиты от неблагоприятных природных условий. Но постепенно, по мере появления социальной дифференциации в результате перехода от экономически примитивных обществ к обществам с более сложной смешанной экономикой и по мере того, как развиваются технологии создания тканей, одежды, усложняется крой костюма, появляются первые попытки маркировать свой социальный статус посредством одежды. Можно сказать, что с тех пор одежда не столько физически прикрывает тело, сколько придаёт ему определённое культурное значение и смысл. Вплоть до того, что очень условным является разграничение «голого» и «одетого». На-

пример, для афганского талиба женщина без паранджи уже является недопустимо голой, и её появление в таком виде в общественных местах вызывает соответствующую реакцию.

Очень многообразны формы одежды. Одеждой может служить звериная шкура, маска, кусок ткани, любая форма боди-арта - раскраска, татуировка, скарификация и т.д. Боди-арт - древняя практика. В Сахаре обнаружены наскальные изображения раскрашенного или татуированного человеческого тела, которые относятся примерно к V тысячелетию до н.э., а может и к более раннему времени. В Японии изощрённая культура татуировки существовала уже две тысячи лет назад, причём татуировке подвергались как мужчины, так и женщины. Очень разнообразны формы татуировки и раскраски тела в Океании и Африке. Раскраска, татуировка или скарификация не только дополняют, но иногда заменяют одежду в узком смысле. [5] Если одежда нужна только для того, чтобы выразить некие социально-культурные смыслы – брачный статус, возрастной статус, племенную принадлежность, - но не для защиты от воздействия окружающей среды, почему бы не ограничить её боди-артом? Так и происходило в целом ряде культур, отчасти происходит сейчас.

Утилитарная и символическая функции одежды в каждом отдельном случае сочетаются уникальным образом. Как правило, одна из функций преобладает, и эти функции, в свою очередь, также неоднородны. Так, утилитарная функция может проявляться в материалах – одежда из меха для защиты от холода, в покрое - просторная одежда для вентиляции тела в жару, в составе костюма – пояс для ношения на нём или за ним различных необходимых предметов и т.д. Символическая функция тоже многогранна: она имеет религиозный, социальный, субкультурный и другие аспекты.

Заключение

В результате мы приходим к нескольким важным выводам. Во-первых, материальная и духовная культура находятся в отношениях диалектического взаимодействия. В сфере духовной культуры генерируются некие идеалы, которые потом опредмечиваются во

множестве вещей, а материальная культура, тесно связанная с научно-техническим прогрессом, может давать возможности для появления и развития новых форм духовного творчества. Так в своё время, в середине XIX века, формирование импрессионизма - новаторского художественного стиля - стало возможным благодаря тому, что в результате развития производственных промышленных технологий появились тюбики для красок, плоские кисти с железными обоймами и мобильные мольберты. Это дало возможность и художнику быть мобильным, писать с натуры широкими экспрессивными быстрыми мазками.

Во-вторых, материальная культура, включая нашу телесность, оказывает огромное влияние на самовосприятие, идентичность, мировоззрение как сообществ, так и отдельных людей. Внешнее не может не отзываться во внутреннем, так же, как и наоборот. Не случайно зачастую именно через манипуляции с материей - с предметным миром, который нас окружает, а также с нашим собственным телом - мы стремимся изменить свою сущность. Английский писатель Гилберт Кит Честертон (Gilbert Keith Chesterton) в своём эссе «Ортодоксия», рассуждая о необходимых нам ограничениях, которые на нас накладывает природа или Творец, приводит такую метафору: «Можно освободить вещи от чуждых или случайных, но не от природных свойств. Вы можете освободить тигра от заточения в клетке, но не от полос. Не освобождайте верблюда от грузного горба – вы рискуете освободить его от верблюдности. Не призывайте треугольники разрушить их треугольную тюрьму – если они вырвутся за пределы трёх сторон, их жизнь плачевно оборвётся» [14, с. 384].

Можно иметь разные взгляды на то, имеет ли смысл треугольнику переродиться в круг, теряя при этом свою изначальную сущность, или мужчине превращаться в женщину, но реальность такова, что есть определённые свойства материи, которые теснейшим образом связаны с самой сутью явления или человека, и изменение этих свойств непременно влечёт изменение сути.

В-третьих, уметь отделять случайные, ситуативные черты от сущностных, природных или культурных, – очень важная и непростая

задача, правильное её решение помогает избежать неоправданных потерь и разрушений, а трансформации сделать более осознанными. Является ли паранджа сущностной, пусть не природной, а культурной, чертой традиционной афганской женщины или чертой необязательной, случайной, возможно, чуждой? Размышления над такого рода вопросами очень важны в современном мире.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Изд-во АСТ : Фолио, 2004. 678 с.
2. Гуторович О.В. Феномен современной техники: этические аспекты // Труды Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского. 2014. № 643. С. 196-201. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26337603_78481576.pdf
3. Дессауэр Ф. К философии техники. Что есть техника? – Термин и сущность // Онтология проектирования. 2016. Т. 6, №3 (21). С. 390-406. DOI: 10.18287/2223-95372016-6-3-390-406
4. Карпов А.В. Мир вещей [Электронный ресурс] / Культуролог – сайт о культуре вообще и о современной культуре в частности. URL: <https://culturolog.ru/content/view/14/7/> (Дата доступа: 28.03.2023)
5. Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово, 2003. 432 с.
6. Льюис К.С. Предисловие к «Потерянному раю» // Льюис К.С. Избранные работы по истории культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 928 с.
7. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2001. 404 с.
8. Михайлова Н.В. Спортивное боление и коллективная идентичность // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2019. Т. 2, № 2(38). С. 90-96. URL: <https://www.uzknastu.ru/files/pdf/38/2/16.pdf>
9. Михель Д.В. Изучая культуру, здоровье и болезнь: медицинская антропология как область знания // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2013. Т. 2, № 1(70). С. 205-217.

10. Панарина Н.Ю. Текст и контекст: теоретический аспект материальной культуры // Культура. Духовность. Общество. 2013. №5. С. 115-118.
11. Попов Г.Н., Петухова О.В. Роль антропологии в формировании профессионально-педагогической культуры // Мир науки, культуры, образования. 2012. №2(33). С. 128-130.
12. Роль орудия в развитии человека: сборник статей / Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эпинас. – Л.: Прибой, 1925. – 189 с.
13. Романова Н.В. Культурологические подходы к техническому развитию общества // Сборник научных трудов SWorld. 2011. Т. 29, № 4. С. 50а-52.
14. Честертон Г.К. Ортодоксия // Честертон Г.К. Вечный человек. М.: Политиздат, 1991. 544 с.
15. Шпенглер О. Закат Европы. М: Наука, 1993. 592 с.
16. Энгельмейер П.К. Теория творчества. СПб.: Образование, 1910. 208 с.
17. Энгельмейер П.К. Философия техники. Вып. 1. Общий обзор предмета. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1912. 96 с.

References

1. Berdyaev N.A. *Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The Meaning of the Creative Act]. Moscow: AST : Folio Publ., 2004, 678 p.
2. Gutorovich O.V. Fenomen sovremennoj tehniky: jeticheskie aspekty [The phenomenon of modern technics: ethical aspects]. *Trudy Voенno-kosmicheskoy akademii imeni A.F. Mozhajskogo* [Proceedings of the Mozhaisky Military Space Academy], 2014, no. 643, pp. 196-201.
3. Dessauer F. K filosofii tehniky. Chto est' tehniky? Termin i sushhnost' [To the philosophy of technics. What is technics? Term and essence]. *Ontologija proektirovaniya* [Design Ontology], 2016, vol. 6, no. 3(21), pp. 390-406. <https://doi.org/10.18287/2223-95372016-6-3-390-406>
4. Karpov A.V. *Mir veshhej* [The world of things]. URL: <https://culturolog.ru/content/view/14/7/> (accessed 28.03.2023)
5. Kon I.S. *Muzhskoe telo v istorii kul'tury* [The male body in the history of culture]. Moscow: Slovo Publ., 2003, 432 p.

6. Lewis C.S. A Preface to “Paradise Lost”. Lewis C.S. *Izbrannye raboty po istorii kul'tury* [Selected works on the history of culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 928 p.
7. Mumford L. The Myth of the Machine. Technics and Human Development. Moscow: Logos Publ., 2001, 404 p.
8. Mihailova N.V. Sportivnoe bolenie i kollektivnaja identichnost' [Sport Support and Collective Identity]. *Uchjonye zapiski Komsomol'sko-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University], 2019, vol. 2, no. 2(38), pp. 90-96.
9. Mikhel D.V. Izuchaja kul'turu, zdorov'e i bolezni': medicinskaja antropologija kak oblast' znanija [Studying Culture, Health and Illness: Medical Anthropology as a Field of Knowledge]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Vestnik of Saratov State Technical University], 2013, vol. 2, no. 1(70), pp. 205-217.
10. Panarina N.Y. Tekst i kontekst: teoreticheskij aspekt material'noj kul'tury [Text and context: theoretical aspect of material culture]. *Kul'tura. Duhovnost'. Obshhestvo* [Culture. Spirituality. Society], 2013, no. 5, pp. 115-118.
11. Popov G.N., Petukhova O.V. Rol' antropologii v formirovanii professional'no-pedagogičeskoi kul'tury [Role of anthropology in forming professionally-pedagogical culture]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The world of science, culture and education], 2012, no. 2(33), pp. 128-130.
12. *Rol' orudija v razvitii čeloveka* [The role of a tool in human development]: collection of articles. Kapp E., Noiré L., Cunow H., Espinas A. Leningrad: Priboy Publ., 1925, 189 p.
13. Romanova N.V. *Kul'turologičeskie podhody k tehničeskomu razvitiju obshhestva* [Culturological approaches to the technical development of society]. *Sbornik nauchnyh trudov* [Collection of scientific papers SWorld], 2011, vol. 29, no. 4, pp. 50a-52.
14. Chesterton G.K. Orthodoxy. Chesterton G.K. The Everlasting Man. Moscow: Politizdat Publ., 1991, 544 p.
15. Spengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Moscow: Nauka Publ., 1993, 592 p.

16. Engelmeyer P.K. *Teorija tvorchestva* [Theory of creativity]. Saint-Petersburg: Obrazovaniye Publ., 1910, 208 p.
17. Engelmeyer P.K. *Filosofija tehniki. Vyp. 1. Obshhij obzor predmeta* [Philosophy of technology. Ed. 1. General overview of the subject]. Moscow: Tovarischestvo skoropech. A.A. Levenson Publ., 1912, 96 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Надежда Владимировна, доцент кафедры истории, археологии и краеведения, кандидат исторических наук
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
ул. Горького, 87, г. Владимир, Владимирская обл., Российская Федерация 600000.
cnadezhda@yahoo.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda V. Mihailova, Associate Professor; Chair of History, Archaeology and Local History; Ph.D. in History
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
3, Gorky Str., Vladimir, Vladimir Region, 600000, Russian Federation
cnadezhda@yahoo.com
SPIN-code: 7850-0336
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8427-3318>
ResearcherID: R-9256-2017

Поступила 06.06.2023

После рецензирования 19.06.2023

Принята 25.06.2023

Received 06.06.2023

Revised 19.06.2023

Accepted 25.06.2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://csjournal.ru/>)

Russian Studies in Culture and Society – специализированный академический рецензируемый журнал, посвященный актуальным проблемам социокультурной жизни России, и представляющий результаты исследований ученых постсоветского пространства и зарубежных исследователей.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0 по тексту
Рисунки	(1)
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.

2. Материалы и методы.

3. Результаты и обсуждение.

4. Заключение.

5. Информация о конфликте интересов.

6. Информация о спонсорстве.

7. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(<http://csjournal.ru/>)

Russian Studies in Culture and Society is a specialized academic peer-reviewed journal devoted to the topical problems of the life of the Russian society and culture, and presenting the results researches of scientists of the post-Soviet space and foreign researchers.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. **Introduction.**
2. **Materials and methods.**
3. **Results of the research and Discussion.**
4. **Conclusion.**
5. **Conflict of interest information.**
6. **Sponsorship information.**
7. **Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДВИЖНИЧЕСТВО КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ И.В. Макаров, В.В. Пасечник	4
ТЕМА СЕРДЦА В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ, РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И.В. Макаров	27
КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ Э.Э. Ибрагимов, В.С. Анохин	52
INTEGRATION OF TRADITIONAL CULTURE AND MODERN TECHNOLOGY: AN EXPLORATION OF THE OPTIMIZATION OF CULTURAL ELEMENTS AND WATER SELF-PURIFICATION SYSTEMS IN THE TRADITIONAL CHINESE WATERSCAPE DESIGN Yue Zixuan	67
«ДРАКОН, ЛОТОС, ФЕНИКС» КАК ОСОБЫЕ СИМВОЛЫ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ Цао Хэ	78
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЧЕЧЕНСКОЙ ЖИВОПИСИ (2000-2012 ГГ.) Н.У. Ярычев, З.Р. Хамзатова	90
ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНДУСТРИИ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ Н.А. Мальшина, И.В. Каменская	106

ВОПЛОЩЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ В КИТАЙСКОМ ФОРТЕПИАННОМ КОНЦЕРТЕ «ХУАНХЭ» Чжао Яньчжань	130
ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ Н.В. Михайлова	148
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	172

CONTENTS

ASCETICISM AS A PRACTICAL EXPRESSION OF TRADITIONAL VALUES IN RUSSIAN ORTHODOX CULTURE I.V. Makarov, V.V. Pasechnik	4
THE THEME OF THE HEART IN THE BYZANTINE TRADITION, RUSSIAN ORTHODOX CULTURE AND RUSSIAN PHILOSOPHY I.V. Makarov	27
CULTURAL AND EDUCATIONAL TOURISM AS A DIRECTION OF USING AND PROTECTING THE CULTURAL HERITAGE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA E.E. Ibragimov, V.S. Anokhin	52
INTEGRATION OF TRADITIONAL CULTURE AND MODERN TECHNOLOGY: AN EXPLORATION OF THE OPTIMIZATION OF CULTURAL ELEMENTS AND WATER SELF-PURIFICATION SYSTEMS IN THE TRADITIONAL CHINESE WATERSCAPE DESIGN Yue Zixuan	67
«DRAGON, LOTUS, PHOENIX» AS SPECIAL SYMBOLS OF CHINA CULTURE Cao He	78
REPRESENTATION OF THE MEMORIAL CULTURE IN CHECHEN PAINTING (2000-2012) N.U. Yarychev, Z.R. Khamzatova	90
PROJECT ACTIVITY OF THE CULTURAL INDUSTRY: NEW SOCIOLOGICAL APPROACHES N.A. Malshina, I.V. Kamenskaya	106

THE REFLECTION OF SOCIALISM REALISM IN RUSSIAN MUSIC IN THE MUSIC IN THE CHINESE PIANO CONCERTO “THE YELLOW RIVER” Zhao Yanran	130
A HUMAN IN SPACE OF MATERIAL CULTURE N.V. Mihailova	148
RULES FOR AUTHORS	172